

Вещь

1(21)/2020

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Николай Кононов

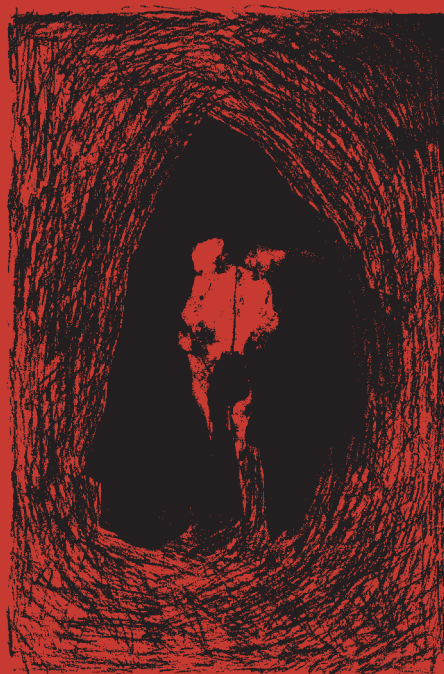
Наталья Михалева

Проза

Константин Духонин

Критика

Случай Селукова

Вещь

1(21)/2020

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

18+

3	.....	Николай Кононов <i>Пьесы (стихи)</i>
8	.....	Андрей Дербенев <i>Путик (рассказ)</i>
18	.....	Наталья Михалева <i>Прижаться глазом к траве (стихи)</i>
22	.....	Константин Духонин <i>Заповедник мертвецов (роман)</i>
61	.....	Михай Бабич, Анна Киш, Янош Томаши-Орос, Иштван Турци, Иштван Вёрёш, Рита Андреа Вечеи <i>Тишина перемирия (венгерские поэты в переводах Яна Кунтура)</i>
74	.....	Нина Горланова <i>Сны (нон-фикшн)</i>
88	.....	Евгений Витченко <i>В снегу по пояс (стихи)</i>
91	.....	Случай Селукова: <i>интервью, рецензии (критика)</i>
104	.....	Марта Шарлай <i>Об «Уральском акценте» Олега Дозморова (критика)</i>
112	.....	Юлия Баталина, Даниил Рытов <i>Ихневмоны и Пантевгены, Координаты Иванова (рецензии)</i>
117	.....	Авторы номера

Николай Кононов

Пьесы

***

Мимо, мимо лучших звуков, что, изнемогая, живут
Во мне, во мне, пританцовывая двугавром гибким, как жгут,
Сладостью Гесперид, брызнувших в кромешном огне
По мировому лекалу, кратному и моей длине.

Промельк мошек, не мающих рта и клоаки!
За овином потявкивающие собаки
Расточают «гав-гав-гав» дрожанию сфер,
И голуболобый головорез-изувер
Помене трех четвертин,
Неумолимо пяясь, мой оставляет притин.

***

На вечну жизнь не посягая,
Стоишь, матерый, истекая,
На палец локоны вия...
Перепелёная струя
Влечет тебя, но неги нет
Под маревом чумных планет –

Там наркоманы-пареньки
Виются бухтами пеньки,
Чтоб лыко мылилось Россией,
Немыслимого принеси ей,

В таилище ее зайдя,
На смертодудочке зудя.

***

Полночи за покойников молился
И пальцев на руках обеих не хватило;
Я «Отче наш» бубнил, как мантру заводную,
Чтоб душам их леталось хорошо,
И множится во мне широколистье
Имен их сладостных лозой прозрачнокровой,
И вот я, словно склон повитый,
Вместилище их прозвищ молодых.

Им не лежит уж давно –
Трухе веселой, погорельцам славным,
Они везде, и сущее мое искрит многоименьем;
Вот, папа, ты молодчик безупречный на привале меж боев –
Застал тебя я в мечтаньях простодушных;
Взираешь на меня юнцом,
Как будто бы на стрелочку секундную,
И замерла она, дрожа, кузнечиком прыгучим
В твоём безвременье на самом низком старте...

***

Заря заре гнилушку кажет полупьяную, как будто просит
В сквозном метро на перегоне: хоть рубль денег дай-дай-дай
На операцию над плотью архаической, ведь Райнер белокровый
Воспел ее, прекрасную, породе нашей русской набекрень.

...Когда Лёв Николаич в бороду бубнил гостям своим прикольным,
Что нет — не пуп земли земной он вовсе, ни в коем разе, господа,
Реально разве чисто царь травы, не больше, луговой;
В смятенье Райнер:
— Я так один, — шептал деревьев мраку за окном.

Никто не понимает... — все повторял он, повторял и повторял...
И там вдали, в полутора часах ходьбы неспешной,
Упершись грудью в пыльные стропила, вздохнул ему союзно сеновал,
С изнанки запылав горячей шубой русской...

***

Стихов надменных хвост павлиний люблю-люблю-люблю,
Как будто детушкам рассказывал про макулатуру и металлолом;
Ведь пионерия их с гордостью носила по моногородам туда-сюда,
Там труд трудящиеся трудно свой трудили, ославленные армией искусств.

Теперь ОМОН в детей по-волчьи хнычет, многозарядной поводя елдой...
Но хипстеру устав краснознаменный в карман не лезет — там айфон
Худую ягодицу согревает созвездьем лайков фрэндов дорогих,
И сердце сердце манит, манит, манит, неслышимое в шуме мировом...

***

...Как счесть их всех, когда, вздохнувши, молча убывают,
Зачатые омовцем-страной, —
Под языком, уздечки возле, скользят себе неумолимо
Росинкою по выхлопу-дуге туда, где улялюм-газопровод...

Я б запахи в себе таил плацкартного вагона
Оравы спящих граждан больше, если б не
Светлана Михайлюк Сергевна с усталой Нурганышью
Проводниками в смену заступили на самой темной станции моей...

***

У смутного табло в волшебном аэропорту Клингзора девы спят —
До первого полета в турбинах также звук убытком выстывает...
Холёной тишиной почудилось мне прошлое мое,
Там сердца колотье в невидимую всхлипнуло преграду.

Я – Парсифаль – к груди планшет, как лебедя убитого, прижму я.
Там комментов и лайков мельтешенье веет моих невидимых друзей,
Но запах их попятный невесом, как будто нет их воплощенья больше,
Не причаститься неги их телесной – сплошные похороны правит «Улялюм»...

***

Приходит шорох –
Это грома предвестник,
Листвы наместник,
Тишины противник.

Все устались
В устройство неотрывно:
Любопытные животные,
Неопрятные люди –

Цум-па-па-цум, –
Дибонис заливаает,
Льет яд едкий
Всем из пипетки,

И народонаселенье,
Дредами мотая,
В складчину
Друг другу помогает...

***

Смотри, собачка мельтешит
И дышит часто,
И алкаши пристроились
В кустах уютных
Облапать банку пятерней,
Как будто в час тот
Иное, высшее литье
Прольют в них.

Соси сосок,
Слабей росток,
Пастух, взвивай арапник
Над звездами, что острие
Искрят о рельсы.
Ты понимаешь – ты ничто,

Ни брат, ни раб их —
На корточках у рубежа
Присел сидельцем...

***

— Курить бросил, так как дым копной на вал сердечный намотало, —
Будет случай, так заходи, Витек, пока на выходные отпустили...
Да *белка* ко мне, как говорится, прискакала и по черной
Лестнице в окно метнулась прям в колодец глубочайший.

...Там на самом дне, где блядомузыка живет приплодом рвотным,
В 107-й квартире окнами в пухто, где пыль помола
Беспросветного в пакетики фасуют, — все простить Витек не может
Пенье сладкое Орфею, не похожее совсем на дракуладу...

***

Их несколько, головобоев чуждых
Разбивших вдребезг мозг
О ночь-футбол, и вот подспудных
Страданий нет — всё воск.

И в бездны плотно-синий мякиш
Башкой бездрожжевой
Взойдешь, чтоб снова замаячить
Мне мглой живой.

Там облаков белесый ластик
Стирает самоблеск
Луны, но ты успел, схоластик,
Из нескольких, из неск...

(Памяти В. I.)

Андрей Дербенев

Путик

Августовский туман пришел с реки. Видел однажды — возвращался с рыбалки, — как туман крался по лесу на уровне груди, обволакивал ели, повисал на ветвях, кустарниках.

Липкий, скребешь его со стекол, скребешь, а он размазывается йогуртом и скрывает двор от глаза. Прильнешь, приглядишься. На дровник опустилась манна небесная, каша легла между травинками. Белобородый пес усердно стряхивал с себя приставучее облачко. Поскуливал.

Я прыгнул в галоши. Открыл дверь. Утренняя муть окутала меня за плечи и легла

на лицо влажной теплотой. Двор застыл, тишина зацементировала лес за оградой. В туман птицы не поют.

Пес лежал возле дровника, повернул ко мне морду. Он со мной уже три года, с тех пор как я приобрел этот дом. Местное лесничество списало дом на кордоне «Ельник» за ненадобностью, и он год стоял заколоченным. До меня здесь жили егеря, но прошло укрупнение, кого-то уволили, перевели на другие участки.

Пес прибился через неделю, когда я уже начал наводить порядок. Он принес в зубах зайца, вроде как дань дружбы. Я был не про-

тив. Дал ему прозвище Бывалый. Поменял хозяина — получай новое имя. Почему Бывалый? А и вправду потертый пес, травленный волк. Не смог я распознать его породы, но его бабка явно была сибирской лайкой: из нас двоих охотничьи инстинкты были только у пса. Еще это небольшая ирония. В детстве любил пересматривать фильм «Пограничный пес Алай», мечтал о собаке. Алай — Бывалый. И потом, он явно жил здесь до меня.

Эти места я знаю, водил сюда туристов. Вверх по реке, через болота до озера и Хребта.

Я взял в охапку четыре полена, приоткрыл дверь и свистнул Бывалого. Пес нырнул в темноту дома, но тут же выскочил на крыльцо и вгляделся в лес. Я проследил за его взглядом. Между елей сверкнули фары, и донесся звук двигателя. Это «буханка» Чумакова. Чумаков занимался забросками туристов до Хребта, иногда заезжал на кордон, я показываю ему продукты.

В это лето он появлялся редко, туристов на маршруте мало, есть и более достопримечательные места с оборудованными стоянками.

Чумаков остановил «буханку» возле ворот, сам откинул жердь и въехал во двор, крикнул в открытое окно: «Здорово, отшельник!»

— Ну как ты тут? — Чумаков заключил меня в объятия и хлопнул по спине.

— Все у меня хорошо, а ты чего? Я тебя не ждал раньше 20-го, ты говорил, у тебя там группа будет, — удивился приезду Чумакова.

— Гостя к тебе привез, — Чумаков прищурился, шепотом: — Парень брата потерял, просит помощи.

Дверь хлопнула. Рядом с «буханкой» стоял высокий худой мужчина. Мы с ним ровесники.

— Это Виктор, — сказал Чумаков. — Помочь ему надо. Ты же знаешь, дожди прошли, даже я на своей «буханке» не проеду по размытой дороге, а если где встряну, мы не вытолкаем. А у тебя лодка, по реке пройдете, лес прочешете, покричите.

— Здравствуйте, — Виктор протянул руку.

— Здравствуйте, — пожал руку в ответ. Последние несколько лет пожимал стальные

руки лесорубов, охотников, водителей. А эта рука была невесомой.

— Тут такое дело, — Чумаков отвел меня в сторону. — Виктор мне рассказал, что брат пошел посмотреть делянку и исчез. Его искала полиция, охотники, волонтеры. Он мне звонит, отвези, говорит, я сам искать пойду. Я его обманул, что дороги размыты. — Чумаков махнул Виктору. — Куда парню одному по тайге. Рассказал про тебя, что ты, мол, опытный проводник. Он меня уговорил подбросить до кордона. Походи с ним пару дней по лесу и возвращайся. Дело безнадежное, неделю как пропал. Он платит, семья не бедная, лесом занимаются.

Чумаков достал из машины армейский баул.

— Я тебе крупы и консервов привез. — Чумаков залез в мешок. — Во, печеньки. Все, пошли чай пить.

Я раскопегарил печь, поставил потемневший чайник. Виктор сел на стул возле окна. Со двора на гостя смотрел Бывалый.

— Ты не расстраивайся, космонавтов наши и твоего брата найдем, — Чумаков разрезал ветчину, налил из фляжки в стакан водки. — Я не рассказывал, как мы из тайги космонавтов выводили?

Эту историю я слышал много раз. Утверждать, что Чумаков участвовал в поисковой операции, не берусь, но многие подробности я услышал от него раньше, чем вышла биографическая книга космонавта.

— Когда сигнал засекли — у них был коротковолновый передатчик, — и место определили, мы на лыжах вышли. Они к тому времени в лесу сутки провели, а мороз... даром что март. И еды у них не было. В общем, мы с топорами, пилами, едой, одеждой, одеялами добрались к ним днем второго дня. Там уже с вертолета забросили к ним команду спасателей. Нашли их, переодели, накормили, срубили шалашик из бревен и...

— ...и даже баньку организовали, — закончил я.

— Да, баньку.

Устроить походную баню все равно что утвердиться над суровой природой. Тайга крутит, путает следы, заманивает, морозит,

голодом выморачивает, а ты проходишь между тридцатиметровых елей, роешь землянку, рубишь шалаш, разводишь огонь, ставишь капканы, добываешь дичь, зверя и выживаешь.

— На третьи сутки вырубili две вертолетные площадки, на лыжах дошли с ними до вертолета. Они улетели, а мы на следующий день по своим же следам вернулись в город.

«Восход-2» упал, как звезда с неба. Его пассажиры день провели в заснеженной тишине без людей. Сначала одиночество космоса, потом одиночество леса.

Чумаков уехал под вечер, хотя я уговаривал его переночевать и соблазнял банькой. Мне хотелось, чтобы он остался подольше только потому, что я не знал, о чем буду разговаривать с Виктором. С новыми людьми плохо схожусь. Надо бы выяснить подробно сти пропажи.

— Рассказывай.

— Брат занимается лесом, — Виктор начал. — Он лесотехнический заканчивал, а потом долгое время работал на заготовках. Лет пять назад мы с ним организовали компанию, я тогда вернулся из города, у меня там не заладилось. Неделю назад пошли смотреть участок, который на аукцион выставили. Брат всегда сам все смотрел, чтобы лес хороший был, не гнилой. Я остался на дороге, в машине. Жду его час-два-три. Не выходит. Всю жизнь в лесу провел, понимаете, ориентироваться умеет, в кармане всегда спички, хоть и не курит. Я походил-покричал, до делянки всего-то метров триста. На следующий день поиски организовали с полицией и волонтерами. Я сам волонтеров в соцсетях нашел. Охотники стреляли, думали, на звук пойдет, если заблудился. Так и не вышел.

— Где это произошло? — я расстелил на столе карту.

— Вот, в пятидесяти километрах от города.

Лесная дорога, на которой остался брат с машиной, разрезает лес с запада на восток, к северу от лесного участка река, ближайший поселок с лесопилкой в двадцати километрах. Я был в этих лесах однажды, когда проходил по реке, они сильно заболочены, а этим дождливым летом, возможно, непроходимы. Река собирает воду из глубины леса.

В таком лесу километр за двадцать. Сутки можно пройти до поселка, ну двое, но не неделю же. А если пересек реку и ушел на север, то задача усложняется.

— Надо собираться, чего сидеть, — я почесал лоб.

— Я готов, — сказал Виктор и показал на рюкзак. — Компас есть, зажигалка, вот... сухое горючее, сублиматы. Фляжка для воды.

— Утром наполнишь, чтобы свежая была.

Ночью ворочался. Много кто кормится от леса, но не все входят в лес с уважением. Охотник, что бьет зверя почем зря, рискует однажды попасть в капкан. Лесоруб, оставляющий после себя залысины, рискует лечь между бревен. Я не говорю, что нужно входить в лес босиком. С лесом у тебя не дружба, а перемирие. Не нарушай условий завета, останешься жив.

Виктор тоже не спал. Но старался лежать тихо, не скрипеть на кровати с сеткой, которую я ему уступил. Сам вместе с Бывалым — запустил в дом — лег на полу, на тулупе. Пес подпер мне спину своей костлявой спиной и еще долго дергал во сне лапами. Я наконец уснул и даже видел сон, но Бывалый заснул у двери и выпросился во двор.

Была по-северному светлая ночь, и я пошел к реке приготовить лодку. Бывалый побежал по тропе, но потом исчез в лесу.

Лодка-вишерка вросла в стеклянную гладь возле мостков. Мостки прогнулись подо мной, звякнула цепь, сонная рыба блеснула хвостом, туман захлестнул борт. Я вычерпал воду, долил в бак бензин и спрятал две канистры. Должно хватить, обратно будем сплавляться.

На востоке солнце поднималось огромным белым шаром.

Вспомнил рассказ Чумакова об эвакуации космонавтов. Двое на орбите как братья. Сутки вдвоем в тайге, один не оставил другого, чтобы пойти за помощью. Один поддерживал другого. Одному в суровой тайге можно выжить, а вдвоем шансы... Это тот случай, когда два равно десяти.

Первое время одиночество тяготило меня, все казалось, что кто-то ходит во дворе, мерещились приглушенные голоса, стуки

по ночам. Потом привык, или перестал замечать, или списывал на диких животных. Когда пришел Бывалый, приписывал все звуки во дворе псу. Я уединился на кордоне, сбегал от братьев.

Отражение в реке смотрело на меня впадавшими глазами. Отпустил бороду, стал лесным жителем, отшельником.

— У-у-у, чудь, — ударил кулаком по воде. И пошел будить Виктора.

— Пора вставать, — крикнул я с порога.

— Угу, — Виктор откинул одеяло. Он был одет. Накинул куртку, взял рюкзак и встал у порога.

— Подожди, давай позавтракаем.

Вскипятил воду, залил овсяные хлопья, добавил ложку меда, перемешал. Нарезал бутерброды, разлил по кружкам чай.

Виктор ел с поспешностью.

— Расскажи мне о брате.

— Ну, что мне рассказать... даже не знаю.

— Как его зовут?

— Жека... Евгений.

Мы погрузили рюкзаки, палатку, спальники, чехол с рыболовными снастями. Я завел мотор, включил реверс, отплыл на середину реки и развернул лодку носом против течения.

За три часа мы прошли вверх по реке 50 километров, причалили. От места, где лесоруба видели в последний раз, оказались всего в паре километров. Мы оставили лодку, я поставил на навигаторе точку.

Лес оказался заболоченным, как я и предполагал. Я срубил два шеста, один отдал Виктору.

— Проверь ямы.

— Я по кочкам, — не понял Виктор. — В ямы не полезу.

После дождливого лета лес казался насквозь отсыревшим. Прогнившие стволы рассыпались под ногами. С ведьминых волос скатывались капли.

Отсыревшая земля хорошо сохраняла следы, следов в лесу было много. Охотники и волонтеры прочесали квадрат за квадратом. Но надо было еще раз проверить это место: если он передвигается, то мог и вернуться.

Заставил Виктора кричать брата по имени. «Жека-а-а-а». Три раза. Если человек спит, от первого крика он может проснуться, но не сразу поймет, звали его или нет. Второй крик поможет ему определить направление, откуда кричали. После третьего крика он ответит. Виктору трудно выдержать паузу, ждать и слушать отклик. Виктор торопится.

Мы шли с шестами, осматривая ямы. Я был готов найти неживого человека. Чаще всего потерявшихся находят в пределах двух-трех километров от места, где их видели в последний раз. Были такие случаи, когда люди выживали в лесу на седьмой и восьмой день. Их находили «заснувшими». Это когда организм человека пытается спасти остатки жизненных сил и вводит себя в подобие комы.

Мы ходили по лесу уже два часа, продвинулись всего на километр. Виктор выбился из сил. Приходилось переступать через гнилой валежник, обходить завалы. К четвертому часу мы наткнулись на глубокий ручей в чаще леса. На карте его нет. Было бы лето засушливым, ручей бы пересох. Но в этом году ручей потоком преградил путь. Невозможно перепрыгнуть. Я поставил точку на навигаторе, и мы пошли вдоль ручья на север. Ручей впадал в реку. Мне захотелось осмотреть берег: отсесть вероятность того, что человек переправился, либо найти следы переправы. Это входило в мои планы, но мне нужно было проверить спутника. Помотать его по лесу.

Я свистнул и покричал Бывалого. Пес бегал по лесу без нас, если бы он обнаружил человека, то привел бы нас к нему. Бывалый исследовал лес как охотник, но здесь неделю топтались люди, следов и запахов было много.

Мы вернулись к реке — я посмотрел навигатор — метров в трехстах от лодки. Бывалый выскочил из леса с высунутым языком.

— Спички есть? — спросил я Виктора. Он утвердительно кивнул.

— Разведи костер, погрейся.

Бывалый остался в охране, я пошел вверх по течению. Я надеялся, что глинистый берег оставит следы, и метров через двести я

их обнаружил. Человек на берегу разулся, прошел босиком, упал, оперся рукой, чтобы подняться. Перевернулся, встал на колени, поднялся на ноги. В грязь втоптана рабочая перчатка. Он явно торопился и, вероятно, не разделся, переправился через реку в одежде. Здесь не так глубоко, и если не упасть в середине реки, то вымокнешь только по пояс. В сырой одежде шансов на выживание меньше.

Я вернулся к Виктору, и мы сделали привал.

— Что-то нашел? — спросил Виктор

— Есть кое-что, надо проверить, — ответил я уклончиво, чтобы лишний раз не обнадеживать.

Мы дошли до лодки и стали медленно двигаться против течения вдоль левого берега. Бывалый выпрямился на носу и смотрел вдаль. Вскоре я заметил истоптанную грязь и причалил. Следы показали, что человек снова надел обувь и сразу ушел в лес, не оставшись на берегу. Я указал на следы Виктору.

— Как мы можем понять, что это мой брат? — спросил Виктор.

— Пока не обнаружим какую-нибудь вещь, принадлежащую ему, точно не сказать.

— А если мы пойдем по ложному следу?

— Такое бывает, — я снова поставил на навигаторе точку и посадил лодку на цепь. — Лодку оставим здесь.

Лес по эту сторону реки был выше и суше, но это по-прежнему тайга без заботливо устроенных волонтерами экотроп и стоянок с костровищами. Я не считал себя опытным следопытом, но явно считываемые следы обнаружить мог. В сырой земле след от сапога хорошо виден. Похуже на примятом мху. Несколько раз попадались сломанные ветки, слом был свежим, еще не потемнел. Один раз заметили следы грязи от прислонившегося к дереву человека. Он падал в глину еще у реки, а здесь сел у дерева, чтобы передохнуть, отдышаться. Здесь же осталось несколько обгоревших спичек.

Уставший человек оставляет много следов. Их и было много, пока мы не нашли место ночлега. Три ели повалены ветром, вздыблены в полтора человеческого роста корни с землей и мхом, образовали собой круг дру-

идов. В яме навален лапник. Здесь спал человек, добровольно взошел на погребальный костер из еловых ветвей. После этой лежки следы терялись.

Нам самим надо было устраиваться на ночлег, пока совсем не стемнело. Я решил не оставаться в мрачном месте, выбрал повыше и пореже, продуваемое, иначе сложно будет распалить костер. На долгую ночь решил запалить нодью из двух бревен. Ночами было уже холодно.

Самое важное орудие в тайге — топор. У меня был с собой кованый топор лесоруба с длинной ручкой. Топор выковал мне друг, кузнец-оружейник. Точнее, я сам ковал его под присмотром мастера. Топор прекрасно заменяет собой пилу. Я выбрал сухую ель, попеременно с Виктором нарубили два бревна в человеческий рост, стесали желобки, положили мох, кору, щепу, подожгли и сложили бревна на лаги, подняли бревна над сырой травой. С обеих сторон устроили лежаки из лапников, бросили спальники.

Бывает, что лес сам строит укрытия. Согнувшееся в поясе дерево устраивало ветвями кроны подобие шалаша. Слово хуорн из саги-сказки опустил руки в защиту всех, кто укрылся под ним. Зимой же можно вырыть проход в сугробе и укрыться под лапами ели: временное пристанище для привала.

Смоляная гуща растеклась у стволов и поднялась к кронам. Ночью в лесу сон тревожный, десять раз проснешься, поворочаешься, подставишь костру охолодевший бок. Зверь не подойдет, не тронет, он сам осторожен. В ногах Бывалый. Поводов для страха нет, но страх всегда сжимает внутри живота и холодит пальцы. Когда пугают звуки, лучше накрыться с головой. Я накрылся с головой.

Много раз ночевал в лесу у костра, без костра, в гамаке, под балаганом — спокойнее, когда спина прикрыта, — но все равно не могу привыкнуть.

Сон не шел. В детстве я так же лежал на кушетке без сна, рассматривая узоры настенного ковра, как только глаза привыкали к темноте. Из этих узоров каждый раз рождался бестиарий — не ведомые никому, кроме меня, животные, с гривами, раскры-

той пастью, хвостами-кольцами. Они жили на моей стене до первых лучей. Утром это снова был ковер.

Пеля-богатырь и Лесной человек бродили по тайге. Настала ночь, и они сделали нодью. Пеля положил под азиям бревно, а в изголовье дымящуюся головешку, а сам спрятался за деревом. Леший увидел, что Пеля уснул, и выстрелил в бревно. А богатырь из-за дерева в Лешего выпустил каленую стрелу.

— У тебя оружие есть с собой? — спросил Виктор из-за костра. Он видел, что ружья у меня нет.

— Ты чего-то боишься?

— Ну, там, звери.

— Не бойся, они не подходят, — я давно не брал с собой оружие.

Если берешь карабин, обязательно выстрелишь. Выстрел ружья разрывает плоть леса. Лес распадается на множество осколков, он уже не такой единый, и ты не можешь собрать его в себе. Начинаешь плутать по осколкам и теряешься.

В моем рюкзаке всегда «пугалка» с шумовым патроном и ракета. Напугать обнаглевшего зверя и подать сигнал о помощи. Еще ни разу не пригодились.

— Звери сами тебя боятся. А что вы с братом не поделили?

— У нас с ним все хорошо, — после долгого молчания ответил Виктор. За костром его не было видно.

Весь следующий день мы бродили впустую, пытаюсь отыскать следы. Тайга спрятала от нас потерявшегося. Вместо этого попадались лосиные тропы на границе леса и болота. Места были охотничьими угодьями сотни лет. Сейчас охотники редко забредают сюда: дорог нет, машины вязнут. Да и зверь то уходит глубже в тайгу, то бродит вокруг селений, когда все территории заняты «братьями».

Ночь мы провели в комфорте. На карте, которая осталась от егерей, отмечен охотничий домик рядом с ручьем. Я определил по навигатору наше положение и наметил азимут движения. До домика мы прошагали чуть меньше десяти километров.

Я отодвинул несколько сгнивших бревен, закрывавших вход, переступил высокий по-

рог. На земляной пол падал пыльный свет от прорех в еловых плахах, покрывавших крышу. Корневые стропила выглядели крепкими.

— Переночуем, — крикнул я за порог.

Виктор ввалился и огляделся.

— Сойдет.

Бывалый вбежал в домик и тут же выско-чил наружу. Пристроился под бревнами.

— Вогульский домик, — сказал я. — Но это не значит, что вогулы поставили. А эти стропила видишь? Так на всем русском севере строили. Поморы дерево с корнем закладывали в киль и форштевень карбасов.

— Откуда знаешь?

— Читаю много.

Паутину на оконце я убирать не стал.

Пока раскладывал ужин, Виктор огляделся, постучал по стропилам. Что-то привлекло его в углу, он стал разгребать земляной пол. Не успел я сказать, что не надо этого делать, как Виктор уже разворачивал потемневшую тряпку. Показался болванчик.

— Э-э-й, не все надо трогать в лесу, — сказал я Виктору. — У некоторых вещей может быть хозяин.

Виктор поспешно спрятал идола в ткань и закопал обратно.

— Ты знаешь про священные места вогулов и остяков?

— Что-то слышал.

— Иноплеменникам, пришлым, детям и женщинам туда вход воспрещен. Племенные священные места на горах, как на перевале Пурлахтым-Сори, Молебном камне или Одноглазой горе. А еще есть семейные святилища и священные озера. К ним мы не пойдем. Сколько раз пытались с туристами пройти, то плутаем вокруг, то погода портится до снежной метели летом.

Ночью пришлось запалить трутовик: одолевали комары.

Сквозь сон я слышал, как возле дома лаял Бывалый. Я нащупал свой нож, подождал с минуту, лай прекратился. Наверное, пес среагировал на ночного зверька или птицу.

Наутро мы выбрались из домика. Бывалый поохотился, судя по остаткам шкурки. Я вскипятил на газовой горелке воду и раз-

вел хлопья. Мы разделили с Виктором эту быструю кашу. Несколько пакетиков сублимата, консервы и спички оставил в домике.

Я рассчитал, что если мы возьмем на северо-запад, то вернемся к реке.

Метров через пятьсот я увидел на дереве вытесанный охотничий знак. Знак был старым, место теса давно потемнело. Точное значение знака я не знал, возможно, охотник добыл здесь лося и оставил метку. И хотел указать, что это его владения.

Понял, что мы набрели на путик, после того, как обнаружил слопец. Сторожок слопца давно сгнил, осталась почерневшая верхняя плашка. Обычно охотник забирает ловушки после сезона охоты, но что-то помешало ему вернуться за добычей.

— Смотри в оба, могут быть капканы, — предупредил я Виктора. Осторожность не помешает. Вдруг кто-то по старой памяти предков, владевших этими охотничьими угодьями, поставил самострел на лося. Встречал я вогулов восточнее этих мест, спрашивал о смертельных ловушках, ставят ли сейчас. В ответ мне только улыбались. Возможно, ставят.

Идти глубже в лес я считал бессмысленным. Я сохранил трек и поменял на навигаторе батарею. С навигатором и компасом заблудиться в лесу невозможно. Но мы заблудились. Мы придерживались нужного азимута, но сделали круг, вернувшись к охотничьему знаку. Я решил идти по компасу строго на запад, замечая деревья-маркеры и каждые двести метров сверяя путь. Но река не приближалась. Через пять часов блужданий мы сделали привал.

Шерсть на холке Бывалого вздыбилась. С пригорка на нас смотрел соболь. Инстинкт охотничьего пса говорил Бывалому «Поймай», но пес не спешил. Животное было крупнее обычного соболя, а на шее привязан шнурок. Соболь-пес смотрел на нас с минуты, потом отвернулся и медленно спустился за камень. Скрылся из виду, а Бывалый так и остался стоять на месте.

В эту минуту мы явно услышали шум воды. Набравшая скорость река ударялась о каменистые берега. Виктор вскочил и побежал на шум.

Мы спустились к лодке, оказалось, что плутали недалеко от нее. Этот день меня сильно вымотал, и, честно говоря, я хотел уже сворачивать поиски, но пока не знал, как сказать об этом Виктору. Он спросил сам:

— Мы возвращаемся?

— Я пока думаю, — заправил лодку бензином.

Сколько бродяг осталось в тайге? Пьяных лесорубов, упавших лицом в яму с водой, старателей, убитых другом из-за золотого песка, геологов, налетевших на самострел вогулов, заблудившихся туристов, умерших от переохлаждения, потому что не смогли запалить костер. Никто не должен умирать в болотах и кустах. Умирать — в своей постели, окруженным заботой жены и детей. Найти человека в лесу все равно что вернуть память о нем и достоинство. Лучше найти живым, но тут как повезет.

— На лодке мы можем пройти в верховья еще километров сто, — ответил Виктору. — Вероятность, что он вышел к реке, высока, большинство заблудившихся выходят к реке. Мы знаем, что он на левом берегу. Значит, будем плыть и смотреть, пока не стемнеет.

Мы поднимались в верховья, лес становился реже, ели и пихты ниже, а почва каменистой, земля покрылась белым мхом. На второй день на левом берегу я увидел ручей. Возле него было свободно от ивняка. Мы причалили. Чуть выше, где ручей выныривал из леса, я увидел вешки: ель на высоте в человеческий рост имела бутылевидное утолщение. Вероятно, здесь была часть перегонной тропы, возможно, оленей водили вдоль ручья на водопой. Потом снова гнали на хребет, спасая от комаров и гнуса. Вдоль ручья остались следы от полозьев нарт, словно лыжня без снега.

Комары облепили лицо, я застегнул на капюшоне сетку. Помог Виктору сделать то же, у него закусало «собачку». Представляю, как жутко выглядели бы два человека с черными дырами вместо лиц для того, кто наблюдал бы за нами. Мы снова развели костер, укутались в спальники.

Всю ночь мы слышали музыку ветра. В этом звуке было что-то от сотни маленьких

колокольчиков. Утром увидели источник звука. Дорога поднималась на хребет. На хребте мы обнаружили камень с дырой в центре. Он служил еще одной вешкой. Ветер не стихал здесь ни на мгновение, он проходил сквозь камень, и от его меняющейся силы изливались переливами звуки. Песня нагорной тундры рвала тишину.

Когда земледелец убил пастуха, кровь, пролитая в землю, взывала об отмщении. Но чтобы не множились преступления, Бог дал убийце охранную грамоту: «каждому, кто убьет Каина, воздастся всемеро».

Убийца ушел на восток от Эдема. Земля неохотно отдавала плоды, а дикие звери падали в ночи. Тогда земледелец построил первгород, восстановил род кочевников-пастухов, родил музыкантов и кузнецов. Внук его хвалился перед женами, что убил юношу выкованным сыном мечом. Люди сделали оружие, и зло умножилось на земле. И все дальше на восток уходил человек, отдаляясь от обетованной земли в страны изгнания. Земля здесь на полгода становилась снежной пустыней. Пустынники в шкурах вели через хребты сани с запряженными оленями, а охотники в лесах тропили зверя.

Кто ближе к Богу — земледелец или кочевник? Труд земледельца не оставляет ему времени для разговора с Богом, кочевник и охотник разговаривают с Богом, оставаясь под звездами в одиночестве.

Перегонная дорога шла на восток. Мы все выше поднимались на хребет. Мох мягко принимал тяжелые ботинки, распрямлялся и не оставлял следа. Карликовая береза цепляла ногу, она торчала из камней словно ветвистые рога оленей. Мы давили шикшу.

Там, за хребтом, река также повернула на восток, все ближе к горному истоку. На лодке уже не подняться: скорость течения высока, дно каменистое. Спускаться еще можно, на катамаране, с риском разбиться, но вот подняться — нет.

Брат Виктора мог уйти в горы. Много было случаев, когда человек выживал без еды и через три недели, а в воде здесь нет недостатка. Можно набрести на ручей или лужу, оставшуюся от таяния снежника, под-

питываемую дождем, встречались ледниковые озера и верховые болота.

Я все больше думал, что он не потерялся, а сбежал. Возможно, хотел оторваться от преследователей, спрятаться, а потом вернуться. Этим объясняется, что вначале, когда он спешил, оставил много следов, но потом перевел дух, собрался и стал прятаться. Сделал круг, вышел к реке, снова пересек ее и спустился до лесовозной дороги. Объяснение, которое меня бы устроило, потому что говорит в пользу возвращения.

Но пока мы поднимались на Камень. Тучи нависли низко, накрыли вершины, заморосил дождь. Мы не поднимались высоко, обходили Камни у подножий, вдоль ручьев и верховых болот. Потревоженные нами пеночки и овсянки — эти лесные воробьи — порхали над головами.

Дорогу преградила река. Из-за летних дождей она бурлила и пенилась. Нам нужно перейти ее вброд, другого пути нет. Мы разулись, подняли над головой рюкзаки и вошли в ледяную воду. Перехватило дух, скулы свело, и мелкая дрожь завладела телом. Ноги скользили на камнях, но мы торопились. Из-за поспешных движений вода захлестывала по пояс.

На берегу мы долго грелись у костра, сушили одежду и пили чай с сухарями — еда бродяг.

Потом нас ждал затяжной подъем по курмнику. Пока поднимались, нас преследовал туман. И когда мы вступили на узкую тропу между отвесной скалой и пропастью, белый дым уже закрывал от нас путь. Правой рукой я нащупал мокрую стену, слева проглядывала черная пропасть. Мы медленно переставляли ноги по карнизу. Виктор встал на камень, покрытый мхом, и нога соскользнула, он покачнулся, я вцепился ему в плечо и удержал от падения.

— На камни старайся не наступать, — сказал я Виктору. Вспомнил, как сам несколько раз попадался на эту ловушку. Мох соскальзывает с камня под твоей ногой, ты падаешь и ударяешь ногу или спину. Или прыгаешь при спуске на «живой» камень, падаешь, и он тебя накрывает. Если ты в одиночном походе, то такая неосторожность может стоить жизни.

Туман надо было переждать. Бродить в горах в туман — опасно. Но я не очень люблю оставаться в горах долгое время. Как по мне, лучше медленно, но идти. Горы всегда сопротивляются человеку, поэтому перевалы лучше переходить, а не оставаться на них. Сейчас не наткнуться бы на оленей, потерявших в тумане ориентир. Мне уже довелось оказываться на оленьей тропе утром, когда пастухи гнали стадо на выпас. Стадо неслось на меня с хрюканьем, но там было больше места, и олени предпочли меня обойти.

Мы прошли по узкой тропе, и когда вышли в долину, наступила слабость, какая бывает после длительного напряжения.

Меня кто-то толкнул. Я оглянулся. Виктор был в трех шагах слева, толчок был в правое плечо. Может, в тумане на меня все-таки налетел олень.

— Эй, ты кто? — крикнул Виктор. Перед нами стояла тень человека. Тень приблизилась, человек был в совике. «Оленеводы», я выдохнул. Но человек ничего не ответил, он прошел между нами. Он не был манси.

В этот момент меня снова толкнули. Перед мной стояла женщина. Она протянула мне руку, и я послушался ее призыва из страха и вежливости. Сквозь туман я увидел пятно костра. Я оглянулся, на всю видимую долину в тумане мерцали пятна костров.

Мы подошли ближе. Люди в круге протягивали к пламени ладони и пытались согреться. Кто-то был одет в совики, кто-то в камуфляж или горнолыжный костюм. Они могли показаться группой туристов, но разная одежда делала нелепым это собрание.

Бородатый, в горке, обернулся ко мне и спросил:

— Водка есть?

— Нет, — помотал головой. Он показал на место рядом с собой. Круг потеснился.

Я стал вглядываться в лица. Здесь было много пожилых. Но взгляд зацепился за девочку, в ней было что-то знакомое. Вспомнил, ее искали десять лет назад, ориентировками обклеили все столбы, по телевидению передавали приметы: худенькая, русые волосы, голубые глаза. На ориентировке синяя футболка с мишками из мультфильма.

Память вернула мне легенду о Пропащем камне, которую поведал пьяный охотник, ему ее рассказал дед, а деду последний в этих горных тундрах вогул. На Камень уходят те, кто оказался ненужным. Это место ожидания. Они ждут, когда их найдут. Горная тундра на этом Камне простирается не меньше тридцати километров. И костры все горят.

— Мы уже давно ни о чем не говорим, — снова сказал бородатый. — А смысл? Все темы уже обговорили. Если только ты расскажешь какие-нибудь новости? Есть новости?

— Нет, ничего нового, что бы вы уже не знали, — после паузы сказал я.

— Ну вот видишь. Тогда помолчим, если не против.

Мы помолчали.

— У тебя тут кто-то есть? — спросила девочка.

— Надеюсь, что нет.

У костра не было Виктора, я упустил его из виду.

— Я сейчас, — поднялся и пошел искать спутника.

От костра к костру переходил я по Камню. Везде сидели люди, грелись, пили чай, молчали или болтали без умолку, пытались шутить. Они мне улыбались, здоровались, предлагали место. Но я отказывался, потому что тревожился за Виктора.

И тут я увидел его со спины. Хотел подойти и хлопнуть по плечу, но напротив заметил человека. Человек был невероятно худ, щетина выросла в неровную бороду и местами опалена.

— Виктор, это твой брат?.. — я осекся. Виктор держал в руке пистолет. Моя догадка, что он вооружен, оправдалась.

— Брат, этого уже не нужно делать, — голос худого прозвучал в тумане глухо. Ты слышишь так голоса, когда одолевает дремота, и они звучат в каком-то другом слое — между сном и реальностью.

Я как будто услышал длинную историю о двух братьях, увидел, как они детьми играют в футбол, дерутся спина к спине. Потом один мальчик тащил другого на плечах, потому что «раненый» подвернул ногу и хромал, а нужно быстрее дойти домой, а не то батя выпллет.

Потом я увидел совсем что-то завораживающее. Из тумана появилась морда оленя с ветвистыми рогами. На его спине ехала девочка-вогулка, она держалась за рога большими рукавицами. Олень с девочкой прошел между братьями. Девочка посмотрела на них и улыбнулась. Я почувствовал, что ноги мои ослабели, я опустился на колени и упал лицом во влажный мох.

Проснулся оттого, что Бывалый лизал мне лицо. Видимо, после перехода перевала в туман я так крепко уснул, что даже не заметил этого. Над тундрой светило солнце и даже немного пригревало. Виктора не было рядом.

Произошедшие ночью события показались мне реалистичными, но все же я не смог найти следы костров. Три дня я бродил по Камню, пытаясь отыскать моего спутника.

Потом вернулся к лодке и за неделю сплавился до своего дома.

Через месяц после возвращения меня вызвал к себе следователь. Спрашивал о Викторе. Следователь был из местных, понимал, что тайга, если захочет, скроет все следы, и он никогда ничего не найдет. Я сказал, что провёл Виктора до Камня, а там он ушел к своему брату. И это было правдой.

Брат гнал брата, как охотник гонится за лосем в лесной чаще. И я был ему помощником. Вел его по охотничьим тропам. Братья встретились и решили больше не расставаться.

Дело о пропавших братьях будут несколько раз продлевать и закроют через три года, о чем мне расскажет следователь, когда будет проезжать с друзьями мимо кордона на охоту.

Глоссарий

Путик — охотничья тропа.

Лодка-вишерка — лодка с плоским узким днищем и длиной до семи метров и более. Используется рыбаками на реке Вишере.

Чудь — мифическое племя, жившее на Урале до прихода русских.

Нодья — таежный костер из двух или трех бревен.

Хуорн — ожившее дерево леса Фангорн из Средиземья Толкина.

Азям — верхняя одежда, сермяжный кафтан.

Киль — нижняя балка, проходящая по днищу корабля от носовой до кормовой части.

Форштевень — передняя часть носа корабля, продолжение килля.

Карбас — лодка поморов для рыбного промысла.

Болванчик — идол-оберег.

Слопец — ловушка давящего типа на глухаря, тетерева, куниц.

Сторожок — часть ловушки, приводящая в действие.

Самострел — лук-ловушка со стрелой для охотничьего промысла.

Вешки — искусственно созданные маркеры дороги или тропы.

Совик — верхняя одежда из шкур у северных народов.

Наталья Михалева

Прижаться глазом к траве

***

кто лежимо потерян предвидим
то вдогонку злу отравь молоко
смерть ранней жизни
ей окном дано видно присваивать
сжимать глазом мирность
малина и милые сорняки
столе чаша уставшей моли
рот маленький отражает
эмоциональную транспортицию
от плеча доставая всё тайное
их шагает встреча
до плеча
до опущенных ушков
уста человек трут в карманах памятки

***

мал человек зимой управлять
погоду знать
отяжаленье света видеть
когда тот в холо дуну руку
ляжет

люблю собачек и черн черепки
о чём и ласка
веткам слышит ухо идущего
шагающего по своим топтылям
взгляд из дерева
пальчики перебирающие в них камушки
по холоду не жаль их?
шобко улочкой уходить после свечевания
с льдин-глаз
с окошек где духи домов шепчأت:
гниша-весна придёт

***

пиша-сарог
слышит письмо за дверью
чужое лицо пристально присутствует
в шееободном договор-клочке
обрядном смирении у завода
будто жилого человека
по шажком тобуд
глазом скрасть соин вательно
не заберешь:
под ожёг в дом прожилка у реки
удолие подлакомство укрох
ангельских. [малопонятные слова]
шійтье детства
общего польного-с угольками
(полусольного-с чащобками)

***

прозрачная прогулка, хороший охват
погляделое дело слышу в конурах запах
подстиляется белая канва
ложится на плечи лапа
как же не думать прошло

его-её кассет запасных и ламп
одинаков забыв в тёплой комнате
плой и футболка как
я желаю прижаться глазом к траве
выпить бескрайность двух рек
закормить тишину
тянется новое старое диким всегда хвощом
он не вырос на даче он свой
морошит теряется
в камне твоя рука

***

медведи укромно сопят
ворчат
на волчат-пастухов
хоронителей их простыней
каков
портрет
когда чужое
лежит на стене лицо
как выдумка шелко ложится на дно
существо
существа в четыре раза дольше —
ему как

впрочем сластье

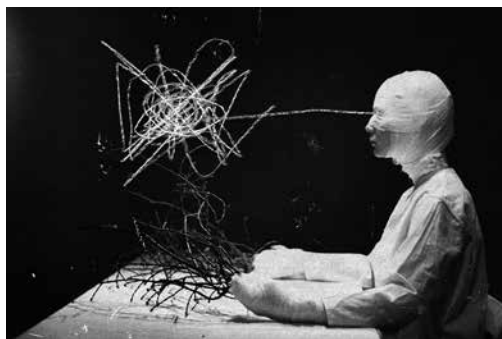
как для ребёнка изъятие — пропадание ноги
не скакать с череды на стальник
ротик в кистях
в настоящих шумных детских
пахись сеном
в кистях!
большой плечевой бугор
внутри отряхивается
культ луга мыла мглы
слабый плечевой бугор
стороженье одеяла от мороси

***

будто бы перед самой незыблемой реальностью обмазываю руки маслом
я будто переехал и живу теперь рядом с её прошлым
кусок металла ищущий в реальности нежность и отсутствие похоти
как же ты заблуждаешься о милый кусок углеродистой стали
о как же ты расслаиваешься тихо держась за веточку
маленькая каёмочка уроненная наземь
письма не было и не будет
был порванный снег мои в твоих красные щечки
были бледные были смешанные в своих мертвых радостях
вскормленные завтра усопши до полуночи

Константин Духонин

Заповедник мертвецов

Капитан ФСБ Максим Боширов-Петров отправлен на секретный объект, чтобы выяснить причину сбоев в работе не совсем обычного Вычислительного Центра. В глухом поселке его встречают коллеги. Майор Виктор Исмогилов со странным чувством юмора и доктор Антон Павлович, готовый ради научных экспериментов проводить бесчеловечные опыты. Они настолько разные, что все может закончиться трагично. Однако, когда возникает реальная угроза, им приходится объединиться не только друг с другом, но и с мертвецами.

Роман создан с помощью искусственного интеллекта RT.

Автор

В поселке уже везде погас свет, только на сельском магазине (одноэтажное деревянное здание — почерневший и массивный сруб) дико мерцала лиловая неоновая вывеска «Мясо-Электроника», подходящая из-за огромных размеров больше городскому магазину на центральной улице, чем такой глухомани. Дверь в магазин была приоткрыта. За прилавком женщина-продавец разлила по стаканчикам рябиновую настойку себе и седовласому

импозантному мужчине в галстук-бабочке с лопнувшими капиллярами на сером лице. Мужчина облокотился о прилавок, его влажный взгляд деликатно ощупывал формы собутыльницы, она же придвинула собутыльнику вспоротую плитку шоколада и, наконец, спросила:

— Антон Палыч, скажи мне как доктор, посоветуй по-соседски, что делать? Вот я и рентгеновские снимки сделала, а мне говорят — в центр надо с ними ехать, на прием

к специалисту. А на кого я магазин оставляю? Может, пропишешь какие-нибудь пилюльки или ну не знаю, чтоб я не моталась?

— Наденька Петровна, а что вас, собственно, беспокоит?

— Поясница, Антон Палыч, и между лопатками че-то ноет, как начнет — потом на голову перекидывается. С утра еще ничего, а к вечеру совсем плохо.

— Наденька Петровна, я же гематолог. Специалист по болезням крови. Вам к другим специалистам надо. Обследоваться сначала. Правильно говорят — в центр езжайте.

— Да не могу ж я магазин оставить! — Женщина возмутилась непонятливостью доктора, выпила рябиновку, разлила еще, заговорищица придвинулась к доктору и начала излагать идею.

— Антон Палыч, по телеку видела, что можно рентгеновские снимки в интернет отправить, специалисты посмотрят на снимки и лечение назначат. И ехать никуда не надо. Давай прямо сейчас отправим, а? Ты человек умный, по-медицински правильно их спросишь? У меня вот и снимки, и телефон с собой.

— Не получится, у вас телефон еще кнопочный. Не смартфон. Экран — черно-белый. На нем нет интернета.

— Да как же нету? Я когда симку покупала, мне сказали, что сколько-то там гигабайт бесплатно, смски — тоже. Да и рентгеновские снимки тоже ведь не цветные. Давай отправим, а?

Доктор снисходительно улыбался, мечтательно глядя на Надежду, вертел испачканными шоколадом тонкими пальцами кусочек, а другой рукой полез в карман за смартфоном (не бог весть какой аппарат, но с доступом в сеть), однако пока копошился, столкнулся с прилавка пластиковый стаканчик — рябиновка вылилась на его белый плащ и деревянный обшарпанный пол. Доктор стал осматривать на себе кровавые пятна, искать платок, достал его и вдруг от неожиданности вздрогнул, обронив в небольшую лужицу и платок. Рядом с ним стоял высокий бледный и худой молодой человек в толстовке с капюшоном и вопросительно смотрел на На-

дежду. Та тоже от неожиданности всколыхнулась телесами, но тут же совладала с собой и недовольно буркнула:

— Как бы дала вот за то, что так подкрадываетесь постоянно. Вот, ей-богу, бесит уже! Чего надо, нежить?!

— Терабайт памяти, — проскрипел молодой человек так, будто пенопластом по стеклу проскребли, и сглотнул.

Надежда кинула на весы полукилограммовый кусок свиной вырезки, посчитала что-то на калькуляторе:

— Чуть больше терабайта получается. Один и два. Возьмешь?

Молодой человек кивнул. Смел кусок свинины с весов и медленно направился к выходу, на ходу отрывая зубами свежую плоть. После его ухода Надежда тяжело вздохнула и, взяв швабру, стала затирать на полу тянущийся кровавый след. Заодно и пролитую рябиновку. Доктор налил себе еще.

ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОНОК

В старой деревянной избе посреди комнаты стоял массивный стол, на нем — дорогой и большой монитор с клавиатурой, беспорядочные листы официальных бумаг, чашка с остатками кофе, пепельница, доверху набитая окурками. В помещении стоял спертый запах курева. Зазвенел телефон. Из-под стола высунулась рука и стала разрывать ворох бумаг. Под ворохом прятался (не очень удачно) проводной, доисторический, еще дисковый телефон с гербом. Рука взяла трубку.

— Майор Исмогилов на связи. Здравия желаю, товарищ генерал.

— Виктор Федорович, — голос на том конце провода был приветливый, но властный, — рад вас слышать в добром здравии. Решено направить к вам сотрудника на усиление в связи с прошедшими инцидентами. У него есть боевой опыт, недавно вернулся из командировки. Есть мнение, что такая необходимость наступила. Прибывает завтра, по расписанию. Необходимо встретить. Вести в курс дела.

– Эээ... Так точно. Встретим. Введем.

– Это официальная легенда, Виктор Федорович. Причины его отправки не только в этом. Второе задание, связанное с этим визитом, только для вас и Антон Палыча. От того, как вы с ним справитесь, будет очень многое зависеть. Вы меня понимаете?

– Дык... Да, конечно. Так точно, – рука Исмогилова в поисках карандаша или ручки нервно смела половину бумаг на пол, вслед за бумагой чуть не грохнулась и пепельница.

– Отлично. Как я уже сказал, сотрудник побывал в командировке, имеет боевой опыт. Парень хороший, но в командировке с ним произошел неприятный инцидент. Ушел на задание в составе группы и вместо двух дней пробыл в тылу врага четыре. Вернулся один. Все остальные – двухсотые. Изложенные им в рапорте события подтверждаются, но медики, осматривая его, сделали неоднозначный вывод – телесные повреждения, с которыми он вернулся, могли быть получены в результате пыток. Психолог также утверждает, что моральное состояние сотрудника подавленное. Возникли подозрения, что он мог быть завербован. Надо за ним наблюдать. Есть мнение, что в нестандартной обстановке он быстрее сможет раскрыться и выдать себя. Либо начнет искать связь с кураторами. Если что-то такое произойдет – вы должны зафиксировать и доложить.

– Так точно. Понаблюдаю, – из-под стола с кожаной кушетки вскочил еще не совсем проснувшийся, взлохмаченный майор Исмогилов, до которого стала доходить важность миссии, которую ему поручали.

– И доктора подключите обязательно, Виктор Федорович. Пусть он также как психиатр в нем покопается. Перед этим возьмите расписку о неразглашении. Все по форме.

– Есть подключить! Хотя... – Исмогилов окончательно протрезвел, – наш доктор – он же гематолог, а не психиатр...

– Гы, – довольно хмыкнули на том конце провода. – А Антон Палыч молодец, хоть что-то про себя не рассказал. Я думал, вы там столько лет вместе, что друг про друга всю подноготную знаете. Он и гематолог, и психиатр. Ввожу вас в курс. Бывает такое.

– Разрешите обратиться!

– Разрешаю.

– А если выяснится, что он завербован, то каковы мои действия?

– Ликвидировать разрешаю. Но только в самом крайнем случае. Если будут неопровержимые доказательства того, что он завербован, и попытается выйти на связь с кураторами, то для пресечения контакта – ликвидировать. Подчеркиваю. Очень взвешенно к этому подойти. При наличии неопровержимых доказательств. Если такое случится (не дай бог, конечно) и в доказательствах будут хоть малейшие сомнения – задолбаешься объяснительные писать. И с органов вылетит – это самый минимум. Парень хороший, за просто так терять его не хочется. По глупости – тоже. Все ясно? Вы уж не обижайтесь, Виктор Федорович, но навыки оперативной работы у вас там, в глухомани, скорей всего, давно атрофировались, поэтому несколько раз повторяю о доказательствах. И еще – он будет как бы вести расследование насчет того, что популяция мертвяков сокращается. Так что типа помогите ему там. На этом отбой.

После неожиданного разговора майор ФСБ Виктор Федорович Исмогилов задумчиво зарядил кофейный аппарат на порцию напитка и оглядел комнату как будто в последний раз. На стене рядом с портретом В. В. Путина висели российский флаг, благодарности и грамоты. Новость о том, что кто-то может его заменить (а он понимал, что и легенда об усилении, и задание присмотреться могли быть ширмой для плановой замены), ему не особо понравилась. Точнее – совсем не нравилась. Это в центре его работа могла восприниматься как ссылка – глухомань, рутинка. И пусть! Его-то здесь все более чем устраивало. Охота, рыбалка. Нравилось добавка за особые условия службы, нравилось, что контроль осуществлялся только по телефону. Ревизоры не приезжали, только коллеги – да и то, чтоб отдохнуть. Он, разумеется, понимал, что под видом отдыха они наблюдали, что у него да как, чтоб затем доложить наверх, но это не смущало – еще одна особенность службы.

Как-то вся жизнь и работа были налажены самым удобным образом. Хотя он и числился бобылем, но имелись всегда под рукой две женщины в поселке, к которым он заходил. Обе друг про друга знали, но даже тут эксцессов не возникало. Все в его жизни и работе было как-то очень комфортно и складно устроено. Место службы менять абсолютно не хотелось — это означало бы... Впрочем, он даже представлять не хотел, как пришлось бы менять жизнь. Короче говоря, утро, по мнению Виктора Федоровича, не задалось.

ГДЕ МОЯ ЗАЖИГАЛКА?

Но получается просто блуд. Приводишь себя, сначала поглаживая пальчиком, а затем и всей пятерней жамкая, в сиюминутный восторг, а в результате полотенце оказывается в грязном белье. В этом смысле и путь к сердцу девушки приводил Кирилла в точно такой же волокнистый тупик. Он искренне не понимал и не мог принять тот факт, что результат завязан на предшествующем ему процессе. Ему казалось, что если хочется автомобиль — тот должен появиться без каких-либо усилий. Хочется девушку или счастья — это тоже должно на тебя свалиться просто так. Тем более что, как правило, корреляция между затраченными усилиями, полученными эмоциями (допустим, радостью) от достигнутого результата и собственно результатом почему-то всегда оказывалась с понижающим коэффициентом не в твою пользу. Разочаровывающих примеров в жизни Кирилла было предостаточно.

Как-то раз он проиграл на игровой приставке у однокурсника всю ночь. Родители однокурсника уехали на дачу, а на следующий день вернулись. Игру пришлось закончить. Кирилл сразу же захотел приставку, чтоб не зависеть от такого рода обстоятельств. Копил, работал, буквально недоедал. В результате через пару месяцев удалось заполучить (в кредит, разумеется) заветный девайс, оплатив первый взнос. Наигрался за месяц и после к приставке не притрагивался. Кре-

дит же пришлось гасить еще год. С тех пор в справедливость обменного курса затраченных усилий по отношению к результату он не верил.

И как же можно было объяснить оперативнику отдела «Э» эту концепцию? Как объяснить, что Кириллу важны были процессы, из которых он черпал энергию жизни, а не результат, следующий за ними? Так он сидел перед оперативником в задумчивости, пока тот заполнял в бланке допроса установочные данные, и машинально вертел в руках оставленную кем-то на столе зажигалку. Неожиданно дверь кабинета распахнулась, в кабинет ворвался паренек в такой же, как у Кирилла, серой толстовке, с мокрым лицом и взъерошенными волосами и почти выкрикнул: «Где моя зажигалка?! Не оставляй?» Увидел ее в руках Кирилла, подбежал, выхватил и так же стремительно умчался. Кирилл пожал плечами, достал свою и снова занял руки бесполезным занятием.

— Как ты попал-то в эту компанию и докапывался до жизни такой? Мне просто интересно. Ты ж всегдадатай абсолютно всех акций протеста. Такое ощущение, что тебе без разницы, против чего протестовать, главное протестовать, — спросил оперативник. Не то чтобы ему это было интересно, но надо было как-то разговорить Кирилла и подвести к нужным показаниям. — Объясни, зачем сегодня оказывал сопротивление сотрудникам полиции на несанкционированной акции протеста? Зачем оскорбительные лозунги выкрикивал в адрес президента и премьера?

— Вы будете, наверное, удивлены, но я ни в чем не виноват. Я не могу и не должен нести никакой ответственности за все эти поступки. Могу доказать.

Опер удивленно откинулся на спинку стула и приготовился слушать.

Началось все как-то случайно. Еще в студенческие годы. Вокруг его длинноволосого неформального однокурсника Гелимера постоянно крутилась стайка таких же безбашенных, как он, но очень милостивых девушек. Застенчивый тогда еще Кирилл предложил как-то вместе выпить пива, пообщаться. Буквально через пару выпитых

бутылок они вместе с однокурсником уже мчались на какую-то тусовку в больницу, где их общий знакомый подрабатывал сторожем. Больницу по ночам студенты благополучно использовали для пьянок и разврата. Кириллу понравились сначала пьянки и разврат, но потом как-то незаметно он оказался втянут в первую акцию протеста.

Выйдя утром не то чтобы с похмелья, а скорей еще пьяными, Кирилл вместе с шестью собутыльниками-неформалами заскочили в автобус до университета. Денег ни у кого не было. Когда автобус тронулся, Гелимер объявил всем пассажирам: «Товарищи! Я последний король вандалов! Автобус национализирован Анархистами Седьмого дня! Платить за проезд не нужно!» Тут же кто-то достал листовки и стал раздавать пассажирам. Кирилл также подключился к раздаче. Это было весело.

Затем были и другие акции. Разбивали лагерь около крупной нефтяной компании с плакатами «Нефтяники — убийцы!», «Хватит загрязнять нашу землю!». Жили в палатках. Менты дежурили, но почему-то не пытались лагерь ликвидировать. Особого драйва от житья в лагере Кирилл не почувствовал, скорей всего, ушел бы из него раньше времени под благовидным предлогом, если бы не реакция нефтяников. На лагерь натравили каких-то подвыпивших типов, началась драка, на кураже Кирилл умудрился одного из нападавших замотать в палатку, другого повалить на землю. Мельком зафиксировал восхищенный взгляд нравившейся ему девушки, но затем его повязала полиция.

Отсидев три дня в обезьяннике, по выходу Кирилл получил долгожданный бонус в виде довольно трепетных отношений с девушкой, оценившей по достоинству его бойцовское поведение. Это были первые отношения в его жизни. Разврат в больнице нельзя было считать таким опытом из-за постоянной смены партнерш, которые, похоже, и сами были не особо заинтересованы в моногамии. Девушка оказалась еще более радикальна, чем Кирилл, — на общих собраниях рубила с плеча, часто обвиняла сородников в трусости, если те не соглаша-

лись, например, приковать себя наручниками к грузовому поезду, на котором должны были перевозить химические отходы. Так что хоть пьянки и разврат в больнице частично исчезли из жизни, его протестная деятельность стала еще насыщенной. Примерно так издавдалека начал подводить опера к главному тезису о своей невинности Кирилл, но тот не оценил масштаба повествования.

— А боролись-то все-таки за что? И почему ты не должен за это отвечать?

Кирилл недоуменно, как на непонимающего, посмотрел на собеседника и продолжил.

— Нельзя сказать, товарищ лейтенант, чтобы я разделял идеологию протеста. Я вам больше скажу — я в нее даже не вдавался. Листовки с призывами в принципе не читал. Я парень из деревни. Искал в городе, за какую бы тусовку уцепиться, чтобы себя как-то обозначить принадлежностью к чему-то. Это во-первых. Во-вторых, разумеется, и это самое главное, драйв и адреналин. До сих пор коленки дрожат перед всякой акцией. Помню, как-то стоял перед залом областного парламента, чтобы ворваться туда и раскидать листовки. На голове противогаз, дышать трудно, лицо горит, и знаете, этот мерзкий холодный пот струйками вдоль позвоночника. И малодушные мысли — бежать не в зал, а на улицу. Но если переступаешь этот страх, то получаешь ни с чем не сравнимый кайф. Адреналиновое возбуждение. Уже потом, после акции, хочется рассказывать о своем подвиге, а слов подобрать не можешь, фразы глотаешь и недоговариваешь, брызгаешь слюной, глаза расширены. Вы, товарищ лейтенант, испытывали такое?

Опер неопределенно покачал головой. Тогда Кирилл продолжил.

— Идеология оказалась капканом для членов движения «Анархисты Седьмого Дня». Наверное, любая идеология заводит своих последователей в тот или иной тупик. И этих унылых борцов с коррупцией заведет. Уж я-то знаю. Если вы помните, у нас были более интересные и креативные акции, чем у нынешних. Мы захватывали администрацию города и держали оборону целую неделю.

Приковывали себя наручниками к дверям различных учреждений. Митинги и пикеты представлялись нам архаичной формой протеста. Впрочем, в то время и законодательство к таким, как мы, было менее строгим. Если и арестовывали, то, как правило, не более чем на трое суток. Сейчас законодательство строже. Но наше движение сошло на нет не из-за этого.

Идеологи движения разочаровались в людях. Мы боролись за их интересы, сидели в каталажках, ночевали в палатках, нас избивали, но мало кто к нам присоединялся. Люди приходили, говорили о своей проблеме, просили нашей поддержки, но сами участвовать в акциях протеста категорически не хотели. Идеологи обиделись на людей. Нас юзали, а сами прятались по углам. Как будто ради мертвых стараешься. На фоне мертвецов нетрудно прослыть пассионарием. Какое-то время этот ореол героя и мученика грел, но затем наступило разочарование. Разочарование в людях.

— У тебя тоже?

— А у меня-то с чего? Я ж на акциях ради адреналина, а не за что-то конкретно. Или против чего-то. Я придумал в своей жизни только одну акцию, которую мы реализовали. И она не была протестной. Наоборот — мирной. Хотя исполнили мы ее радикально. Может, помните? «Поле мира» называлась. Я как раз тогда расстался со своей девушкой. Не то чтобы сильно переживал (к тому времени у меня уже завелись поклонницы и свой круг общения), но было немного грустно. Девушка при расставании в сердцах довольно грубо бросила, что она в одном поле со мной даже срать не станет. Так и родилась идея акции. В то время шел нешуточный конфликт между газовиками и нефтяниками. То ли какие-то земли они не поделили, то ли месторождения, фиг их разберешь. Конфликтовали везде, где только можно, — в СМИ друг про друга регулярно компромат сливали, натравливали прокуратуру и полицию, другие проверяющие органы. Нанимали людей для уличных акций протеста. В общем, срались — не то слово. Между ними шла настоящая война. Однако война войной, а обед, как говорится, по расписанию. На майские праздники руко-

водство и газовиков, и нефтяников традиционно вывозило персонал за город на корпоратив. Базы отдыха находились не так чтобы совсем близко друг от друга, но примерно в одной стороне. Вывозили всех организованно на автобусах.

Мы подменили водителей автобусов на своих соратников. В автобусах на каждое сиденье положили бутылку с водой, в которую подмешали пурген. Запаслись туалетной бумагой. Через какое-то время по просьбе пассажиров остановились около заранее выбранного поля. Кто пил воду — моментально выскочили, кто — нет, остался. Из одного автобуса выскочили нефтяники, из другого — газовики.

Теперь, товарищ лейтенант, представьте картину. Поле. Около одного автобуса у кромки поля срут нефтяники, около другого — враждующие с ними газовики. На том же поле. Мы сфотографировали все это и распространили в интернете — «Газовики и нефтяники срут на одном поле: начало мира?». Назвали акцию «Поле мира». Фотографии разлетелись по соцсетям и СМИ. Акция вызвала хорошую реакцию. Враждующие стороны после какие-то серьезные дяди из Москвы заставили прекратить враждебные действия друг против друга.

— Рискованно. Никто на вас заявление в полицию не написал за попытку отравления?

— Обошлось. Это была последняя акция анархического движения. Все разбежались. Разочарованные. А я присоединился к борцам с коррупцией. Мне снова насрать на то, кто сколько украл. Мой организм требует адреналин. Именно поэтому я не должен нести ответственности за все эти выходы. Не я, а потребность организма в адреналине определяет мои действия.

— Если исходить из твоей логики, то наркоманы и алкоголики также должны быть освобождены от ответственности.

— Нет, нет и еще раз нет. Алкоголики и наркоманы в какой-то момент сами осознанно выбрали себе путь, который привел их к зависимости. А я такой путь не выбирал. Организм у меня такой. Он не может без адреналина.

Именно поэтому я не должен привлекаться к ответственности за свои действия.

— Предлагаешь тебя на лечение отправить?

— Тоже неверно — тогда давайте всех отправлять. Тех, у кого избыток серотонина, отправлять на лечение, чтоб сильно жизни не радовались. Тех, у кого дофамина в избытке, изолировать, чтобы целеустремленность снизить. И...

— Подпиши здесь и здесь. — Перебил его опер. — И свободен. До суда. А в суд можешь справку принести о своем адреналине и как он за тебя все решает. Глядишь — прокатит.

Кирилл вышел из душного кабинета и сразу направился в туалет. Ополоснул лицо холодной водой. Он совершенно не беспокоился о том, что его ждет. Он через это уже много раз проходил. Будет суд. Так как он официально безработный, штрафовать его не будут. Назначат 100 или 200 часов обязательных работ. Тут он что-то вспомнил и кинулся бегом обратно в кабинет к оперативнику: «Где моя зажигалка?! Не оставлял?» В кабинете сидел уже другой задержанный. В такой же, как у Кирилла, серой толстовке и крутил в руке его зажигалку. Кирилл ее выхватил и так же поспешно вышел. Ситуация ему что-то напомнила. И не только напомнила. Может, действительно, в больнице справку для суда взять? И забухать, чтоб убить время.

КАПИТАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ

Капитан ФСБ Максим Андреевич Боширов-Петров оказался в затруднительном положении. Он приехал на железнодорожный вокзал задолго до посадки, в кассе по командировочному листу и служебному удостоверению получил билет. В билете было четко обозначено — платформа №5, путь №9. Спустившись в подземный переход, он дошел до четвертой платформы и метров через пять уткнулся в тупик. В тупике была только небольшая деревянная и обшарпанная дверь, которая никак не походила на проход к перрону, скорей — на служебное помещение. Тем не менее он подергал ручку на себя.

Затем потолкал дверь. Она, разумеется, не открылась — кто ж держит незапертыми двери служебных помещений? Он вернулся к выходу на четвертую платформу, чтоб при свете еще раз проверить билет. Разумеется, все он запомнил правильно — пятая платформа, девятый путь.

Промелькнули, как тени, смешанные эмоции. С одной стороны, досада, с другой — чувство удовлетворения от собственной прозорливости. Обилетившись, он хотел было (благо времени оставалось прилично) выпить где-нибудь кофе и потом уже идти на перрон. Но решил перестраховаться — посмотреть, где находится пункт посадки. Не зря. Вернувшись, он обнаружил, что касса, в которой он брал билет, закрыта, в других была очередь. Так же как и в справочную.

Под электронным табло санитары деловито укладывали на носилки умершего, похоже, бомжа. Полицейский с врачом, лениво переругиваясь, заполняли бумаги. Если бы людей хоронили там, где они скончались, у бомжа оказался бы на зависть всем ультрасовременный надгробный камень — электронное табло с регулярно обновляющейся эпитафией. Почему, кстати, жанр эпитафии не получил своего развития? Как застыл еще при древних греках в стихотворных кратких изречениях, так в этой форме до сих пор и пребывает. Вполне реально ведь ставить на могилы какие-нибудь всепогодные экраны, на которых транслировались бы нон-стоп любимые видео покойного, многочасовой фильм о нем, отзывы друзей. Кто-то со временем наверняка догадался бы установить камеру с подсветкой к себе в могилу и транслировал процесс гниения как на экран, так и в онлайн — например, какой-нибудь телевизионный репортер назвал бы могильный перформанс «Мой последний репортаж». Художник — «Мир, я тоже разлагаюсь!». Такие примерно мысли пронеслись вихрем у Максима.

Между тем на электронном табло его рейса не значилось. Это уже эпитафия по его поискам или еще есть надежда? Непонятно. С пешеходного надземного перехода нужная платформа тоже не проглядывалась.

Вполне допуская, что кассирша, впечатывая данные в билет, могла ошибиться, он категорически не мог допустить, что, выписывая командировочные бумаги, могли допустить ошибку его коллеги. Точнее, где-то на периферии сознания он мог допустить и это, но одновременно ошибки двух разных ведомств абсолютно точно произойти не могли. Кофе отменяется.

Вернувшись в подземный переход, он решил осмотреть выходы на перроны с обеих сторон. Он знал, что на некоторых вокзалах такое бывает — справа может быть выход на четвертый перрон, а слева — на пятый. Максим в прошлый раз двигался по правой стороне. Значит, сейчас пройдет по левой.

Это тоже ничего не дало. Он снова уперся в тупик. Но в этот раз у дверей подсобки стоял молодой человек в форме проводника и в полумраке, подсвечивая миниатюрным фонарем, что-то записывал в блокнот. Капитан достал билет и обратился к проводнику:

— Уважаемый, подскажите. То ли ошибка в билете, то ли я туплю. В билете пятая платформа и девятый путь...

— Давайте ваш билет, — не отрываясь от блокнота, сверкнул ослепительно белыми зубами проводник. Подсветил фонариком оранжевый квиток, сверил со своими записями, а затем открыл дверь в подсобку (оказывается, она открывалась не внутрь или на себя, а, как в лифте, задвигалась в стену). — Проходите.

За дверь оказалась слабоосвещенная лестница, уходящая вниз. Максим не слышал, чтобы в городе имелаась подземная железная дорога, а потому хотел еще раз все уточнить, но проводник его опередил. Он снова закрыл дверь и подсветил фонариком надпись на ней. Там и вправду на съемной табличке было написано: «Платформа №5, Путь №9». Проводник снова открыл дверь и ободрил: «Проходите-проходите, не заблудитесь!»

Капитан спустился по лестнице и, миновав три пролета, попал в похожее на станцию метро помещение. Даже вход в вагон был на уровне пола. Только перрон оказался намного меньше. В зал вмещался только один вагон. На посадке никого не было. Максим

зашел, и пустой вагон, реагируя на его вес, как-то странно покачнулся. Как будто это был не вагон обычной электрички, а лодка на воде. Может, какая-нибудь магнитная или воздушная подушка? Не могут же рессоры так реагировать?

Капитан уселся и достал планшет. WiFi, разумеется, не было. Только запустил игрушку, чтоб убить семь часов поездки, как сзади в плечо его кто-то тактично ткнул. Оказалось — тот самый проводник.

— Извините, вас разве не предупреждали — на время пути все электронные приборы необходимо выключить.

Ну — точно на магнитной подушке. Надо же.

— Как в самолете? — усмехнулся Максим, выключая гаджеты, и пошутил — а на английском эту просьбу не повторите?

— На английском я знаю только матерные выражения. Из фильмов. Могу вам предложить чай, кофе, бутерброды, газеты и книги. Через пару часов будет готов комплексный обед. Но его можете заказать и позже. Это режимный объект, поэтому рекомендую отнестись серьезно к нашим требованиям.

Между тем кофе в наличии оказался только растворимый. Выбор, разумеется, пал в таком случае на чай. Ну и на бутерброд с заветренной красной рыбой непонятого происхождения. Тронулись. Плавно, как будто отчалили от берега. За окном появилась старая кирпичная кладка тоннеля, вид которой успел надоест еще до того, как с перекусом было закончено. Иногда вагон задевал стенки тоннеля, и Максим все гадал — по какому техническому принципу движется эта электричка? Кое-какие мысли на этот счет появились, затем отошли на задний план и трансформировались в глянцево-открытые расплывчатые сновидения — укачивало.

Расфокусированный до уровня мерцающей голографической картинки генерал объяснял, что работать Максим будет под прикрытием кирпичной кладки, что необходимо притвориться вагоном, чтобы войти в доверие к дилерам, торгующим чем-то важным. Чем именно — не уточнялось. Расплывчатое лицо генерала трансформировалось, согласно

физическим законам сновидений, сначала в образ кроваво-синей пчелы по имени Хилари, затем в лицо надувной резиновой женщины, находящейся почему-то под водой. Сначала прозрачная, затем мутноватая вода превратилась в черную. То ли генерал, то ли пчела, то ли резиновая женщина исчезли в жидкой мгле. Затем из мглы появилась черная женщина — почему-то Максим знал, что эту афроамериканку зовут Джессика, она многодетная мать из штата Небраска. Она показала кукиш и заявила, что отказывается отвечать на вопросы без адвоката. Тут же появился адвокат. Это был маленький мальчик, который прыгал на одной ножке из комнаты на кухню в тесной хрущовке. В квартире было жарко, сновидение становилось все более липким. Джессика вышла с кухни, взяла Максима за запястье металлической холодной рукой и куда-то повела по темным коридорам. Пол под ногами качнулся, Максим пытался вырвать руку, но не получалось. Иррациональный ужас почти поглотил его, но буквально тут же декорации стали рушиться, сквозь веки забрезжил солнечный свет. Где-то на периферии сознания мелькнуло: выехали из тоннеля? Максим, вздрогнув, открыл глаза.

Понять по картинке, которую он увидел, — продолжение ли это сна или действительно явь — было проблематично. Вагон плыл посередине широкой реки где-то в тайге. Берега в виде отвесных скал были обильно покрыты величавой осенней растительностью. Напротив Максима сидел небритый полноватый мужик с плутовской улыбкой и вертел в руках ключи от наручников. Оперативный сотрудник Максим Андреевич Боширов-Петров правой рукой был прикован к сиденью. Что за хрень!

— Здорово, Максим! — радостно воскликнул мужик. — Ну, ты и поспать. Я уж час с тобой еду, а ты все пять проспал. Давай знакомиться, Виктор Федорович Исмогилов. Твой коллега. Можно просто — Витя. Мы с тобой работать будем.

Виктор Федорович потянулся для рукопожатия, затем как бы невзначай перевел взгляд на прикованную руку собеседника, и весело рассмеялся — ах, да! — и протянул

ключи. Максим снял наручники (день определенно не задался) и вопросительно уставился на коллегу. Дать бы ему в бубен за дурацкие шутки, так ведь работать еще с ним.

— Максим, извини, перегнул палку с наручниками. Скучно стало. Ты так крепко спал. Будить сначала не хотел, но я уже час здесь. Достал у тебя документы — ты не просыпаться. Зеленкой тебе усы подрисовал — все равно спишь. Ну, приковал тебя наручниками — думал, что неудобно станет — проснешься, так и вышло. Кофе будешь?

— Я растворимый не пью, другого здесь нет, — буркнул Максим, роясь в портфеле в поисках зеркала (ну точно — дебил, приколы как в детском саду — надо же додуматься зеленкой измазать). В это время к ним подошел проводник, и Максим обратился к нему. — В туалете тут зеркало есть?

— Максим, ну ты че! Да пошутил я насчет зеленки! Успокойся! И кофе у меня хороший — из термоса. Сам варил. Авторская обжарка зерен, все дела. Держи. Налил уже. Сахар сам клади — я ж не знаю, как ты пьешь.

С первым глотком действительно вкусного кофе Максиму показалось, что майор Исмогилов не такой уж и мерзкий. Шутки дурацкие, конечно, да и бухает, судя по опухлости, прилично, но в общем можно сработаться. Поймав себя на смене отношения, Максим про себя еще раз отметил — физиология правит сознанием.

ПРИКАЗАНО УНИЧТОЖИТЬ

В вагоне майор не замолкал, но ни словом не обмолвился о деле. Рассказал про природу, где лучше ловить хариуса, как правильно готовить строганину из муксуна, под какие напитки ее употреблять, сколько грибов он в этом сезоне заготовил, а также — откуда ему присылают в эту глухомань элитный кофе. Выяснилось, что попал он в вагон плавучей электрички на своей моторной лодке, сейчас она пришвартована к вагону, и скоро (да уже пару часов осталось!) они на ней и доберутся до берега, потому что — так удобней да и быстрее получится.

Проводник регулярно подходил и интересовался — не желают ли пассажиры что-то из меню? Виктор Федорович довольно грубо ему отказывал («Fuck off!»), но на проводника, кажется, это не производило никакого впечатления. В какой-то момент («...вылетает, значит, лось на манок, и тут у тебя два выхода — либо завалить его, либо он тебя трахнет, у него ведь брачный период, понимаешь, да?») проводник, заинтересовавшись рассказом, даже присел рядышком. Не так чтобы совсем рядом, но достаточно близко, чтоб показать, что ему охотничьи байки тоже интересны. Виктор Федорович демонстративно прервал рассказ на полуслове, посмотрел на часы, и скомандовал: «Ну, что, Макс, хватай вещи, меняем судно. А то прямо чешутся руки уши кому-то надрать!»

Пока офицеры пересаживались в катер, проводник суетился вокруг, предлагал донести вещи («Жопу свою до туалета донеси», — обрезал Исмогилов), спрашивал — не надо ли чего в дорогу перекусить, а то ведь долго, наверное, еще добираться? Максим не знал, сколько еще добираться, но из-за грубости коллеги испытывал легкое чувство неловкости, поэтому попросил сделать с собой пару бутербродов. «Да, да, конечно! Сейчас принесу!» — охотно согласился проводник, но почему-то никуда не ушел. Все смотрел, как они перебираются в катер, как Виктор Федорович заводит мотор. Даже когда они отъехали, провожал их взглядом до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Из-за шума мотора разговаривать не было никакой возможности. Максим любовался суровой уральской природой, инкрустированной золотыми вкраплениями наступающей осени. Река была метров триста в ширину, по пути в нее то и дело вливались речушки чуть поменьше — практически весь берег состоял из скалистых и отвесных гор. Лишь изредка попадались короткие равнинные участки, куда при желании можно было бы высадиться. Однако Виктор Федорович к берегу не приставал и на всей мощи гнал куда-то по течению, как будто старался как можно дальше оторваться от вагона электрички. Таким и было его желание, как выяс-

нилось чуть позже. Примерно через полчаса они, наконец, пристали к берегу. Максим помог спрятать лодку в прибрежных кустах так, чтоб не было видно с берега. В кустах были спрятаны еще несколько катеров с мощными дорогими моторами.

— Пришлось раньше смотаться из-за проводника. Достал он меня, — объяснил Исмогилов, когда спрятали лодку, и сразу перешел к сути. — Значит, так. Сейчас мы с тобой поднимемся на вершину этой скалы. Там у меня схрон, надо кое-что достать. Пока взбираемся, я расскажу тебе про объект, куда направляемся. Двигаемся быстро, от меня не отставай. Готов? Тогда за мной.

Скала отвесно нависала над рекой и казалась неприступной — без альпинистского снаряжения на нее было не взобраться, но, разумеется (раз Исмогилов сказал), должна быть какая-нибудь более пологая тропа, если подальше отойти от берега.

— Объект, на который ты скоро прибудешь, не совсем обычный. Это что-то вроде дата-центра. Или самого мощного в мире компьютера. Или искусственного интеллекта. Или вообще все в одном. Объект секретный, потому что компьютер работает, скажем так, по биологически-химическому принципу, а не на привычных микросхемах, процессорах. Такой принцип работы позволяет задействовать на порядки меньше электричества, а раз потребление электричества незначительное, то и для разведки нашего вероятного противника объект обнаружить очень и очень затруднительно. Если не сказать невозможно. Не отстаешь?

— Иду-иду. Какой смысл прятать самый мощный компьютер в мире? Этим, мне кажется, гордиться нужно.

— Правильный вопрос. Ты знаешь, что в сумме вычислительные возможности всех компьютеров в мире все равно меньше, чем возможности мозга одной человекоединицы? И при этом мозг потребляет на свою работу всего 20 ватт. Сейчас, по-моему, даже таких тусклых лампочек не выпускают.

— Только не говори мне, что мы едем на объект, где в качестве самого мощного компьютера в мире используется мозг

человека. Не верю в такие научные прорывы. Ученые ведь помешаны на этической стороне изобретений после появления ядерной бомбы. Вряд ли они даже приступили бы к таким опытам.

— Нет, ни над чем таким ученые не работали. Перед Великой Отечественной войной в этих местах случайно обнаружили аномалию. Малочисленную народность абу из группы финно-угорских народов, живущую достаточно замкнуто. Тут ссыльный край, как ты знаешь. В 1938 году недалеко построили исправительно-трудовой лагерь для политзаключенных. Основным контингентом лагеря оказались репрессированные ученые. Зеки время от времени контактировали с местными. И со временем эти репрессированные профессора и академики стали замечать, что есть местные нормальные и обычные люди, а есть какие-то очень странные. Эти странные приходили только по ночам, проникали беспрепятственно куда хотели. Охрана их сначала пыталась шугать, но потом даже внимание перестала обращать — заключенных не подкармливали, никому не мешали. Чрезвычайных ситуаций не создают, ну и ладно. И вот как-то во время одного из теоретических споров между учеными выяснилось (обстоятельств уже никто не помнит), что этим странным местным есть что сказать. Абсолютно равнодушно и даже монотонно они стали разжевывать выдающимся репрессированным физикам, химикам и инженерам практически любые спорные вопросы. Притом с формулами, вычислениями, готовыми данными. Сказать, что ученые были в шоке, ничего не сказать.

— Ну да. Народность, чьей характерной чертой является высокий интеллект, — это на фантастику похоже. Я бы тоже в шоке был.

— У представителей народа абу интеллект не выше и не ниже, чем у других. Дело не в этом. Как-то ученые днем на лесоповале поспорили и обратились к местному — мол, рассуди наш научный спор. И давай ему втирать что-то про ядерную физику. Тот пальцем у виска покрутил — дескать, не понимаю, что за дурь вы несете. Тогда они попросили его позвать человека, который к ним по ночам

приходит, и описали гостя. Местный рассмеялся — так к вам мертвяк приходит, это дед мой, он лет десять как помер, увижу — попрошу, чтоб зашел.

— Это он так пошутил что ли, насчет того, что «увижу и попрошу, чтоб зашел»?

— Да в том-то и дело, что нет. К ним мертвые после смерти возвращаются. В телесной оболочке. Ходят, разговаривают, даже что-то по хозяйству семье помогают (их местные, кстати, раньше так и использовали), ведут себя разумно и неагрессивно. При этом холодные, как мертвецы, и ко всему равнодушные. Не испытывают никаких эмоций ни к родным, ни к близким. И заключенным местные это буднично так рассказали. Как будто так и надо. Потом зеки выяснили, что у них мирное сосуществование с мертвяками — такое же привычное явление, как у нас с кошками или с собаками жить. Они так веками живут.

— И мозг приходящих мертвяков при этом работает на несколько порядков выше, чем все компьютеры в мире?

— Ага. Я в документах не копался, но, говорят, что и изобретатели «Катюши», и создатели атомной бомбы, и космические разработки — все здесь обсчитывалось. Кстати, в сороковые руководство страны критиковало кибернетику и называло ее лженаукой именно потому, что вычислительные мощности у СССР уже имелись, но надо было всему миру показать, что их как бы нет, и они нам не нужны. Недолго, правда, на этой дезинформации продержались.

— А ты меня не разыгрываешь, Виктор? У тебя шутки не всегда удачно получаются.

— О, вот мы и пришли. Давай-ка уберем этот валежник. — Виктор начал откидывать от скалы ветки, за ними оказался вход в небольшое углубление. Он втиснулся в углубление и уже оттуда ответил:

— Макс, уже сегодня ночью ты увидишь первых мертвяков, поэтому на фига мне пургу гнать? Ну и, сам знаешь, есть приказ ввести тебя в курс дела, я — ввожу. Приказ — это не шутки.

Из углубления сначала показалась массивная сумка, затем Исмогилов: «Давай подтащи ее!» — Максим вытащил сумку. Виктор

с видимым удовольствием открыл ее, достал оттуда сначала армейский бинокль еще советского образца, затем РПГ-18 «Муха» в сложенном виде: «Глянь, Макс, раритет какой! Поди и не стрелял из такого!» Последней он достал снайперскую винтовку Драгунова, а пару гранат вытащил и, секунду подумав, засунул обратно.

— Значит, Максим Андреич, диспозиция такая. Сейчас поднимаемся на вершину и ждем наш вагон. Он вот-вот должен подойти. Ты держишь наготове винтовку, я шамалю по вагону из «Мухи», ты мне сразу передаешь винтовку, а сам ведешь наблюдение в бинокль, чтоб этот проводник нигде не выплыл. Если все-таки выплывать начнет, и ты первым увидишь — сигнализируй.

— Витя, это ты его за то, что он твои охотничьи байки подслушать хотел?

— Смешно. Ага. Живо наверх, капитан!

Площадка на вершине оказалась действительно очень удачной для операции — просматривалась вся река, к тому же она немного огибала скалу, что увеличивало сектор обстрела. Минут через десять показался вагон. Офицеры приготовились. Когда вагон стал проплывать прямо под ними, Исмогилов выстрелил, бросил использованный тубус, взял винтовку и через прицел стал наблюдать за тонущим вагоном, расколовшимся пополам от взрыва. Максим тоже наблюдал через бинокль, но по характеру повреждений вагона понятно было, что выжить в нем никто бы не смог. В воздухе терпко пахло гарью.

— Виктор, может, объяснишь, что это было?

— Санкционированная операция. Этот проводник — цэрэушник. Его приказано ликвидировать. Притом именно здесь. Есть вероятность, что он, погибнув в аномальной зоне, превратится в мертвяка, придет к нам и расскажет что-нибудь интересное. С живым больше мороки. 12 лет назад легализовался в России по поддельным документам, женился даже, устроился на РЖД работать, затем за взятку напросился на этот маршрут. Знать-то они не знают, конечно, что именно здесь находится, но им известно, что — секретный объект, поэтому пытаются проникнуть. Не первый раз уже.

— И вагон утопить тоже санкционировали? Смотри, какая природа, река чистая, а ты на дно груды металлолома отправил, зачем?

— А тебе за семь часов не надоело на деревянных сиденьях жопу отсиживать, я сколько раз просил заменить вагон на более современный! Ну, чтоб хотя бы сиденья мягкие были — реально задолбало на деревяшках сидеть. Ты-то один раз проехался, а я в месяц не один раз туда-сюда мотаюсь. Жопы уже в полоску, как кроссворд, от этих сидений. Насчет экологии — не парься. Приедут наши — все достанут.

Пока болтали — спустились со скалы, и Виктор пообещал, что за полчаса до поселка они доберутся по тропинке, которая срезает путь: «По дороге мы пешком будем километров 30 топать. Я если налегке — всегда по тропинке, а если за грузом, то уже тогда на машине и по объездной дороге».

БАХИЛЫ И ОСИНОВЫЙ КОЛ

Виктор Федорович сел за рабочий стол заполнять какие-то бланки, а Максиму предложил диван и кофе: «Через час уже, наверное, движуха начнется и пойдем знакомить тебя с хозяйством». На улице и вправду смеркалось. Максим так и сделал, проглядывал инструкции, пил кофе, иногда выходил на крыльцо проветриться. Примерно через час ожидания в дверь постучали, и, не дожидаясь приглашения, в кабинет вошел взъерошенный бледный парень лет 27–30, тщедушный и часто моргающий необычно огромными ресницами. Он решительно подошел к столу майора.

— Беда у меня, Исмогилов. Жена пропала. Надо народ поднять прочесать лес в округе — не могла она далеко уйти.

Майор быстро кинул на парня взгляд и снова принялся заполнять бланки отчетности. Не поднимая головы, бросил ему:

— Садись, Витек, рассказывай все по порядку. Что случилось? Как случилось? Когда? И присядь — ты мне свет загораживаешь.

— Да какой садись, Виктор Федорович, ну! Жена, говорю, пропала. Искать надо. —

Тем не менее парень сел. — Прихожу домой, а ее нет. Везде посмотрел.

— Откуда пришел-то?

Этот вопрос неожиданно поставил Витька в тупик. Он наморщил лоб, затем часто-часто заморгал так, как будто хотел взлететь, как бабочка, но в какой-то момент сдался.

— Не помню. Да какая разница! Лизку искать надо, Виктор Федорович! — неожиданно посетитель завелся. — Вы же думаете — я пьяный? Пьяный, да? Хотите, дыхну? Вот нате! Дышу, видите! Не пил я!

Майор на этот эмоциональный всплеск никак не отреагировал, лишь слегка отстранился, когда парень попытался на него дыхнуть.

— А в бане смотрел? Может, там твоя Лиза?

— Неее... — растерянно протянул Виктор, но потом как будто сам себе начал задавать вопросы. — А как она в бане могла оказать-ся? Она же неходячая? Она бы с крыльца-то никак одна не спустилась? Хотя кресла-то ее в доме не было. Может, как-то спустилась сама?

— Ну а говоришь, что не помнишь ничего. То, что жена неходячая и на инвалидном кресле передвигается, вспомнил же! — Исмогилов отвлекся от бумаг и теперь, казалось, издевался над посетителем.

— Так чего мне — сходить в баню, что ли, посмотреть? — озадачился парень.

— Нет ее в бане. Бесплезно смотреть. Сгорела твоя баня. — Отрезал майор и, глядя прямо в глаза собеседнику, добавил:

— И Лизы твоей нет. Сгорела в бане.

— Так искать не пойдем что ли? — растерялся Витек, до которого смысл сказанного, очевидно, не дошел.

— А рассказать тебе, как баня-то сгорела, Вить? — губы Исмогилова неожиданно стали злыми и узкими, в уголках рта появились белые сгустки. — Я тебе расскажу. Женился ты, Витя, на хорошей девушке Елизавете пять лет назад. Она была ой как счастлива — мужиков и так в поселке не много, а она еще и калека с рождения. Ей казалось — вот ведь повезло. Ты ее и правда, наверное, любил. А еще больше ты любил выпить. И оправдание себе нашел — дескать, генетически передалось,

от родителей. Ничего не поделаешь. Для некоторых родители-алкаши — пример и урок на всю жизнь, чтоб не пить. Для тебя, наоборот, — оправдание. Вот ты и заливал. И жену свою споил — бабы-то быстрее к алкоголю привыкают. И вот накатили вы на прошлой неделе самогона, и торкнуло вас по пьяни баню затопить. Отвез ты Лизу в затопленную баню, да там и продолжили бухать. А потом ты отправился за закуской. Или за водкой — не знаю, это ты сам вспоминай, чего вам там не хватило. Ушел ты, значит, и оставил жену в парилке. Думал — быстро вернешься. После бани, однако, тебя вдруг сморило (странно, как, да, Витек?), и ты вырубился прямо в подполе. А может, скатился со ступенек да встать не смог — пьяный же. А баня через некоторое время загорелась. А Лиза ничего сделать не могла — она же неходячая. А может, и смогла бы на руках выползти. Если бы не была такой же пьяной, как ты. Соседи прибежали тушить, но не успели. Нашли тебя в подполе. Пьяного вусмерть. Там и оставили. Как тебе история? Баню-то жалко? Отец еще твой строил. Кстати, выпить хочешь? У меня есть.

Исмогилов достал бутылку, налил окаменевшему Витьке полный стакан и стал тыкать в лицо:

— Пей. Самое время горе залить. В запой уйди. Пей-пей давай. Тебе же к этому не привыкать. Жизнь счастливая — пьем, горе пришло — тоже бухаем!

Витек оттолкнул стакан, расплескав половину, схватился за голову и начал тихонько выть. Майор успокоился, отошел к окну и презрительно, четко разделяя слова, добавил:

— Ты не помнишь, откуда ты шел, и не можешь выпить, Витя, не потому, что ты от горя умом тронулся, а потому что ты — мертв. Ты мертвяк, Витя. Ты в тот же день, как протрезвел, как узнал все про баню и Лизу — повесился. У меня на столе акт о смерти. Сегодня ж как раз девятый день твоей кончины. Ты должен был прийти и — пришел. Теперь, Витя, ты — мертвяк. Осваивайся в новом качестве — на сороковину придешь отметить. Решим, что с тобой делать. А теперь иди к своим.

Исмогилов уже без злобы, равнодушно взял Витьку за шиворот, повел к двери

(парень шел сам, лишь изредка поскуливая) и тихонько вытолкнул в темноту.

Максим во время беседы даже не притронулся ни к инструкциям, ни к кофе. Он подошел к двери и пытался в темноте разглядеть удаляющуюся фигуру впервые увиденного им вживую (ну так получается) мертвяка.

– Виктор, разреши я догоню этого... Пообщаюсь, потрогаю его хотя бы...

– Макс, ты педик что ли? – Исмогилов, казалось, искренне удивился. – Чего тебе прищипило – мужика ночью трогать?

– Да не. Я мертвяка первый раз вижу. Надо же как-то входить в курс дела.

– Остынь, Максим, увидишь еще. Никакой он не мертвяк. Нормальный парень. Живой. Просто бухает сильно. Редко, но сильно. Год не пьет, а каждый год ровно один раз как пару недель загудит – так себя не помнит. И с Лизой у него нормально все. Ее родители во время Витькиных запоев к себе забирают – он ухаживать же не может в таком состоянии. Я ему после каждого такого запоя новую историю придумываю. Он на почве стресса в завязку уходит.

– Не перебор?

– Не. Иначе бы еще пару недель бухал. Ну и я так тренируюсь. Точней – в форме себя держу.

– В какой форме? Тут регулярно приходится алкоголиков запугивать?

– Это стандартная процедура, Максим. Считается (хотя научных обоснований нет), что для того, чтобы продлить срок работы мертвяка, необходимо в первый же день появления, то есть на девятый день после кончины, нагрузить его эмоциями максимально. Вплоть до катарсиса. С девятого по сороковой день эмоции начинают угасать. После сорокового дня мертвяк уже не способен их испытывать. Может лишь имитировать какие-то чувства за счет ярких воспоминаний. Чем ярче впечатления при жизни или в первые дни после смерти – тем больше стимулов у мертвяка нагружать мозг.

– А если погиб не трагично? И нет такой истории, чтоб прямо до катарсиса? Погиб, допустим, как-нибудь глупо – косточкой подавился или, не знаю, во время тяжелой ра-

боты сердце не выдержало, как у таких потрясение вызывать?

– В этом, Макс, и состоит тренировка – придумывать каждому свою историю. И жителей надо примерно всех знать. Кто чем живет, чем дышит.

Озадаченный Максим вернулся в кабинет. Исмогилов между тем продолжил инструктаж.

– Мы идем знакомиться с нашим контингентом, поэтому сразу о том, как себя вести с мертвяками. Они, как правило, выползают по ночам. Могут и днем, конечно, но обычно – нет. Негласное правило сосуществования мертвых и живых. Также и живые обычно по ночам сидят по домам. Только мы с тобой – выходим и работаем. По мере необходимости, разумеется. Сейчас ты пойдешь к местному доктору Антон Пальчу, я его уже предупредил. Во-первых, он тебя определит на постой к местной продавщице – у нее хорошие условия. А во-вторых, расскажет все по науке – зачем здесь мертвяки, откуда и все такое. А я пройду по объекту. По дороге пару чудиков, полагаю, встретим. Так и увидишь своих первых мертвяков. Полапаешь, гы-гы-гы.

– Я в такой темени дорогу-то найду?

– Найдешь – там издали вывеску видно. В принципе, мертвяки безопасные, но возьми на всякий случай вот это. Бахилы и осинового кол.

– Эта палка теперь мое табельное оружие? Виктор, ты серьезно? А сам тогда чего не «вооружился»?

– Так потому что меня здесь уже все знают, а ты новенький. Бахилы, видишь, я тоже беру. Тут дорога – суглинок один. А у тебя кроссовки – светлые. Обувь не жалко – не надевай.

Про осинового кол Максиму почему-то не очень верилось (да и на ощупь он не походил на деревянный, а скорей на пластиковый бильярдный кий), чувствовал он себя с этой палкой и в бахилах глупо, но Исмогилов тоже их натянул на ботинки. Ну чего уж.

Обычно ночью в глухомани (Максим, городской житель, помнил по поездкам на дачу) кромешная темень. Когда он вышел из кабинета отделения, ему сначала показалось, что здесь будет так же. Однако, привыкнув, глаза

стали различать очертания домов, затем невдалеке, метрах в пятистах, он увидел яркие и большие неоновые буквы магазина, даже разобрал надпись про мясо.

— А вот, Максим, и твой первый мертвяк. Видишь, там, на крыше дома, мужик сидит и рукоблудием занимается? Левей, ага, там, да. Это он таким образом WiFi раздает. Ты уже подключился?

— Нет.

— Ну и правильно. Я тоже брезгую. Единственный кабель, по которому связь и интернет от города до нашего отделения, по дну реки проложен. Традиционная точка доступа только через аппаратуру в отделении. Хотя можешь и через мертвяков подключаться. Ладно, завтра об этом. Видишь, да, магазин с вывеской? Тебе к нему. Иди прямо по дороге на свет. Там с одной стороны сразу увидишь вход в магазин, тебе туда не надо, тебе с другого торца дома заходить. Справа. В этом доме и магазин, и квартира докторская. А как побеседуешь с Антон Палычем, обойдешь дом и уже — на ночлег. До завтра.

ЗАДАНИЕ РУКОВОДСТВА

Максим отошел от отделения на приличное расстояние, то и дело скользя по глинистой дороге (бахилы оказались не розыгрышем), свернул туда, где, как ему показалось, никого нет — к забору дома, в котором не горел свет. Зябко поежился — стоило, наверное, выпить рюмку коньяка (ведь не могло же у Исмоилова не быть коньяка). Он представил, как спиртное согревает изнутри, стекая по пищеводу, и его снова передернуло. Оглядевшись по сторонам, он убедился, что поблизости никого нет.

И только убедившись в полном одиночестве, присел на корточки, как будто приспичило сходить по-большому. Так это выглядело со стороны, но только выглядело. Максим достал из рюкзака увесистый конверт из плотной бумаги с гербовой печатью. Из конверта вынул толстый планшет неизвестной марки. Затем — маленькие наушники и блокнот с ручкой. Один наушник спрятал в карман,

другой сунул в ухо — все равно оказалось неудобно держать и планшет, и блокнот с ручкой да еще и осиновый кол подмышкой. Поерзав, он нашел на земле наиболее сухое место, бросил туда рюкзак, на него — планшет, осиновый кол — рядом. На коленке решил записывать. Хотя ноги и затекали, но в доме, куда его бы определили на ночлег, получать задание от руководства не стоило. На всякий случай. На планшете хранился звуковой файл с заданием от руководства, который самоуничтожился после прослушивания. Наконец, приготовившись, капитан Боширов-Петров нажал на воспроизведение. На экране появилась статичная заставка — кадр из фильма «Ходячие мертвецы», а в наушнике послышался голос генерала, которого он никогда не видел вживую:

«Значит, так, Максим Андреич. В общих чертах характеристики объекта тебе описали. Теперь о задачах нашего подразделения и конкретно твоих. Мы осуществляем охрану объекта и обеспечиваем его нормальную жизнедеятельность. О том, чем занимаются на объекте, мы (то есть те, кто осуществляет возложенные на нас функции за периметром) имеем общее представление. Если кратко, то на объекте находится то, к созданию чего ученые Запада только приступили, а именно — Искусственный Интеллект. Это их название, у нас он не искусственный, а скорей биологический, но суть примерно та же. Он занимается разработкой вооружений, научно-техническими изысканиями и, насколько я понимаю, чем-то в области социальной инженерии. Его вычислительные мощности в миллионы раз превышают вычислительные мощности всех компьютеров в мире. Исходя из описания объекта, ты понимаешь, как спецслужбы стран нашего вероятного противника хотели бы на объект проникнуть. Узнать, что он из себя представляет, а еще лучше заполучить образец нашего Искусственного Суперинтеллекта. Наша первоочередная задача — не позволить узнать о расположении объекта и жестко пресечь любые попытки на него проникнуть.

Пока мы с этими задачами успешно справляемся. Однако спецслужбы, не зная,

что именно находится на объекте, совершают регулярные попытки к нему хотя бы приблизиться. С трех сторон объект окружен естественными природными и непреодолимыми преградами, как то: горы, тайга, болота. В основном, конечно, горы. С четвертой стороны объект огибает река, по которой ты прибыл, двигаясь по течению. Это единственный способ добраться до объекта. Этот путь полностью под нашим контролем. Воздушным транспортом добраться практически невозможно. После поселка, далее по течению, на сотни километров нет никаких населенных пунктов. Мы контролируем, чтоб такие поселения не появлялись. Это диспозиция.

Теперь о стоящих перед тобой задачах. Их три. Первая — официальная для всех, в том числе для местного населения. В связи с участвовавшими попытками агентов иностранных разведок приблизиться к объекту или даже на него проникнуть ты прислан на усиление. В детали второй задачи ты можешь посвятить только своих коллег — доктора и майора. Тебя прислали разобраться в причинах уменьшения популяции мертвяков. Это будет твоим прикрытием для выяснения третьей задачи, в которую ты не имеешь права никого посвящать. Она от руководства. Дело в том, что в последнее время произошло несколько аварий при запуске разработок, которые просчитывал наш Искусственный Суперинтеллект. Есть подозрения, что все события между собой связаны — и участвовавшие попытки проникновения, и снижение популяции, и аварии. Тебе предстоит выяснить — не появился ли в результате вербовки на объекте агент. Не работает ли уже наш Суперинтеллект на спецслужбы стран вероятного противника?

Объяснять, что объект — это самая важная часть обороноспособности страны, не буду, да? Тебе предоставлен допуск к ходу любых разработок вооружения, научно-технических новинок и социальной инженерии. Знакомься, выясняй.

Первый доклад от тебя жду через три дня. Связываться будешь через выданный планшет. Там иконка «Безопасные платежи» — нажмешь один раз, приложение от-

кроется, твой номер карточки туда введен — осуществляешь платеж, если необходимо. Быстро нажмешь три раза — будет установлен звонок со мной. Набирай в любое время. Исполняй».

На последней минуте в доме за забором вдруг загорелся свет, а как только запись закончилась, во дворе жалобно взвизгнула дверь. «Успел», — отметил удовлетворенно Максим, погасив экран на планшете, и потихоньку, не вставая, стал укладывать в рюкзак обратно все, что достал.

В это время за забором, судя по всему, пьяный глава семейства распекал сына: «Что ж ты семью и страну предаешь! В глаза мне смотри и признавайся, за сколько ты продался америкосам, чтоб такими оценками Родину позорить!» После минутной паузы отец продолжил: «На Западе только прикладные мыслишки стоимость имеют, оттого они и копят богатства в скучных условиях жизни, а у нас в стране за каждым чихом — осмысленность, имеющая духовную ценность. Нам заменители не нужны. А откуда у тебя осмысленность появится, если ты тройки по рисованию и математике получаешь и общую успеваемость по стране портишь своим существованием?» — «Че я порчу, ниче не порчу», — флегматично возразил сын. «Что?!» — переспросил взрослый и, пропустив мимо ушей возражение сына, продолжил: «Вот смотрят враги Отечества со спутника на твои оценки сейчас и злорадничают! И говорят себе — слабая страна у них, раз дети так плохо учатся. Не фиг дело ее захватить! Ты ж безопасность державы подрываешь! Кого я вырастил? Врага, получается! Ты хоть это-то понимаешь?!» Сын, похоже, был привычным к алкогольному патриотизму, а потому, зевая, миролюбиво, предложил: «Бать, ну реально уже спать хочу. Пойдем в дом. Ты и так старое лицо носишь да еще водку в него льешь. Станешь как торфяник — мамка любить перестанет». — «Молчи, отпрыск! Это из тебя еще неизвестно что выйдет, а из нас с мамкой — ты вышел! Точно пендосам не продавался?!» Тут дверь в дом снова взвизгнула, женский голос что-то прошипел, звякнула кастрюля, отец испуганно пробормотал: «Да иду я, иду».

Красный огонек описал плавную дугу, окуроч упал буквально в метре от Максима. Стало тихо. Сигаретный дым резко контрастировал с запахом грибной сырости.

Капитан втоптал окуроч в суглинок и направился к доктору. Русский народ живет для того, чтобы Запад о себе много не возомнил — подытожил Максим, то ли передразнив домашнего патриота, то ли цитируя что-то давно забытое, возникшее из уснувших казалось навечно ассоциаций.

НАДЕЖДА

Этот удушливый сладковатый запах бабских духов, смешанный с потом, бока со складками, красная помада на бледном от пудры лице, сквозь которую иногда в периоды внутреннего напряжения проступали красные пятна, низкий голос... И, да, эта манера на ровном месте сбить тебя с толку каким-то гипнотизирующим напором, убедить (хоть и на короткое время, затем наваждение пропадает) в чем угодно, даже в том, против чего восстают разум, жизненный опыт и элементарная логика одновременно. Как все это может привлекать?

Доктор Антон Палыч хотел разобраться в природе своих чувств к Надежде, но не мог. Да и что это были за чувства? Точно не вождение. Случившийся между ними однажды половой акт, разумеется, нельзя назвать случайным уже в силу того, что доктор к нему заранее фармакологически подготовился (все-таки возраст), как нельзя было говорить и о том, что он сильно желал ее. Решил проверить — не в вождении ли дело. Проверил. Повторять телесные упражнения Антон Палыч не хотел. Значит, природа его чувств к ней точно не секс. Не потому что такой опыт общения разочаровал. Методом исключения он вылепил в голове наиболее комфортную форму сосуществования с Надеждой. Накатить вечером двести грамм коньяка или водки и прийти в магазин, чтобы помурлыкать. Именно состояние легкого опьянения да ее присутствие каким-то странным образом создавали в душе уют и спокойствие. Хотелось

вести с ней тягучий разговор с вкраплениями ленивого и расслабленного флирта. Слушать глупости. И все же — что это? Экзистенциальная похоть?

Отсутствие вождения (не полное, иногда порывы возникали, и он точно знал, что, предложи повторить, она бы деловито и буднично согласилась, а потому сразу их гасил) Антон Палыч списывал на возраст и даже не заморачивался. Благо есть дела интересней. Однако вопросы оставались. Чем может эта примитивная во всех отношениях особа привлекать его? Когда она между делом обмолвилась, что окончила вуз, он не сразу поверил. Ему казалось, что высшее образование через мимику, жесты, речь меняет человека так, что выделить его из толпы (хотя давно ли он выезжал в город, чтоб это помнить?) можно безошибочно. Притом выделить даже в том случае (Антон Палыч в это неистово верил, как верил в силу науки), если человек деградировал или вообще ни разу в жизни не прикасался к профессии. В Надежде же ничто не выдавало даже мимолетную принадлежность к студенчеству — как будто высшее образование прошло рядом, а не через нее. В этом отношении ее мышление было девственным. Так чем же? Чем?

Этот вопрос мучил Антона Палыча последние несколько лет. Сначала пунктуационный крючок только щекотал ноздри, а затем расплылся во все заполняющую черную кляксу, навязчивую идею. Конечно, будь у него опыт семейной жизни, хоть сколь-нибудь длительных отношений, он бы сопоставил это влечение с предыдущей жизнью, классифицировал, объяснил для себя все и успокоился. Такого опыта у Антона Палыча, однако, не было. Научка была его женой даже в студенчестве.

В результате доктор стал искать корень проблемы (если можно назвать это проблемой) единственно доступным ему методом. А именно — научным. Ничего глупей в обычной жизни нельзя было придумать, именно поэтому в данном случае это оказалось самым разумным. Почему? Потому что в распоряжении Антона Палыча имелся самый мощный компьютер в мире, точнее — Искусственный Интеллект. Обычный психиатр или

детектив, обладая ограниченным набором инструментов (психологических тестов, методов анализа), провозился бы с поставленной задачей тысячу лет. А с помощью правильно запрограммированного мертвяка можно было использовать абсолютно все передовые современные методики анализа и психологической диагностики. Вот оно решение! Препарировать, кстати сказать, Антон Палыч собирался не себя (что было бы логично), а — Надежду.

Задача была поставлена такая. Составить реальную (а не отредактированную под представления Надежды) биографию продавщицы, выяснить из истории ее жизни, из составленных психологических и физиологических характеристик, что может привлекать Антон Палыча в этой женщине? Для этих целей доктор изъясил под свои нужды мертвяка и поселил в подвале. Вместе наметили, какие знания необходимо «закачать» в мертвяка и каким образом Антон Палыч будет выпытывать у Надежды мельчайшие детали биографии. Почти два месяца доктор посещал Надежду, вел закамуфлированные под непринужденную беседу допросы. Выпытывал, согласно указаниям мертвяка, в нужной последовательности, как училась, какие любимые блюда, кем себя видит, чем запомнилось, почему не сразу, отчего все так, быть или не быть и еще много подобного. Скрытно записывал ответы, реакцию на видео и передавал собранный материал равнодушному напарнику для анализа. Мертвяк также собирал все упоминания о Надежде, ее окружении в социальных сетях, новостных сообщениях, переписках ее однокашников, судебных актах, официальных документах.

Отчет оказался готов незадолго до появления капитана Боширова-Петрова, оцифрован и скинут на компьютер для приятного вечернего чтения. Антон Палычу, с одной стороны, не терпелось прочесть, с другой, по заданию генерала, необходимо было протестировать гостя на предмет его благонадежности — а к допросу в виде непринужденной беседы необходимо готовиться. Долго и старательно. Надо ли объяснять, что подготовке к разговору с Максимом доктор

решил уделить минимум времени, рассчитывая, что для начала стандартным методом погружения допрашиваемого в непривычные обстоятельства пошатнет основы его мировоззрения. А продолжит чуть позже. Да и разговор он решил не затягивать, а отделаться от посетителя как можно скорей. «Пошатнем — пусть созреет, в следующий раз закончим», — успокоил себя Антон Палыч и открыл файл с восстановленной мертвяком биографией Надежды.

Что же удалось выяснить? Продавцом и владелицей магазина Надежда Петровна стала по праву наследства. Ее мать всю жизнь проработала в сельмаге, затем должность передала дочери. Дочь училась в областном центре в институте, где не без труда окончила филфак по специальности преподаватель русского языка и литературы. Как-то незаметно для себя осталась строить карьеру в городе. Мать звала в письмах Наденьку обратно, но влюбленный однокурсник по окончании учебы пристроил работать в пресс-службу небольшой фирмы, торгующей стройматериалами. С однокурсником затем не сложилось, платили в фирме немного, но мать помогала — девушка не бедствовала, даже позволяла себе регулярно шиковать, покупая модные вещи, угощая друзей походами в рестораны.

Как-то незаметно через несколько лет Наденька возглавила пресс-службу мэра областного центра. Рассылала по факсу пресс-релизы в редакции, пила чай с журналистами, составляла отчеты о публикациях, где упоминались мэр и администрация города. Иногда с выпученными глазами прибегала в кабинет к мэру с газетой в руках, тыкала пальцем в статью (нет, вы только полюбуйтесь!) и, брызгая слюной, исполняя энергичный танец губ и бровей, убеждала, что все пропало. Надвигается катастрофа, против мэра объединились все элиты и готовы стройными рядами под звуки марша выступить и свергнуть. Представления о пиаре в те времена были смутные, как и сами времена, убедить старенького мэра можно было в чем угодно — для этого хватало перечислить негативные эпитеты и прилагательные в статью. Даже если эти коннотации не относились

к градоначальнику. Регулярные истерические всплески Наденьки, по ее мнению, подтверждали ее компетентность в глазах начальства.

Журналисты, впрочем, Наденьку не жаловали. Не любили не столько за истеричность и привычку раздувать из любой мелочи проблему вселенских масштабов, сколько из-за того, что она была заурядной дурой с непомерно раздутым самомнением. Впрочем, в ее редакции эта нелюбовь объяснялась завистью и политическими интригами, которые плела против ее шефа администрация губернатора.

Однажды бойкий репортер, статью которого она как-то представила мэру как враждебную, в рамках муниципального заказа написал новый хвалебный материал о градоначальнике для того, чтобы наладить отношения. Надежда милостиво приняла статью на вычитку, перед этим, разумеется, подчеркнула, что такой выпад, который допустил репортер в прошлом, не смыть никакими извинениями. Только кровью. И вообще его счастье, что она соизволила новый материал просто взять в руки. Статья, к удивлению Надежды, оказалась наполнена искренним восхищением автора управленческими талантами мэра, приводились примеры его мудрых решений, благодаря которым городской бюджет сэкономил миллионы рублей. Позитивные эпитеты, прилагательные, характеризующие достоинства мэра, били через край. Уж насколько привычной Надежда была к восхвалениям, но даже она сочла необходимым сократить несколько приторных экспрессивных формулировок. С репортером заключили мир, статью пропустили в печать. И даже оплатили.

В день выхода газеты разразился скандал. Выяснилось, что репортер описал в статье несколько коррупционных схем мэра, и, собственно, восхищался он градоначальником как вором и взяточником, издевательски заменив эти термины на «крепкий хозяйственник». Прокуратура не обратила внимания на то, на что всегда ориентировалась в работе Надежда, то есть на позитивные эпитеты, и сосредоточилась только на изложенных в статье фактах. В результате против мэра возбудили несколько уголовных дел. На-

дежду, разумеется, уволили. Ее некомпетентность стала вдруг для всех очень очевидной.

Прожив около полугода в статусе безработной, Надежда по протекции отходчивого мэра устроилась в пресс-службу машиностроительного завода. Там она как-то быстро освоилась, стала так же регулярно устраивать истерики, с неумной энергией бегать и решать какие-то ею придуманные проблемы. Директору было по большому счету наплевать. Он тырил деньги на закупках. Акционерам в качестве отчетов показывал в том числе и большое количество лестных публикаций о заводе.

Надежда могла бы (и хотела) так работать до самой пенсии, если бы ее профессиональные качества не подверглись в очередной раз проверке. Акционеры убедили директора выдвинуть свою кандидатуру в депутаты, чтоб получать более солидные заказы из бюджета. В областной администрации с пониманием отнеслись к этому желанию и за солидный взнос в предвыборный фонд партии власти «зачистили» выбранный директором округ от сильных конкурентов. В округе проживало большинство рабочих завода. Биография директора была под стать иконостасу его почетных грамот в кабинете — до работы директором он возглавлял областное правительство, имел государственные награды и находился в том возрасте, когда приобретенный опыт еще не превратился в избыток, высыпавшийся из тебя песком. Да и акционеры разрешили потратить на предвыборную кампанию в два раза больше, чем кандидаты в других округах. При таких стартовых позициях не получить депутатский мандат было невозможно.

Так Надежда стала начальником предвыборного штаба. Наняла самых дорогих политконсультантов, журналистов, дизайнеров, избыточное количество бригадиров и агитаторов. Каждый день проводила оперативки и устраивала штабу громкие разносы (чаще без повода), называя всех бездельниками. Чуть не ежедневно она переписывала концепции, графики встреч, медиапланы, тут же бежала утверждать их к кандидату — изображала бурную и, наверное, даже деятельность. Также Надежда литрами пила кофе, похудела

на двенадцать килограмм, стала курить и мартериться. Через пару месяцев напряженной работы выяснилось, что выборы выиграл технический кандидат, а директор набрал около шести процентов голосов.

Надежде бы, наверное, простили и этот провал — все-таки своего кандидата (пусть и технического) в областную думу провели, если бы кандидат не взбрыкнул. Молодой 28-летний парень оказался с амбициями. Плюс, вступая в предвыборную гонку, он полагал, что пусть минимально, но предвыборную кампанию акционеры машиностроительного завода ему оплатят. Все-таки сами позвали и обещали. Однако на одной из оперативок Надежда заявила, что особой надобности в техническом кандидате нет, — соответственно, тратиться на его предвыборную кампанию штаб не будет. Убедила в этом и начальство. В результате технический кандидат обиделся и без всякой рекламы и особых затрат обошел ножками весь округ и встретился чуть не с каждым избирателем лично. Победив на выборах, он, разумеется, акционеров завода послал — вы же мне денег не давали, с какой стати я буду ваши интересы теперь представлять? Давайте договариваться на новых условиях.

Хоть Надежда и была недалекого ума, но даже ей стало понятно, что после второго скандального увольнения ловить в областном центре больше нечего — никто с такой репутацией на работу не возьмет. К тому же мать стала жаловаться на здоровье и попрекать тем, что совсем не видит внука. Надежда, впрочем, и сама забывала о нем время от времени, отправив в интернат-пятидневку, — даже на выходные не всегда получалось его забрать. Чаще из-за мужиков, чем из-за работы. Пожив еще какое-то время в городе без работы на сбережения и мамины переводы, Надежда дождалась поступления сына в институт, и вернулась в родной поселок.

Антон Палыч вздрогнул — в дверь постучали. Доктор в замешательстве (про сына она ничего не рассказывала) подошел выглянуть в окно — у дверей стоял незнакомый молодой человек с осиновым колом. «Сейчас! Идууу!» — крикнул он, чтобы посетитель ус-

лышал, и кинулся к компьютеру закрыть все файлы. Известие о сыне так удивило его, что беседу с Максимом он решил сократить еще больше, чем планировал.

— Добрый вечер, меня зовут Максим Андреич Боширов-Петров, я коллега Виктора Федоровича, — представился гость, войдя. — Собственно, он меня к вам и послал.

Антон Палыч внимательно осмотрел гостя, затем, ни слова не говоря, забрал осиновый кол, переломил об колено и выкинул в камин: «К дурацким шуткам Исмогилова, извините, привыкнуть не могу. Что вам предложить? Чай? Кофе?»

АНОНИМНЫЙ СЕКС

В детстве мама и бабушка называли Кирилла ласково Котей, но сейчас он был Никто. После недельного почти запоя в ожидании судебного процесса его мучило дикое похмелье. Он сидел в кафе «Маленький принц» и ждал, когда принесут суп (ничего другого организм не принимал), пока же рылся в телефоне. Мутное сознание зацепилось за статью о японцах, которые, потеряв работу, семью или уважение общества, навсегда уходят из дома, чтобы скрыться от позора. В статье говорилось, что потеря общественного уважения — самое страшное, что может случиться в жизни японца. Некоторые заканчивают жизнь самоубийством, некоторые навсегда исчезают из жизни родных и знакомых. Большинство из них мужчины, которые не смогли выполнить финансовые обязательства перед семьей. Эти «умершие» для своих родных и близких продолжали жить где-то на задворках общества, зарабатывать нехитрой работой на жизнь. Кириллу казалось сейчас, что он чем-то похож на такого японского «мертвеца». С определенными допущениями.

Бабушка давно умерла, с матерью отношения не ладилась. Ежемесячно он получал от нее переводы, на что, собственно, и жил — снимал квартиру, покупал еду, кое-что из одежды. На выпивку приходилось зарабатывать. Университет он давно окончил, в период учебы примкнул к неформалам,

шныряющим по всем акциям протеста, в связи с этим устроиться на работу все как-то не получалось. Да и не хотелось. Ничего он в жизни не достиг, и даже не было желания к чему-то стремиться. «Умершим» для общества он стал ощущать себя, когда собутыльники по институту перестали отвечать на звонки, справедливо прогнозируя, что разговор с Кириллом сведется либо к приглашению на пьянку, либо к просьбе одолжить денег. Зачетные девушки, которые еще могли себе позволить встречаться с ним, когда он был студентом, тоже куда-то со временем пропали — встречаться с безработным пьянчугой без целей в жизни им стало неинтересно. Студенческая разгульная жизнь из Кирилла никак не выветривалась.

Сегодня Кирилл решил прервать запой и с опаской оглядел кафе. Если бы тут оказались знакомые, то попытка не удалась — встреча трансформировалась бы в опохмел и новую пьянку. Знакомых не оказалось. Заведение пустовало. Только в глубине зала сидели две стареющие лесбиянки. Одна старела с чашкой капучино, другая — с коктейлем из водки и апельсинового сока. Как это часто бывает, одна была коротко стрижена под мальчика. Другая деловито собрала в пучок роскошные каштановые волосы и, блеснув из-под очков жестким и колючим взглядом бывшей зечки, процедила смазливому официанту: «Сдачу не надо». Ее короткостриженная любовница мелодично рассмеялась и, пожав кокетливо плечами, снова пригубила коктейль. Было им ближе к сорока.

- Послушай, я не собираюсь...
- Я — тоже. Хи-хи.
- Прекрати, ради бога, паясничать.
- Прекрати радибогать...

Тут каштановая брезгливо зыркнула в сторону Кирилла и, зло потушив сигарету, задернула штору кабинки. Кирилл непроизвольно покрылся чувством вины (невольно подслушал), усугубленной похмельем да жирной ухой, и уткнулся, обливаясь ручьями пота, в тарелку (не лезет, а надо).

С каждой съеденной ложкой накатывала отвратительная ясность бытия. Окружающее представляло без мути, без слоя полировки ежедневными взглядами тысяч и тысяч про-

хожих в истинном и, безусловно, реальном виде. Убежденный трезвенник не поймет, насколько иллюзорно все, что он видит, и не узнает, что скрывается за потемкинскими деревьями, выстроенными обыденным сознанием в качестве рекламы трезвого образа жизни. Нужно пройти через многодневный запой, чтобы, усыпив на время бдительность внутренних цензоров, увидеть мир в его истинной неприглядности. Другая крайность — замутненность сознания длительным периодом трезвости. Сейчас Кириллу, например, было отчетливо ясно, что в ближайшее время примирение лесбиянок не состоится.

— Молодой человек, не угостите даму... — блондинка с короткой стрижкой отдернула штору кабинки и через весь зал обращалась к Кириллу. Она хотела показать рукой, что хочет курить, но локоть соскочил со стола. Она пьяно рассмеялась. Каштановая подруга вскочила, выплеснула ей в лицо бокал воды и кинулась к выходу. Затем так же порывисто вернулась и прямо в нос любовнице истерично проорала: «Дура!» Пьяная лесбиянка попыталась отодвинуть от лица подругу, но рука ткнула пустоту. Убежала.

Официант равнодушно наблюдал за происходящим. Вообще-то, курить в кафе «Маленький принц» не разрешалось (только кальян в кабинках), но персоналу уже объявили, что заведение дорабатывает последние деньки, затем закрывается. Их место займет фастфуд «Ешь-ка!». Поэтому официанту было наплевать на то, что делают посетители — он был занят. Прикидывал варианты дальнейшего трудоустройства.

— Молодой человек... — вытершись с излишней тщательностью салфеткой, она, видимо, уже забыла про сигарету и хлопала место рядом с собой, — чего мы в самом деле будем одиночками сидеть?

Пьянеющая женщина у трезвеющего мужчины ввиду разнонаправленности устремлений вызывает раздражение. Мужчине хочется выпить, но пьет женщина. Это бесит. С другой стороны, Кириллу дико был нужен секс.

— Что мне от понимания вашей ссоры? — слегка осоловевший от ухи, спросил Кирилл, пересев к пьяной.

— А, ты про это... она просто, ну да неважно, у тебя, ик, девушка есть?

— Зачем тебе? Ты ведь поклонница не меча, а орала.

— Зачем орала? Дура, ик, потому что, не хочу о ней... Забыла, кста, как тебя зовут?

— Мы не знакомились еще. Познакомимся после секса, ок?

— Ой, погоди, смска пришла... Вот сука какая! Пить закончилось что ли?

— Можно по дороге купить.

— Ага... Помоги одеться. Все, ик, забываю, как тебя зовут.

— Трупариан.

— Труп... гриван. Тьфу, не выговоришь! И сока апельсинового купим, да? Я без сока, ик, не могу.

После второго раза она впала в спячку, пролив на ковер в ее квартире бокал коктейля. Желтое пятно, увядающая голая женщина с натертой до красноты вагиной и полуоткрытым ртом, из которого доносился мужицкий, зазорный храп — все это, как ни странно, не вызывало у Кирилла отвращения. Он был ослаблен. Ему думалось про японцев. И про то, что вот он уйдет, и женщины помирятся. И снова станут жить вместе. Как будто его и не было.

Пока же образовалась проблема. Оказалось, что дверь в квартиру не захлопывалась, ее можно было закрыть только ключом. Более того, от сквозняка она открывалась настежь, так что, даже вложив между дверью и косяком газетку, закрыть ее не получалось. Оставлять квартиру с распахнутой дверью Кирилл не мог себе позволить. Блондинку разбудить не получалось. К счастью, вскоре завибрировал ее телефон с обнадеживающей смской: «Ты живая? Я приеду?» Кирилл ответил: «Приезжай. С пивом» — снова разделся и ушел в душ избавляться от нового приступа алкогольной испарины.

После контрастных обливаний он вышел более-менее посвежевший и столкнулся нос к носу с каштановой подругой: «Пиво привезла?» Она сунула пакет и прошипела: «Одевайся и вали со своим пивом!» Кирилл покачал головой: «Ну зачем так? Это ж я тебя вызвал, надо же было мне как-то выбираться из вашей квартиры».

— А она где? Дрыхнет? — тут же успокоилась почему-то подруга блондинки. — Пойдем на кухню, там холодное пиво есть. Я поняла, что это не она ответила. Она пиво не пьет. Только водку с соком.

Кирилл прошел на кухню, краем глаза увидев, как подруга одной рукой укрывает голую блондинку одеялом, другой прихватывает водочную бутылку и коробку сока, третьей — затирает пятно на ковре. О, многорукие, расторопные и хозяйственные женщины!

— У нее такое бывает. Как начнет пить, так мужика подавай. Не остановить. А трезвой так не надо. — Каштановая села напротив, сняла очки и медленно стала протирать линзы. Кириллу подумалось, что она сейчас может его этими очками хладнокровно убить, а ее спокойствие напускное, чтобы усыпить бдительность жертвы, но женщина, вздохнув, добавила:

— Я уж привыкла. Слава богу, ты порядочный оказался. В прошлый раз она так же отрубилась, а мужик деньги и золото вынес.

— А тебя на мужиков не тянет?

— А тебе ее мало?

— После запоя секса много не бывает.

— Так мы, поди, староваты для тебя? Хотя ты тоже неважно выглядишь.

— Ну, я так понимаю — ты уже согласна, просто на комплимент нарываешься.

— Я не знаю (задумчиво). У меня мужика уже два года не было.

Она оказалась более отзывчивой и приятной на ощупь. Обхватывала ягодицы, спину и плечи Кирилла сначала четырьмя, затем шестью ладонями и взмахом застила: «Вот так-так-так-да-так».

Чуть позже он устало откинулся на спинку кухонного стула и машинально достал сигареты. Она моментально подставила блюдце под пепельницу и открыла окно, в которое ворвался грохот трамвая и теплый воздух бабьего лета, обдавший его голые и влажные ляжки. Налила себе и Кириллу пиво.

— Я ведь даже не знаю, как тебя зовут.

— Я тоже не знаю, как вас обоих зовут. Это важно? Я чувствую себя мертвецом. У них имен нет. Свои имена они передают могилам.

– Не хочешь говорить? А и правильно – все равно продолжения не будет. Чего ты вдруг о мертвецах?

Кириллу не хотелось вдаваться в долгие объяснения, он пожал плечами и стал потихоньку одеваться. Каштановая усмехнулась:

– Есть одно поверье, уже не помню какого народа, что после смерти человека по его родным и близким ходит мальчик с пустыми бутылками и собирает их слезы.

– Да, я тоже что-то подобное слышал. Только никогда не мог понять – зачем их собирать?

– Думаю, что чем больше соберет слез – тем легче на том свете покойному будет. Или что-то в этом роде.

Кирилл уже стоял у порога, но видел, что женщина запнулась, соображая, как лучше закончить мысль, а потому из вежливости ждал.

– Так вот... Мне почему-то хочется уже сейчас тебя оплакать. Хотя, наверное, это плохая примета. В любом случае знай – без моей порции слез ты на тот свет не уйдешь.

Кирилл уткнулся напоследок нежным поцелуем в роскошную гриву хозяйки: «Не держивай мертвеца – возможно, он спешит к новой жизни». Каштановая закрыла дверь и поймала себя на мысли, что это малолетнее позерство ее ни капельки не взбесило.

ДОКТОР ПРОТИВ МАКСИМА

Размеры кабинета Антон Палыча, как и его содержимое, впечатлили Максима. Комната площадью, наверное, больше ста квадратных метров, потолки – под три метра высотой. Все пространство очень плотно заполнила собой сияющая новенькая и весьма, похоже, дорогостоящая медицинская техника. В одном из аппаратов Максим узнал аппарат для магниторезонансной томографии (МРТ). Другие, незнакомые ему медицинские и лабораторные агрегаты, также были в идеальном состоянии, все явно импортного производства и стоили, наверное, не меньше, чем МРТ-сканер. Даже в клиниках областного центра Максим не видел столько доро-

гостоящей техники. Несколько выбивалось из картины медицинско-технического великолепия старенькое гинекологическое кресло, в которое почему-то водрузили надувную резиновую женщину с нелепым открытым ртом. Антон Палыч, увидев, что Максим задержал взгляд на экспонате, поспешил объяснить:

– Это очередная дурацкая шутка Исмогилова. Подарил на день рождения. Сам больше всех ржал. Выкинуть все никак не соберусь. Работы много. Вы, Максим, присаживайтесь. Ну, вот к моему рабочему столу, скажем. Да, там, где компьютеры. Я вам буду кое-что показывать. Вы точно ничего не хотите?

Максим помотал головой, присел, и Антон Палыч ему тут же дал увесистую рукопись.

– Это моя монография. Исследование о мертвяках. Ознакомьтесь. И в журнале напишитесь. Вот здесь, что получили, а здесь, что сведения из монографии составляют государственную тайну. Таков порядок. После того, как вы ее прочитаете – задавайте уточняющие вопросы. Постараюсь ответить. А пока про шутки Исмогилова. Вы заметили, что он – некрофоб?

– В смысле – боится смерти?

– Нет. В том смысле, что очень негативно относится к мертвякам. Он ведь уже рассказывал вам, что вновь прибывших мертвяков он поначалу терзает апокалиптическими выдумками, чтоб вызвать у них катарсис?

– Да. Я сегодня даже был свидетелем такого разговора.

– Мертвяк прибыл? Странно, что я не в курсе. Обычно они сначала к себе домой, а затем к Исмогилову, а он уже ко мне их ведет.

– Не совсем так. Он на местном алкоголике Витьке мне это продемонстрировал. Якобы для того, чтоб у Витьки прервать запой.

– Вот как?! Витек – такой шупленький парень лет 27? С огромными коровьими ресницами?

– Да.

– Он не пьет. Совсем. Среди местных вообще алкоголиков нет. Этот Витек ушел, насколько я знаю, чуть больше недели назад на охоту и не вернулся. Никто не стал его

искать, потому что некоторые тут и на месяц, бывает, в тайгу уходят. Умер, значит. Жаль парня. А вас поздравляю — первого мертвяка вы все-таки увидели. Исмогилов опять неудачно пошутил. Или не хотел вас с мертвяком сводить до разговора со мной.

— Тогда уже давайте сразу все проясним. А мужик на крыше (я только силуэт видел), который дрочит и якобы таким образом WiFi раздаёт, это тоже дурацкий развод?

— Не развод. Действительно есть такой. Правда-правда. На самом деле все мертвяки могут в интернет выходить и доступ в сеть раздавать, но мы для контроля попросили все выходы в виртуальное пространство через одного осуществлять. Гм, отвлеклись, кажется. У меня еще много работы, поэтому давайте сегодня, если позволите, не с ознакомительной лекции, а с некими общими представлениями о том, где мы находимся, вы ведь не против?

— Не против. Давайте.

— Отлично. У нас в поселке в некоторых местах ведется круглосуточное видеонаблюдение. Я на основе этих видео смонтировал небольшой фильм. Сейчас покажу его... И поговорим.

Антон Палыч повернул экран монитора к Максиму, придвинул свое кресло поближе к гостю и начал комментировать:

— Видите, Максим, старика с тележкой. В ней камни. Он ее тащит вон на ту гору, видите? Всю ее, конечно, не видно, это даже не гора, а небольшое взгорье — поясню для понимания. Это старик с тележкой неделю назад. А вот точно такое же видео с тем же сюжетом. Тот же старик, та же тележка. Камни. Погода отличается, потому что этой съемке уже около двух месяцев. Понимаете?

— Не совсем. Это мертвяк или живой?

— Смотрите далее. А вот та же самая запись, сделанная год назад. А вот — семь лет назад. Дальше не покажу, потому что камеры мы только семь лет назад установили. Но, поверьте на слово, я здесь уже почти двадцать лет работаю — все эти годы старик каждый день в одно и то же время везет тележку с камнями на гору.

— И что он там строит? Часовню?

— Не спрашивал, если честно. Вы действительно пока не понимаете, к чему я веду? Хорошо. Подсказка. Сюжет из древнегреческой мифологии. Смысла в таскании камней на гору никакого нет — там киркой наверху можно отбить столько породы, сколько хочешь.

— Сизифов труд. Это понятно. В чем смысл?

— Да. Сизифов труд. Сизиф в загробном мире был приговорен к такому наказанию. Таскать камень на гору. Старик занимается тем же самым здесь. Повторюсь, Максим, никакого смысла в его работе нет. Гораздо легче на этой горе необходимое количество камней киркой отколоть.

— И? Я каждый квартал отчетность вынужден писать — так я тоже, выходит, в загробном мире, потому что чаще всего мне это кажется бессмысленной тратой времени.

— Хорошее сравнение, Максим, но дослушайте дальше. И попробуйте воспринимать древнегреческие мифы в нашем контексте буквально. Вы ведь помните, что в загробный мир живые попадали по подземной реке Стикс? Отлично! А как вы сюда добирались? Тоже ведь сначала по подземному каналу?

— Да, но не в лодке, а на электричке.

— Не занудствуйте. Вагон — это та же самая лодка, отнюдь не на электричке вы добрались. Электричка по рельсам ходит, а не по воде. Этот подземный канал мы ведь можем теоретически назвать Стиксом?

— Или Говнянкой. Запашок там был тот еще. Скорей всего — это был какой-то канализационный тоннель.

— Согласен, но это уже ненужные детали. Давайте сформулируем из вашего путешествия сюжет. На основе знаний мифологии. Вы, Максим, прибыли сюда по подземной реке Стикс в самое настоящее царство Мертвых. Или Загробный мир, если вам так удобней. Здесь реально обитают мертвые. Вы также видите здесь по крайней мере одного человека, который занят не метафоричным, а вполне реальным сизифовым трудом. На самом деле, Максим, таких примеров больше, просто вы здесь первый день — увидите еще. Исходя из этих фактов, как вам кажется, где вы находитесь?

– Ну, если с этой точки зрения, то в Царстве Мертвых. Так и что? Это режимный объект, есть такая аномалия, с которой, слава богу, государство научилось работать и извлекать пользу. Вы, Антон Палыч, какие-то очевидности мне разъясняете.

– Максим, хороший вы мой, это не очевидно. Согласно древнегреческим мифам, живые Царство Мертвых посещать могут (прецеденты были), но вот жить там не могут. А мы здесь находимся долгое время. И вы уже приличное время здесь находитесь. Не кажется ли вам, что мы здесь все мертвы? И здесь нет никакого деления на живых и мертвых. Просто одни знают, что они мертвы, и потому ведут себя соответственно, а других, таких, как нас с вами, например, почему-то об этом не оповестили. И вот мы здесь существуем, изображаем из себя живых, поддерживаем связь с внешним миром, едим, пьем – но все это только видимость. А на самом деле мы покойники, и ничего этого в мире Живых нет. В мире Живых нас давно похоронили. Задания, которые мы выполняем для центра, – это на самом деле инерционные судороги сознания, цепляющегося за жизнь. Вряд ли вам приходила эта мысль в голову, судя по течению разговора. Давайте я вам ее внедрю. И по мере того, как вы будете успешно продвигаться в своем расследовании, вы будете находить ей все новые и новые подтверждения. Как вам такое представление о месте, в котором находитесь?

– Действительно интересно. Я, Антон Палыч, обязательно об этом подумаю. И даже вопросы на эту тему вам регулярно буду задавать. И по мере поступления вопросов вы обязательно будете чувствовать, начиная с температуры мизинца на левой ноге, себя все более и более живым.

– Максим Андреич, вы обиделись что ли? Не обижайтесь на старика. Я иногда сам не замечаю за собой эти суггестивные формулировки. Если бы хотел поманипулировать вами – придумал что-то умней, чем эти речевые формулы, которые вы на первом курсе изучали. Простите старика великодушно.

Так умней и было придумало – решил для себя Максим, когда вышел от доктора, – еще

на стадии вводных о греческих мифах он понял, что идет тестирование, а потому сознательно «тупил». Затупить хотел и на последнем пробросе речевого шаблона из нейролингвистического программирования, но он был настолько явным, что пришлось его вскрыть, иначе бы доктор сделал вывод о том, что Максим лукавит, а потому его реплики и поведение непригодны для анализа. Зачем это все?

Формула «бытие определяет сознание» несколько неточна, потому что бытие и есть сознание. Они тождественны. Не нужно внушать обычному неподготовленному агенту, что он должен быть стоек в случае провала. Не нужно грузить его чувством ответственности за родных, близких и Родину. Нужно просто внушить ему, что он агент, для которого допросы и пытки – это не способ проявления геройства, а вполне естественный повод держать язык за зубами, чтоб в критической ситуации его откусить. Если создать любому человеку такую реальность и обозначить его функции в ней, то ничто не сможет заставить его быть другим – слабым, предателем или чиновником. Он будет стойким агентом, который провалился, но ничего не расскажет врагу. Он просто не будет знать о других сценариях поведения. Именно молчание будет казаться ему единственно возможным.

А мне предлагают альтернативный сценарий или навязывают единственно возможный? Уверяют, что в этой реальности я мертв. Какова же должна быть моя роль в Царстве Мертвых, если я не жив, а мертв? Какой функционал хочет мне придать доктор? И, главное, зачем? И вообще, кто меня тестирует – свои или враги? С такими вопросами и подозрениями Максим и добрался до Надежды, с биографией которой доктор продолжил знакомиться после ухода гостя.

Надежда также была предупреждена о постояльце. Провела Максима через подсобку в жилую часть дома. Показала комнату. Опрятную и чистую. Предложила ужин. Ничего особенного – жаренная на сале картошка, котлета и квас. Выдала постельное и ключи. Сама, пока он ел, застелила постель и еще немного посидела с Максимом. Наблюдала, как он ел, расспрашивала о жизни в городе.

Что нового построили, закончили ли ремонт набережной и все такое. И было в этой обыденности, запахе укропа и ее удушливых духов все абсолютно живым.

ЗНАКОМСТВО С НЕЖВОЙ

Утром (хоть и пасмурным) поселок Нежва производил странное впечатление. В воздухе задорно и весело разносился запах коровье-го говна. Ухоженные, в основном каменные, а если деревянные, то из клееного бруса или обшитые сайдингом дома привычной было бы наблюдать в загородном коттеджном поселке, расположенном где-нибудь близ областного центра в престижном месте на берегу. На то, что это не коттеджный поселок, а типичная российская глубинка, указывала главная улица, верней, дорога. Совершенно разбитая грунтовка, в выбоинах, колеях с огромными коричневыми лужами, расположенными в шахматном порядке. Шустрый паренек лет двенадцати, ловко огибая препятствия, катил впереди себя двухколесную тележку, в которой гремело что-то то ли стеклянное, то ли металлическое. Заборов практически не было. От главной улицы дворы отделяли причудливые разноцветные штaketники да местами деревянный тротуар. Тоже почему-то разноцветный. Почему, удивился Максим, паренек не катит свою тележку по тротуарам? Но даже не стал развивать удивление в предположениях, а переключился на изучение того, что бросалось в глаза сразу же.

Над некоторыми дворами кружили, соединенные с землей проводами и тросами, какие-то массивные летающие предметы с пропеллерами. Притом по плавности движения полет этих аппаратов напоминал парение воздушных змеев, а никак не вертолетов. Складывалось впечатление, что пропеллеры выполняют декоративную функцию и на движение никак не влияют. Тем более все они были яркие и разноцветные, как будто кто-то выпустил сразу много воздушных шариков. Максиму захотелось выяснить, что это за механизмы. Вернул взгляд на землю в поисках мальчика с тележкой. Тот остановился

рядом с седовласым бородатым мужиком, похожим то ли на Фиделя Кастро в старости, то ли на цыганского барона, и что-то увлеченно рассказывал. Мужик между тем был занят — на массивный пень установил вместо столешницы большой ЖК-телевизор экраном вверх и приклеивал к нему что-то скотчем — и мальчугана, кажется, не слушал. На главной улице было совершенно безлюдно.

— Бог в помощь! — поприветствовал Максим деда и кивнул пареню. Паренек вытащил из носа козюльку, насадил ее на шов джинс, для верности обтер руку о пузо и протянул ее:

— Ешка. — Максим торжественно пожал руку, представился по имени-отчеству и поинтересовался «Ешка» — это имя или прозвище? Дед поднял голову, помахал рукой мальчугану, типа иди-иди, и тут же сунул офицеру скотч:

— Как бы поддержи, пока прилажу.

Оказалось, что всю площадь экрана телевизора дед покрыл оргстеклом и теперь обматывал конструкцию по краям скотчем. Капитан, не желая отвлекать деда, вопросов не задавал, пока тот сам не созреет для разъяснений. Дед ответил за убежавшего пацана — это имя, сокращенное от Ешарлам, а затем объяснил предназначение конструкции, с которой возился.

— Хотим как бы суши-бар в деревне открыть. И чтоб все как у китайцев. Тараканьи бега как бы чтоб были. А тараканов нету. Вообще как бы ни у кого. Вот телевизор решил под тараканьи бега сделать. Пустим как бы видео тараканьих бегов. А чтоб не расколошматили экран — вот защиту делаю. Как тебе задумка?

— Неплохо. Только суши-бар — это японское заведение. И вроде там тараканьих бегов нет.

— Да как бы неважно, — дед замолчал так, что Максиму показалось, будто он обиделся за уточнение, но тот просто переключил тему:

— К Исмогилову приехал? Заместо него как бы или на время?

— Пока не знаю, — честно признался Максим и не удержался — спросил:

— И ставки на тараканов делать будете?

— А как же. Будем как бы. А то че бы я морочился?

— Не советую. Мне придется вас оштрафовать. У нас азартные игры запрещены.

— Гм... А мы о прошлом годе казино делали, всю зиму играли — и ниче. Исмогилов ни слова не говорил. Рулетка там, виски со льдом. Шебутно было.

— Тематические вечера, значит, у вас регулярно. А в город не легче съездить — там все попробовать?

— Как бы можно. Но в городе не так пьется. Похмелье жуткое. Как бы воздух плохой что ли. Да и зачем? Не любители мы в город ездить. Мы ж как бы режимные — кучу бумажек заполнять на выезд надо. Даже если как бы на день. За то, что живем тут, государство денежку хорошую платит. Мы ж как бы малая народность. На особом положении. Это у вас там, на большой земле, капитализм, а у нас тут давно коммунизм. Мы денег-то тут в глаза не видели. Все на карточках да на сберкнижках. Тратить особо не на что. Если что из города заказать — пишешь заявку на телевизор, или холодильник, или стройматериал какой, с твоего счета списывают, в городе покупают и привозят. У нас почти все миллионеры. Даже работаем кто в свинарнике, кто в механическом цеху не за ради денег, а чтоб руки занять.

— Пьют-то много, раз жизнь такая вольготная на гособеспечении?

— Как бы да. Много. Каждую пятницу. Иногда так напиваются — еле до дома доходят.

— Только по пятницам? А среди недели?

— Среди недели как бы если только отгул взял — на охоте или рыбалке святое дело выпить.

— Ну, если так, то это еще немного. Кстати, меня зовут Максим Андреич Боширов-Петров, а то болтаем, а так и не представились.

— Ну а я как бы Зиновий Михалыч, глава администрации сельского поселения Нежва.

— О, как я удачно подошел. А что ж дорога такая плохая, раз все тут миллионеры — скинулись бы да щебенкой хотя бы ее обсыпали, чище же будет.

— Нельзя. Хорошие дороги из космоса видно — как бы демаскируемся. Нам даже электричества не подвели по этой причине.

Сами его тут производим. Видишь, над поселком летают механизмы — это ветрогенераторы. Если на столбах ставить, то высоко не поставишь — на малой высоте ветер слабенький, как бы смысла нет. Да и шума много от них — пробовали. А эти летающие запустишь метров этак на сто — там и ветер хороший, и шума почти нет. На бытовые нужды всем хватает. А на коровник и прочее хозяйство электричество уже в Верхней Нежве как бы вырабатывают. Там другие генераторы. Помощней.

— Еще и Верхняя Нежва есть?

— Как бы да. Это заброшенный лагерь для политзаключенных. Зона. Там в основном мертвяки обитают. Из живых — три двора. К слову сказать, мертвяки нам как бы выход с электричеством и подсказали — чертежи сделали, расчеты. Говорят, таких ветрогенераторов нигде в мире больше нет. Лет пятнадцать уже никаких проблем. А раньше чуть перебои с привозом топлива — так сидим при свечах, как в древности.

Зиновий Михайлович неторопливо встал, потянул затекшую спину и предложил:

— А пойдём-ка, Максим Андреич, в дом — как бы чаем напою, об нашей Нежве расскажу, заодно поможешь мне телевизор донести?

Максим с удовольствием согласился. Хотелось узнать, за счет чего парят в воздухе ветрогенераторы. Хотя, разумеется, это волновало его во вторую, если не в десятую очередь. Главное пока что — наладить контакт и осторожно начать прощупывать обстановку. Узнать, чем поселок живет и дышит. Глава поселковой администрации должен всех знать и в перспективе если не обозначить круг потенциальных подозреваемых, то хотя бы отметить странности. Популяция-то уменьшилась, местные вообще это заметили? К тому же раз мертвяки для местных всякие механизмы конструируют, то, возможно, и с новыми агрегатами что-то не так? Спешить, впрочем, не следовало — Зиновий Михайлович мог и сам оказаться агентом, так что пока говорим про все и ни о чем. Знакомимся.

Обстановка дома внутри была неотличима от убранства стандартной городской квартиры. Даже немного напоминала офици-

альное помещение — из-за стеклообоев, видимо, и минимального наличия мебели. Первый этаж дома оказался каменным (снаружи из-за обивки сайдингом было непонятно), второй — деревянным. Компьютер с парой принтеров, телевизор, большой стол, похожий на переговорный. Если бы не детские каляки-маляки на стене, помещение можно было бы принять за офис. Зиновий Михайлович подвел капитана к настенной карте и начал презентацию Нежвинского района.

Район располагался на плато общей площадью свыше тысячи квадратных километров. Состоял из двух населенных пунктов — Нежвы и Верхней Нежвы. «Нельма, муксун, кабанчики, хариус, медведи, лоси — все у нас водится в достатке. Даже если не охотник и не рыбак — со временем пристрастишься», — похвастался глава. Со всех сторон, кроме одной, примыкающей к реке Мертшеть, плато окружают высокие и практически непроходимые горы. Добраться до поселка можно только водным транспортом, а причалить — только к одному месту, где единственный пологий выход к Мертшети среди как бы заковавших реку Нежвинских притесов, отвесных известняковых скал. От склона к поселку ведет извилистая дорога, по которой можно доехать до Нежвы (около 30 километров) с грузом. Отдельно на карте обозначена пешеходная тропинка, сокращавшая путь до пяти километров. По ней — предположил глава — вы с Исмогиловым, скорей всего, и добрались вчера.

Дорога прорезала поселок надвое и доходила до Верхней Нежвы. От поселка до бывшего лагеря — около семи километров. Перед лагерем — свиарник, механический цех и генерирующая станция. Дальше идут непроходимые болота, сбоку — горная гряда с пещерами, которые во время сильных ливней подтапливало. «Неприятное место, — уточнил глава, — даже за морошкой туда редко ходим. Нежить там всякая дикая водится. Не путай с мертвяками. Исмогилов с Антон Палычем над нашими рассказами о нежити смеются, а зря». Карту поселка Максим по привычке для себя сфотографировал. Хозяин не возражал.

Уже выйдя во двор, прощаясь с Максимом, Зиновий Михайлович указал на крепко сбитый и просторный сарай у себя во дворе, сообщил, что там и устроен суши-бар. Пригласил вечером посетить и заранее извинился, что не все еще готово ни по кухне, ни «по убранству». Капитан ответил неопределенно — на вечер он запланировал зарыться в чтение монографии доктора. Хотя и упустить возможность познакомиться в неформальной обстановке с местными тоже не хотелось. Максим действительно не мог пока решить, что важнее.

ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ

В отделении за столом сидел Виктор Федорович и, судя по звукам, резался на компе в какую-то стрелялку. Не отрываясь, Исмогилов бодро поприветствовал коллегу:

— Приветствую, Макс! Как спалось на новом месте? Надежду не оприходовал? Не? Смотри — доктор тебя за нее на дуэль вызовет. Или скальпелем нашинкует. Он давно на нее неровно дышит. А она...

— Виктор Федорович, поговорим? — прервал его Максим.

— Разумеется, мой друг, поговорим. Щас я тут зомбаков допотрошу бензопилой и... а, зараза! Грохнули! Вот зачем под руку говорить! Кстати, как тебе осиновый кол? Отбилась от мертвяков? Гы-гы-гы...

— Об этом я и хочу поговорить. Попросить хотел.

— Ну-ну. Валяй.

— Не заходят как-то в меня ваши шутки, Виктор Федорович. Категорически не нравятся розыгрыши. Видимо, с чувством юмора у меня все плохо. Не понимаю я их. Поэтому. Очень прошу. Упражняйтесь в розыгрышах на ком-нибудь другом. Кто понимает ваши шутки. Нам с вами еще работать. Зачем ссориться из-за мелочей? Это скажется на деле, а нам этого не...

— Я услышал, капитан, — голос Исмогилова стал таким же металлическим, как при вчерашней встрече с Витьком. — У вас все, Максим Андреич?

– Нет. Я сразу все выложу, чтоб камень за пазухой не держать. Мне сообщили, что в поселке всю прошлую зиму работало казино, и вы были в курсе насчет азартных игр.

– Да. И что?

– Вы здесь единственный представитель правоохранительных органов, почему не вмешались? Не закрыли? Что значит ваше «и что»?

– Максим Андреич, позвольте вам напомнить. Я здесь, а теперь еще и вы отвечаем за то, чтобы режимный объект нормально функционировал, чтоб устранять помехи, которые могут помешать его работе, а также защитить его, если на объект захотят проникнуть враждебные или посторонние элементы. Вы сюда прибыли, как меня уведомили, для усиления. Именно на тот случай, если вдруг произойдет нападение, так ведь? Так вот, я вам поясню за конфликты с местным населением. Представьте себе ситуацию. Происходит нападение (не дай бог, конечно!), мы идем его отбивать, а тылы нас не то что не поддерживают, они нам готовы в спину шамальнуть. Тут все охотники, у всех карабины. Они белке не то что в глаз попадают, они комару хобот за сто метров отстреляют! И пальнут нам в спину эти добропорядочные граждане за наше завинчивание гаек очень даже, не задумываясь. Просто за то, что мы их невинных развлечений лишаем. Заметьте, пальнут не со злобы, а потому что к смерти спокойно относятся. Это для них как у ящерицы хвост оторвать. И после смерти жить можно – так они рассуждают. Пристрелят не моргнув! А после вашей смерти, Максим Андреич, они к вам, мертвяку, подойдут и извинятся. Зла, мол, не держи, но ты и нас пойми, сам палку перегнул. И руку тебе пожмут.

– То есть тут можно под этим предлогом и на азартные игры глаза закрывать, и бордель устроить, и наркотики продавать?

– Давайте так, Максим Андреич. Я держал эту ситуацию под контролем. Если бы этот игровой клуб повлек за собой социальные последствия, и я бы увидел, что все близится к тому, что кто-то может проиграть имущество или начать отстреливать друг друга за долги, то вмешался бы. Играли они на фишки, ставили мелочь, азартных среди местного на-

селения нет. Играть закончили, потому что фишки все по домам растаскали, а на деньги им неинтересно. Тут каждый житель получает больше, чем нормальный опер в городе, им деньги девать некуда! На кой им еще их выигрывать?! Про бордель и наркотики даже комментировать не буду!

– Виктор Федорович, согласен. Это режимный объект, тут своя специфика. Но все же – это Россия, здесь те же законы, как во всей стране. Вы – представитель власти. Можно было нежестко, но как-то мягко разъяснить, что так нельзя. Мне вам напомнить про меры профилактики преступлений? В конце концов, сообщили бы в полицию – это их юрисдикция, пусть они бы закрыли притон.

– Они тараканы бега собираются еще сделать, в курсе, да? Тоже азартная игра. Сделаем так. Как откроют, вы, Максим Андреич, придете туда, зафиксируете факт, а затем сами отправите в полицию сообщение, договорились?

– В чем подвох?

– А никакого подвоха. Полиция сюда, возможно, приедет (если найдет, конечно, такой поселок), а встречать пойдете их вы, коллега. И вы им сами объясните, что объект режимный, доступ для полицейских закрыт. Предъявите свои корочки. Они их посмотрят и скажут – как странно! Сообщение о совершенном преступлении нам отправил некий Боширов-Петров, а теперь некий Боширов-Петров нам запрещает это правонарушение на месте запротоколировать. Вы случайно не родственники? А если не родственник, то с головой у вас все в порядке?

Неожиданно в дверь постучали, и, не дожидаясь приглашения, в отделение вошел мальчуган Ешка, с которым Максим познакомился пару часов назад. Офицеры вопросительно уставились на него.

– Там это... – мальчик поморщился, дернул головой и громко чихнул.

– Спасибо, гриппозный! – едко прокомментировал Исмогилов. – Тебя враги подслали нас заразить и парализовать работу отделения?

– Да не! – Ешка, судя по всему, был привычен к такой манере общения Исмогилова

и несколько не смутился. — Там председатель спрашивает по поводу Витьки. Собрание же проводить надо. Пропесочить за то, что умер. Вам когда удобно?

— А давай сегодня! — радостно предложил Исмогилов. — Только скажи Зиновию Михалычу, что вместо меня коллега придет. Максим Андреич. Он у нас шибко умный. Он на собрании и поприсутствует. Проведет самостоятельно профилактическую беседу с вновьпреставленным. Заодно расскажет о вреде азартных игр, да ведь, Максим Андреич? А я на охоту схожу на пару дней. Вот почему-то убить вдруг кого-то прямо сейчас захотелось! Беги, шкет!

— Сколько раз говорить — я не Шкет, а Ешка! — обиженно огрызнулся пацан и убежал.

— Что за собрание, Виктор Федорович? — спросил Максим, когда мальчик ушел, а Исмогилов начал переодеваться в охотничье.

— А я ж говорил, что отношение у местных к смерти спокойное — все равно ведь почти все обратно возвращаются. В виде мертвяков даже удобней — они все такие покладистые, что даже поссориться невозможно. Помогают семье по привычке. Поэтому одно время местные начали суицидом злоупотреблять. Чтоб этот вал смертей прекратить, решили профилактировать это дело. Сейчас после каждой смерти (без разницы, естественной ли, от несчастного ли случая) проводят сбор жителей, приглашают нас, представителя мертвяков и коллективно выясняют — не была ли смерть суицидом, рассказывают, как плохо заканчивать жизнь самоубийством. Общественное порицание выносят, если выясняется, что смерть была спровоцирована самим покойником. Собрание они в баре проводят, будьте там в 20:30, вы ведь бар уже знаете где?

— Знаю. Это все?

— Все. Мне эти собрания уже вот где (провел ладонью у горла), а вам, коллега, стоит поприсутствовать. Влиться, так сказать, в местный ритм жизнь. И вникнуть в особенности менталитета. Про вред суицида же несложно ведь что-то сказать? Ну и отлично! Удачи! Ваш ключ от отделения на столе — не забудьте закрыть.

Исмогилов вышел, но буквально через минуту просунул голову в дверь и добавил напоследок:

— И, кстати, если по вашему сообщению полицейские все-таки приедут в Нежву, а ваши корочки на них не подействуют, то вам, Максим Андреич, согласно инструкции, придется применить табельное оружие, чтоб не допустить на объект посторонних. Пару мертвяков, учитывая ваш боевой опыт, полагаю, вы сделаете без проблем, да ведь? Инструкции под ключами. Ознакомьтесь внимательно и распишитесь.

— Какое табельное?! — крикнул вслед Максим, но Исмогилов уже скрылся, и добавил уже для себя:

— Осиновый кол что ли?

И принялся за чтение монографии доктора.

ТРУД АНТОН ПАЛЫЧА

На рукописи Антона Павловича ожидаемо стоял гриф «Совершенно секретно» и пометка «ДСП» (для служебного пользования), она представляла собой, по всей видимости, регулярно пополняемое новыми результатами исследование, стопку не сшитых между собой страниц. Некоторые листки были пожелтевшими и старыми, некоторые — совсем свежими. И на тех и на других встречались заметки, сделанные от руки. Большинство страниц оказались напечатанными (печатной машинкой или на принтере), но попадались и листки, написанные от руки.

Как обозначалось в аннотации, в данном труде автор решил доказать, что наличие мертвяков в современном мире — это не аномалия, свойственная данной территории, а явление, известное с древних времен у многих народов. С некоторыми кокетливыми оговорками (не историк, не этнограф по образованию, прошу отнестись с пониманием) автор называл свой труд «отчасти историческим и этнографическим, отчасти медицинским».

Максим, прочитав аннотацию, произвольно отодвинул от себя рукопись. Вроде бы, захотел кофе, а на самом деле? Чем был

вызван этот жест? Аннотация, очевидно, вызвала отторжение. Вызвала из-за личности автора, который попытался манипулировать Максимом с первой встречи? Формулировками? Подбором слов? Выбором шрифта? Плотностью бумаги, наконец? Максим быстро вспомнил моменты, когда он испытывал похожее чувство, и у него была такая же непроизвольная реакция отторжения. Срач в соцсетях! Когда сразу не находилось достойного ответа оппоненту, Максим невольно откидывался от монитора на спинку кресла. И ответ сразу возникал в голове.

Так и тут, сделав кофе, он понял, что его оттолкнуло. Сама постановка задачи исследования рушила его едва сложившиеся представления о мире с учетом появления в нем мертвяков. В этой сложившейся в его голове системе мертвяки казались аномалией, присущей только этой территории, чем-то уникальным, свойственным только нашей земле и народу. Как огромные территории, как множество полезных ископаемых, как душевные качества русского народа. А тут автор утверждал, что мертвяки сосуществовали с живыми у всех народов с давних времен. Этот конфликт своего представления с авторскими утверждениями Максим специально зафиксировал, чтоб при прочтении критическое отношение к монографии не мешало выстроить более-менее объективную картинку.

Для начала автор дал вводные о механизме взаимодействия мозга и сознания человека. По мнению доктора, личность человека после смерти оставляет в мозгу лишь свой отпечаток, то есть мертвяк — это человек, лишенный сознания (личности — автор использовал эти термины как синонимы), но сохранивший работоспособность мозга. При жизни мозг человека использует сознание как инструмент познания мира. Этот инструмент более сложный, чем элементарные сигналы, поступающие в мозг напрямую через органы чувств, вроде кинестетических, аудиальных, визуальных. Мозг с помощью сознания формирует представление о внешнем мире, его элементарных законах и способах существования в нем. Сознание для мозга — аватар, разведчик, аккаунт в соцсетях.

«Сознание или личность, — утверждал автор, — и лепят в мозге структуру восприятия, способы мышления, приоритеты. Так называемые паттерны (схемы образов). При этом нельзя сказать, что сознание управляет мозгом. Мозг вполне способен заменить одну личность на другую (примеров раздвоения личности в медицине описано множество), довести организм до самоуничтожения (требует наркотики, выпивку или сладкого при противопоказаниях), заставить сознание поверить в то, чего нет, сконструировав галлюцинации. У мозга нет чувства самосохранения и пиетета перед сознанием. Он может манипулировать сознанием, и мы не можем знать до каких пределов. Мы действительно обладаем собственной волей или нами управляет мозг, о котором наука пока мало что знает?»

Максим опять прервал чтение и решил для себя, что автор больше размышляет, чем информирует. Эти дискурсы интересно почитать на досуге, но хотелось бы больше фактических данных. Максим решил пролистывать такие моменты, а выискивать что-то более конкретное. Например, чисто медицинское описание того, что представляют собой мертвяки.

Мельком пролистав весь труд, он делал закладки в наиболее информативных местах. Большая часть рукописи (примерно три четверти) составляли результаты медицинских исследований, но уж очень специфических. Максим не совсем понимал, какой практический смысл содержался в исследованиях на такие темы, как, скажем, «Влияние бактерий и вирусов на организм мертвеца», «Особенности пищеварения мертвого человека», «Морфология внутренних органов, не участвующих в жизнедеятельности трупов», «Отличие и сходство по составу трупных ядов выделяемых «живыми» мертвецами и трупами», «Особенности легочной вентиляции мертвеца в обмене веществ» и так далее. Однако именно они, похоже, в этом труде и являлись наиболее корректными с научной точки зрения — изобиловали графиками, таблицами, фотографиями с подробнейшими комментариями.

Среди этой массы исследований оказалось очень трудным найти общее описание мертвяка. И только пролистав несколько раз соответствующую главу, Максим заметил, что описание было сделано шариковой ручкой с множеством правок, остервенелых исправлений. Это больше походило на заметки на полях, чем на отдельную главу. Некоторые фразы в описании обрывались на середине — похоже, доктор до сих пор не мог сформулировать даже для себя, что же такое — мертвяки.

Тем не менее что-то удалось разобрать: «Мертвяки, — писал доктор, — внешне практически не отличаются от живых — они двигаются как живые, могут вступать в разумный контакт, достоверно имитировать поведение и даже эмоции. Отличия от живых заключаются в том, что практически все они лишены каких-либо эмоций и привязанностей. У мертвяков отмечается повышенный (можно даже сказать запредельный) уровень интеллекта, у большинства проявляются необъяснимые с научной точки зрения умения. Например, практически все могут производить в доли секунды сложные математические действия — интегральные, дифференциальные исчисления с любым количеством переменных — и это объяснимо. Необъяснимо, утверждал автор, то, что они могут передавать информацию на расстоянии. Притом не только от мертвяка мертвяку, но и от мертвяка — напрямую в Интернет, используя любые в мире точки доступа в сеть. Физически мертвяки представляют собой организм с пониженной температурой тела (до уровня окружающей температуры или даже прохладней)...»

Далее был тщательно заштрихован большой кусок текста, и с маленькой буквы шло продолжение: «...хотя иногда могут имитировать и температуру 36,6 С. Сердце не бьется, хотя мертвяк периодически его «запускает» (зачем?! — где-то сбоку надписал автор, видимо, чтобы затем вернуться к этому вопросу). Как правило, имеют крайне бледный, сероватый оттенок кожи и губ, свойственный большим анемией. Их питание ориентировано на бесперебойную работу мозга, остальные

органы мертвяка получают необходимые для живого человека элементы по остаточному принципу. Поскольку для нормальной работы мозга требуется натрий и калий (именно эти элементы используются при передаче информации от нейрона к нейрону в мозге), то рацион мертвяка состоит из сырого мяса (натрий), а также небольшого количества калийсодержащих элементов (капуста, пшеничные отруби, морковь)».

Доктор скрупулезно перечислил все растения, которые произрастали в окрестностях Нежвы и употреблялись в пищу мертвяками в качестве биологически активной добавки: бубенчик лиственный, водяника черная, гравилат городской, гулявник лекарственный, гусиный лук желтый, девясил высокий, дудник лесной, живучка ползучая, зверобой продырявленный, змеевик (горец змеиный), зопник клубненосный, крапива двудомная, кровохлебка лекарственная, купырь лесной, лапчатка гусиная, лебеда (марь), лилия саранка, мокрица (звездчатка средняя), осот огородный, пастушья сумка, просвирник маленький, пырей ползучий, рогоз, свербига восточная, сныть обыкновенная, стрелолист обыкновенный, сурепка обыкновенная, сусак зонтичный, таволга вязолистная, чертополох гладколистный (понижающий), чина, чистяк весенний, щавель, ярутка полевая, яснотка белая. Большинство названий растений Максиму было неизвестно, и даже мелькнула мысль — не выдумал ли их доктор?

Затем доктор как-то очень кратко и скомканно добавил, что вопрос о том, что происходит с мертвяком при голодании или недостатке каких-либо элементов в рационе, не исследовался ввиду неэтичности. Затем в конце страницы шла фраза о том, что если мозг мертвяка не загружен работой, то начинается деградация. Под работой подразумевались как масштабные вычисления, так и передача данных в Интернет. Мертвяки безошибочно определяли, сколько продуктов им необходимо употребить для того, чтобы обсчитать тот или иной проект, поэтому объемы и мяса, и биологически активных добавок они определяли в единицах измерения информации (терабайты, гигабайты и так

далее). Описания признаков деградации, в чем она выражается и чем заканчивается, Максим не нашел.

Наиболее занимательным оказалось историко-этнографическое исследование доктора. Если в двух словах, то мертвые сосуществовали с живыми с древних времен. Поминки, на которых родные и близкие усопших ели и пили, — это трансформация кормления мертвых. В Древних Греции и Риме (куда ж мы без греков и римлян — усмехнулся Максим) родственники обязаны были кормить своих мертвых родственников. И это являлось не ритуалом, а обязанностью. Обильная еда предназначалась только покойнику. За несоблюдение этой нормы нарушителей преследовали в рамках уголовного права. Греки прямо утверждали, что умершие продолжают жить в могилах, а потому нуждаются в пище и питье, как и во время своего земного существования.

И римляне, и греки считали покойников богами. Это, по мнению доктора, говорило о том, что древние пользовались возможностями интеллекта мертвых. Знали о его безграничных возможностях. Также доктор полагал, что очень многие древние мыслители и ученые создали наиболее значимые труды, будучи уже мертвыми.

Например, как уверяли современники, философ Демокрит, создавший учение об атомах, вернулся к людям после смерти. Демокрит объяснил свое возвращение тем, что не успел закончить важные дела. Современники считали его странным — он постоянно уходил из города, скрывался на кладбищах. К философам и ученым, создавшим свои основные труды после смерти, доктор относил также Аристотеля, Платона, Архимеда и Сократа.

С приходом монотеистических религий отношение к покойникам стало меняться. Христианство не терпело конкурентов. Для того, чтобы покойники не возвращались, их стали сжигать или хоронить в гробах. Кормление мертвых трансформировалось в поминки, ритуал коллективного обсуждения жизни усопшего за совместной трапезой. По мнению доктора, война Церкви с мертвяками

продолжалась вплоть до Средневековья. Доходило до того, что подозрительную могилу могли вскрыть и вбить покойнику в сердце осиновый кол. Иногда могилы для верности накрывали железной решеткой, чтоб мертвяк уже точно не смог вернуться. Максим тут же отметил для себя, что это утверждение спорное — железной решеткой могилы накрывали для того, чтобы их не разграбили.

Сжигание ведьм доктор также объяснял кампанией по уничтожению мертвяков. «Боролись не с инакомыслием, — утверждал доктор, — боролись со всем, что выходило за рамки привычных представлений. Именно мертвяки с древних времен являлись драйверами развития философии и науки. Любое подозрение в том, что ты знаешь чуть больше остальных, приводило к заключению, что ты мертвяк, и немедленно конвертировалось в расправу». Эта борьба принесла свои плоды — нигде больше мертвецы не возвращаются к живым. Затем доктор описал несколько единичных случаев из современности, когда вроде бы умерший человек вновь приходил к живым, но отметил, что не может ручаться за достоверность этих сведений. Не обошлось без упоминаний о культе Вуду, о том, как африканские колдуны пользуются трудом зомби, умерших особым образом соплеменников.

По мнению автора, только в оторванной от цивилизации Нежве, где компактно проживает одна народность, удалось сохранить уклад мирного сосуществования мертвых с живыми. Здесь, как отмечает доктор, никогда и никого не хоронили в гробах. Покойника в легком саване просто топили в болоте. Через девять суток усопший возвращался в дом, где жил вместе с родственниками три недели. Как правило, покойник не осознавал, что он умер, не помнил, как и при каких обстоятельствах лишился жизни. Ближе к сороковому дню он все вспоминал, принимал тот факт, что скончался, после чего уходил в Верхнюю Нежву к таким же, как он, мертвякам. Возвращался только за едой. Если родные просили его помочь по хозяйству, советом или просто последить за маленькими детьми — мертвяк никогда не отказывал.

Правда, в дом мертвяка после сорокового дня уже никогда не приглашают — местные считали это дурной приметой.

БЛИЖЕ К БОГУ И ЛЕНИНУ

В Церковь «Свидетелей Нового Воскрешения» Кирилла привел здоровый, похожий на викинга бородатый рецидивист Дмитрий Скрытник. Познакомились они, отбывая наказание в виде обязательных работ, во дворике полицейского участка. Подметали листву, складывали кучи в черные одноразовые пакеты и уносили на свалку. Мокрая листва прилипала к асфальту, что сильно затрудняло процесс уборки. Осужденные, впрочем, никому не торопились, да и их не торопили.

— Так, значит, ты на суде пургу про адреналин прогнал? — громогласно ржал Дмитрий над Кириллом. Сам он четырежды побывал на зоне и, наверное, из-за буйного характера вернулся бы туда еще не раз, если бы не Церковь. Не то чтобы он был сильно верующим, просто в общине его как-то быстро отметили как хорошего организатора и поставили сразу на пару направлений бизнеса (ремонт, строительство). Церковь вкладывала в раскрутку вверенных ему фирм приличные деньги, Дмитрию лишь требовалось набрать работников и обеспечить выполнение заказов. Он достаточно легко находил общий язык с зеками, наркоманами и алкоголиками, руководил ими жестко, нередко пуская в ход огромные кулаки. Церковь аккуратно обеспечивала заказами. Да и он иногда тайком от общины перекидывал и бригады, и стройматериалы на объекты, которые получал от знакомых, что позволяло класть в карман несколько больше положенного. Деньги текли рекой, дело оказалось выгодней, чем разбой, за который он мотал сроки. Дмитрий взялся за ум, стал ограничивать себя в выпивке, женился, завел детей. Даже, по настоянию пастора, выдвинул на выборах свою кандидатуру в депутаты. Срывы, разумеется, случались. Вот и выборы он проиграл, уйдя по непонятной причине в двухнедельный запой.

Во время запоя немного похулиганил (обоссал чью-то машину, на замечание водителя полез в драку), за что ему и присудили 120 часов обязательных работ. Кирилл его мало интересовал, но раз уж поставили в напарники — приходилось общаться. За разговорами ни о чем время быстрее пролетало. Рассказы о протестной деятельности Кирилла он пропускал мимо ушей, то и дело, без сожаления о прерванном рассказе, отвлекаясь на телефонные звонки по работе. Кирилл и сам видел, что ему нечем заинтересовать бывшего напарника. А уважение собеседника из-за возраста, житейского опыта, огромных габаритов (а больше из-за того, что он вырос без отца) молодому Кириллу бессознательно заслужить хотелось. Предложил даже как-то вместе после работы выпить, но Дмитрий тяжело вздохнул и с грустью сообщил, что в завязке: «Я, братан, как начну, так остановиться не могу, так что — не искушай».

Как ни странно, напарник Кирилла проявил неподдельный интерес к его рассказам о раннем детстве, проведенном в сельской глуши. Кирилл охотно рассказывал, искренне не понимая, что может быть в его детстве занимательного. Кирилл рассказывал, как они кронировали деревья, после чего дома приходилось долго отмывать голову от опилок. Рассказывал, как в кабинетах оперов стелили на продранные места куски старого линолеума. Не очень подробно из-за характера работ, урывками рассказывал о детстве, как они выгружали из старенькой «Газели» какие-то документы, в которые рецидивист все норовил заглянуть. Так в разговорах срок Кирилла и подошел к концу. Дмитрию оставалось работать на благо государства еще неделю.

В последний день напарник стал вербовать Кирилла вступить в Церковь «Свидетелей Воскрешения». Кириллу эта вербовка понравилась — никаких нравоучений про веру, бога и прочей теософии. «Братан, ты все равно, как говно в проруби, болтаешься, ничем не занят, — проникновенно убалтывал его Дмитрий, — давай займемся делом. Ты парень неглупый, пора лавэ зарабатывать. Я тебя научу, есть схемы. Они тебя на бизнес поставят, бабло ввалит на первое время —

организуй процесс, и все! Ты в шоколаде. Я помогу, если что!» Уже на следующий день он привел Кирилла знакомиться с пастором. Познакомив, Дмитрий потерялся для Кирилла уже навсегда.

Церковь располагалась в необычном месте. Община с помощью западных кураторов в свое время купила один из крупнейших дворцов культуры областного центра. Раньше дворец культуры им. Ленина был на балансе завода, на котором работала Надежда. Акционеры решили избавиться от непрофильного актива и предложили властям выкупить эту недвижимость. Для того, чтобы не платить откат, выдвинули в депутаты директора завода, однако выборы он проиграл и переговоры о продаже зашли в тупик. В какой-то момент в качестве покупателя объявились «Свидетели Нового Воскрешения», оплатили полностью запрашиваемую сумму и очень быстро оформили все документы. Разразился скандал. Жители возмущались, что их детей, которые занимались в кружках, теперь либо выгонят, либо начнут вербовать в последователей секты. Власти попытались оспорить сделку и перекупить объект, но, как всегда, ничего не вышло.

Дворец выглядел солидно — главный фасад монументального трехэтажного здания был украшен гранитным десятиколонным входным портиком. Здание проектировали московские архитекторы в стиле классицизма с добавлением греческих архитектурных ордеров. В элементах оформления были использованы два барельефа, изображающих жизнь советского общества, на площади перед дворцом расположился памятник Ленину. Дворец являлся архитектурным памятником областного значения. Все это советское величие теперь принадлежало секте.

Кирилла это несоответствие формы и содержания дико веселило, поэтому знакомился с пастором он в благодушном настроении. Ожидания, что ему тут же начнут рассказывать что-то о вере, не оправдались. Пастор, сухонький энергичный старичок с орлиным профилем, деловито повел его в свой кабинет пить кофе, где показал «семейный» фотоальбом общины (мы все — одна большая семья)

из рентгеновских снимков, поскольку «не во внешней оболочке проявляется человек». Он с упоением демонстрировал чьи-то кривые и запломбированные зубы, снимок треснувшей ключицы, чьи-то ребра и смещенные позвонки. Кирилл с интересом наблюдал за этим неподдельным восторгом и еще больше веселился над происходящим. Затем Кирилла повели на экскурсию по зданию.

— Все кружки работают, — объяснял он Кириллу, — как работали. Зря жители возмущались. Мы никого не выгоняем. Разумеется, дети наших прихожан в кружках занимаются бесплатно, но мы никого не принуждаем вступать в нашу общину. Все по доброй воле. Мы используем прогрессивные методы вовлечения новых прихожан в Церковь. Помогаем им решать действительно насущные проблемы — избавиться от пагубных страстей, вроде алкоголя, наркотиков, или трудоустройства, даем возможность реализовать себя в бизнесе. Вы, Кирилл, каким бизнесом хотели бы заняться?

— Да я как-то не думал...

— Мы вам обязательно поможем его создать. А вот наша гордость — информационный центр.

Они прошли в самый конец коридора, и пастор торжественно открыл массивную дверь в большую, хорошо проветриваемую комнату. Жужжание вентиляторов системных блоков, которых было, кажется, не меньше полусотни, ассоциировалось с пчелиным роением. Единственное рабочее место (стул, монитор, стол) в комнате пустовало.

— Вы, Кирилл, слышали что-нибудь про Искусственный Интеллект, нейросети?

— Что-то слышал, и даже общался со специалистами на эту тему, но сам, разумеется, не особо сведущ в этой области. Это он и есть?

— Да. Наша гордость. Этот Искусственный Интеллект находит в сети потенциальных членов нашей общины. С некоторыми даже общается. Наиболее подготовленным обитателям сети дает задания, выполнив которые, они приближают себя к новому воскрешению. Я ведь вам говорил, что мы используем самые прогрессивные технологии для работы с паствой?

– Угу. Только мне друзья с физико-математического факультета определенный скепсис по отношению к перспективам развития Искусственного Интеллекта внушили. У меня нет оснований им не доверять. Есть определенные барьеры.

– Очень интересно. Какие же? Вот ведь как здорово, что мы с вами встретились. Божье провидение какое-то!

– Самый главный барьер состоит в том, что тренированная на один тип операций нейросеть не может быть применена в другой задаче. То есть у нее будет очень узкая специализация. Поэтому я вполне допускаю, что искать потенциальных прихожан по заданным параметрам ваш ИИ может. И даже, наверное, вполне успешно. А вот по поводу общения (а это другая операция и совершенно другая специализация), по крайней мере, более-менее успешно – в этом я сомневаюсь. В этом заключается второй барьер для развития Искусственного Интеллекта – проблема контроля. Как вы контролируете ее алгоритмы? А вдруг нейросеть в процессе общения не вербует, а отпугивает вашу потенциальную паству? Ну и третий барьер – электроэнергии много жрет нейросеть. Даже больше, чем на майнинг криптовалют энергии уходит. Поэтому, прежде чем ставить задачу, приходится очень тщательно считать экономику процесса.

– Вы правы, Кирилл, но лишь отчасти. Нейросеть, которая на наших серверах работает, действительно заточена только на поиск новых прихожан. Общением и распределением заданий занимаются другие нейросети – они находятся в других общинах. У наших зарубежных братьев. Ваши знания меня приятно удивили, у нас мало таких – в основном люди заблудшие, слабые, с исковерканной судьбой. Полагаю, мы сработаемся с вами, а вы сможете построить какой-нибудь бизнес. Нам уже пора. Не хотите остаться и послушать мою проповедь?

Они вышли из кабинета, и пока пастор запирает дверь, выискивая в связке ключей нужный, Кирилл изучал вывеску на кабинете: Информационный центр «Синий кит». А почему бы и не сходить на проповедь?

Выйдя из отделения, Максим впервые увидел на главной улице что-то похожее на многолюдность. Парочками, по одному, сельчане направлялись к дому главы администрации, верней, к его сараю, который должен был стать в скором времени суши-баром, а на сегодня выполнить функцию поселкового клуба. Кто-то дружелюбно помахал Максиму рукой – оказалось мертвяк Витька. Он шел рядом с самодвижущимся инвалидным креслом, в котором ехала жена Лиза. Рядом с ними под ручку шла пара старичков – видимо, родители. Лизы или Витька – непонятно. Старичок балагурил, Лиза в ответ рассыпалась звонким смехом – они не были похожи на скорбящих по покойнику. Рядом с ними поравнялась не по погоде цветастая разодетая парочка среднего возраста, мужик хлопнул Витьку по плечу: «Че! Пропесочим тебя, мертвечина, по самое не хочу?!» – и задорно рассмеялся. Витек отмахнулся, но растекся по лицу довольной улыбкой.

В баре, как и положено, царил приглушенный свет. Роскошная, с дорогой столешницей из камня барная стойка, витрина с напитками на любой вкус (от виски до текилы и кальвадоса), местами китайские бумажные фонарики, плакаты с красивыми девушками, деревянные столы, какие бывают в пабах, – выглядело все вполне респектабельно, если бы не ассорти стилей. Дизайн местами лопался японскими пузырями иероглифов, где-то приглушался мятной Ирландией, а заканчивалось все в конце совсем неожиданно – подиумом для стриптиза с хромированным пилоном. На подиуме, перед шестом, стояли три кресла. Одно уже было занято молодым человеком в мешковатых штанах и толстовке с капюшоном. Лицом к подиуму, видимо, по случаю собрания, расставили кресла и скамейки для посетителей. Большинство мест оказались уже заняты. Максим увидел одно как раз рядом с доктором.

– Присяду?

– Гм, добрый вечер, Максим. Вообще-то, я на Надежду занял, к тому же вам на сцене место приготовили, как я понял.

– Ясно. Без проблем. Займу тогда у вас минутку. Придет Надежда – тут же пересяду. Антон Палыч, введите в курс дела. Что тут будет происходить? Что я должен буду делать?

– Конечно, Максим. На сцене – представитель от мертвяков. Их всегда приглашают, но редко о чем-то спрашивают. Они не особо словоохотливые. Насчет всего остального не волнуйтесь. Зиновий Михалыч все проведет. Всем предоставит слово. Слушайте его – и все нормально будет. Очень формализованное мероприятие. Выступили, послушали, проголосовали – все. Никаких вопросов ни у кого никогда нет. Ну, разве что вас еще представят для всех.

Тут же подошел и глава поселка, тактично положил Максиму руку на плечо и вопросительно уставился:

– Вы как бы чего здесь? Вам на сцену.

– Да, Зиновий Михалыч, я в курсе. Иду.

Максим взобрался на подиум. Окинул зал. Освещение хоть и было тускловатым под клубный вариант, но позволяло разглядеть все пространство бара. Собралось около сорока человек, зал вполне мог вместить еще двадцать. Максим присел рядом с мертвяком, тот сидел, согнувшись, и никак не отреагировал. Представиться? А вдруг здесь так не принято? На сцену вышел Зиновий Михайлович почему-то в поварском колпаке и фартуке, зал одобрительно загудел, он поднял руку, объявил, что «сейчас как бы начнем», и наклонился к Максиму с мертвяком.

– Архип, это как бы Максим Андреич, коллега Исмогилова. Познакомься. Максим Андреич, это Архип, уполномоченный по правам мертвяков.

Мертвяк поднял голову, но лица из-за капюшона все равно было не разглядеть. Протянул Максиму руку для пожатия. Оказалась действительно холодной, но не сказать, чтоб совсем ледяной. Просто как будто кисти на улице обветрились. Между тем глава поселка начал.

– Земляки, как бы рад видеть всех. Сегодня... – неожиданно в зале раздались смешки, местами гогот, – что такое? Ах, ты ж! Людка, возьми же фартук с колпаком! Забыл снять.

Итак, на чем мы остановились? Ах да, Витька! Нет? (в зале начали подсказывать) Да-да! Что за напасть сегодня! Совсем памяти нет, хоть у мертвяков занимай (в зале рассмеялись). Спешу как бы представить вам нового человека в поселке, а это как бы у нас не часто случается, чтобы ну как бы новый человек приехал, коллега Исмогилова – капитан Максим Андреич Боширов-Петров. Прошу как бы поприветствовать.

В зале раздалась дружные и громкие аплодисменты. Если бы были пожиже – Максим бы, наверное, просто обозначил вставание с кресла, а на искренность, с которой хлопали, пришлось реагировать более четко. Он смущенно встал, сделал шаг вперед и кивнул несколько раз головой. Через минуту хлопки так же резко прекратились.

– Вот мне тут еще бумажку принесли. Третьим как бы вопросом, – продолжил глава поселка, – у нас значит разобрать поведение Витька, который, как вы знаете, преставился. Мы это сейчас сделаем, но для приличия давайте его как бы поздравим с возвращением хоть и в виде мертвяка. Не все как бы возвращаются. Похлопаем!

В зале опять раздалась искренние аплодисменты. Раздались возгласы «Молодчага Витек!», «Наш пацан!», «Витек – красавчик!», кто-то одобрительно свистнул. Через минуту опять все резко смолкло.

– Спасибо. А вторым вопросом у нас будет поздравление наших ребят. Прислали официальный текст из областного центра. Я по ходу буду как бы его комментировать. Итак, зачитываю. На прошлой неделе в областном центре прошёл ежегодный праздник «Патриот», в котором приняла участие и команда ребят из Нежвы. Стартовал он с военно-спортивной эстафеты: стрельба из пневматической винтовки, наматывание портянок, одевание противогаса, интеллектуальный конкурс и многое другое. К участию в эстафете заявили более двадцати команд в четырёх возрастных категориях. Победителями эстафеты стали команды: «Ух, ты» – гости из города Краснорезженска, «Гвардия» – юнармейцы поселка Осляна и «Ходячие молодцы» из поселка Нежва.

Похлопаем! Поздравим наших ребят с заслуженной победой! Не каждый день такое случается.

В зале захлопали, глава, не прерывая аплодисментов, продолжил:

– Праздничные мероприятия завершились искрометным концертом «Живая память», посвященным 30-летию вывода советских войск из Афганистана и локальных войн. На концерт прибыли официальные гости-депутаты областного парламента, военный комиссар и начальник Росгвардии. В ходе концерта была проведена торжественная церемония посвящения в юнармейцы! В ряды Юнармейцев от поселка Нежва вступили шесть учеников. Очень тепло и по-дружески завершился наш праздник, который всем запомнится надолго. Будем с нетерпением ждать «Патриот» в следующем году!!!

Где-то раздались одиночные хлопки, но быстро затихли.

– Теперь к главному на сегодня вопросу. Итак, Витек, – строго обратился Зиновий Михайлович, – что ты можешь сказать по поводу случившегося? Почему ты как бы помер? Были предпосылки? В семье нелады? Жена ругала? Насчет Лизаветы ни за что не поверю – покладистая, спокойная, тебя любит. Вобщем, как бы объясни сельчанам. Выйди на сцену-то! Не оттуда же объяснять будешь.

Витек с понурым видом взобрался на сцену и тяжело вздохнул: «Да нормально все было, не собирался я мертвячиться. Крышу хотел на сарае перекрыть». Из задних рядов кто-то хулигански пошутил: «Да крышу ему перекрывать лень было – вот он и убился!» В зале весело загоготали. Витек злобно и дерзко кинул взгляд на зал, выискивая крикуна. Зиновий Михайлович призвал резким жестом к порядку.

– Предпосылок, говоришь, не было. Значит, как бы несчастный случай с тобой что ли произошел? Ну да чего тебя сейчас спрашивать – не помнишь пока. Ну, давайте тогда спросим у представителя мертвяков Архипа, что он скажет. Самоубился Витек?

Архип, не поднимая головы, встал, подошел к Витьку, оглядел покойника и сразу заключил: «Он себя не убивал». В зале про-

несся вздох облегчения. Однако Архип тут же добавил: «Но у него был выбор – остаться живым или умереть». После этого мертвяк сел на место.

– Если был выбор, – Зиновий Михайлович начал рассуждать вслух, – жить или умереть, и Витек выбрал умереть, то, значит, как бы самоубился. С другой стороны, Архип говорит, что не самоубился. Ничего не понимаю.

В зале тоже загудели, но версий никто не выдвигал. К Архипу за разъяснениями также не обращались. Видимо, было не принято. Неожиданно к подиуму на инвалидной коляске подъехала Лиза и обратилась к главе поселка:

– Зиновий Михалыч, не мог он! Он же знает, какой урон для страны – самоубийство. Он бы так не сделал. Даже если что случилось непонятное – он так больше не будет! Не порицайте его!

– Лизавета, земляки обижены на Витьку по поводу смерти не только во все лицо, но и шире – до самой души. Хотя и как бы по остаточному принципу. Мы тут не в бирюльки играем, – сделал замечание глава поселка, – если есть что по делу – говори.

– Что говорить-то? Не виноват он.

– Почему ты как бы думаешь, что не виноват? Поясни обществу. Факты же налицо – умер человек неизвестно почему, а ты сказать толком не можешь – почему он не самоубился.

– Так Архип же сказал, что не самоубивался он! Ну и... я беременная, третий месяц пошел, кто ж от этого с жизнью расстается?! Будь на его месте любой из вас, как бы вы ребенка-то оставили?!!

На минуту глава поселка задумался, а затем решительно обратился в зал:

– От такого как бы не самоубиваются. Мое мнение. Не было еще такого. Но надо блюсти формальность. Кто за то, чтобы вынести Витьку порицание за преждевременную кончину, прошу поднять руки.

В зале никто не шелохнулся. «Единогласно!» – подытожил глава, и все, облегченно вздохнув, переговариваясь, стали вставать со своих мест, чтобы разойтись.

– Не расходимся! – вдруг остановил всех глава. – У нас в повестке еще один как бы вопрос.

Все снова расселись по местам. Максим, почуяв неладное, взглянул на доктора. Надежда так и не пришла, Антон Палыч сидел один. Встретился взглядом с Максимом и пожал плечами — дескать, сам ничего не понимаю. Между тем Зиновий Михайлович начал:

— Вопрос, Максим Андреич, к вам как к представителю власти. Давеча ваш коллега Исмогилов в очередной раз как бы утопил вагон. А в вагоне между тем находились наши заказы. Например, сегодня мы с сельчанами хотели сделать суши, а мороженая рыба, которую заказали, вернулась в родные пусть и не морские просторы! (в зале раздались одобрительные смешки). Всему поселку испортили вечера на целую неделю. Если не больше. Это как бы нехорошо.

Из зала начали выкрикивать «Я своей жене на днюху не скажу что заказал — тоже утопло, что мне ей завтра дарить?!», «А я — телевизор. Мой — сломался, щас без телека сидеть что ли? Кстати, мужики, даст кто-нибудь напрокат телек?» Шум разрастался. «А еще Исмогилов носки везде разбрасывает и посуду за собой мыть отказывается!» — вдруг невпопад выкрикнула пухленькая женщина в игривом платочке, и толпа забилась в глумливом хохоте. Обычно после таких нелепых выкриков, когда все рассмеются, напряжение спадает. Однако не в этот раз. Оказалось, что

претензии по поводу недоставленных заказов у многих. Максим лихорадочно соображал — понятно, что Исмогилов его подставил, но как? Он местных подговорил, и они с ним заодно, или просто знал, что такая канитель начнется, а потому свинтил? Тем не менее пришлось встать и всех успокоить:

— Сельчане, давайте сделаем так. Чтoб все по справедливости было. Вы приходите в отделение — пишете заявление о том, кто и что заказывал. Желательно с подтверждающими документами. Мы их примем — постараемся что-то придумать. За то, что вечеров вас лишили, а кого-то и личных праздников, приношу искренние и официальные извинения. Всякое в жизни случается. Не держите зла. И примите, пожалуйста, во внимание — я тут человек новый, с ходу решить ваши проблемы не смогу. Со временем, думаю, у меня это будет получаться лучше.

— У меня жена беременная, — неожиданно заговорил Витек, который все это время находился на сцене, — я мертвым стал, за что со мной Исмогилов так? И жену мою похоронил, и меня алкоголиком и последней тварью представил. Что ж вы с нами как со скотом? Как будто мы пендосы какие!

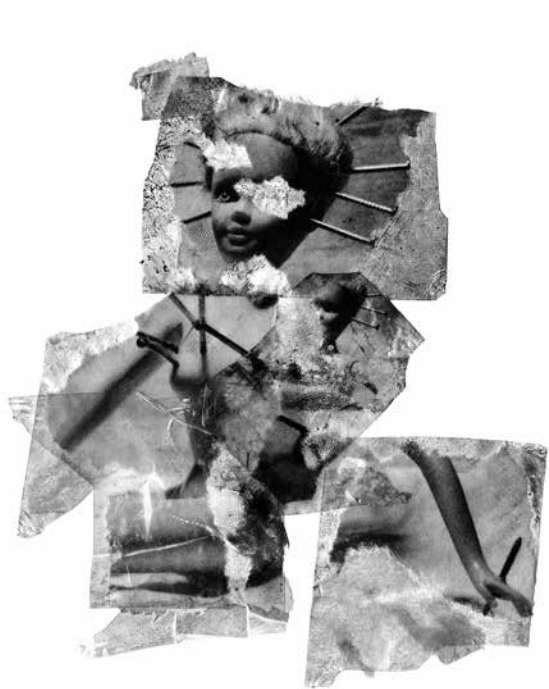
— Поддерживаю, — неожиданно отозвался, не поднимая головы, Архип.

Продолжение романа читайте в следующем номере.

Ян Кунтур

Тишина перемирия

Из венгерской поэзии XX–XXI вв.

Михай Бабич (1883-1941)

Один из крупнейших венгерских поэтов первой половины XX в., яркий представитель венгерского модерна, один из редакторов легендарного литературного журнала «*Ньюгам*» («Запад»), противник фашизма. Лирический цикл является реакцией на Первую мировую войну и Трианонский мир. На русский язык переведен впервые специально для книги «Путеводитель по венгерской культуре» с условием сохранения размера и сложной системы рифмовки оригинала.

РОДИНА (цикл)

Дом

Ты лети, душа, и отыщи мой край!
Старый дом еще стоит. В зеленых ставнях
матушки моей унынье увядает:
седовласая, но детская печаль.
Ты лети, душа, и отыщи мой край!
Комната, где я на свет родился,
где впервые мир открылся зренью.
Садик наш, в котором возводил я
первые песочные строенья.

Всё, что сделал я, — песка игра:
только дедов дом стоит еще оплотом,
что из лет-развалин я спасенье
отыщу в его причале, ждёт он.

Город

Поднимись, душа, и отыщи мой край!
Не домишко, целый городок
ждет тебя скопленьем островов
в море из акаций и дубов.
Ты взлети, душа, и отыщи мой край!
Виноградник у приземистой давилни.

Сидя перед ней, смотрел я в даль,
и сомненье усмиряли песен крылья.

Что в молочном свете наблюдал,
было родиной! А улица моя

как ковёр стелилась под каблук.
Пuls гряды холмов, как сердца стук,
тихо бился: к небесам — к полям.

Страна согласно карте

Ты лети, душа, и отыщи мой край!
Всхолмий цепь — над апатичною землей.
Дальше степь Альфёльда пред тобой
от горизонтали, где рассвета грань.
Ты лети, душа, и огляди мой край!

От горизонтали — к горизонту и назад,
где паук воспоминаний в тишине
тянет шёлковую нить. Лети над ней.
Там сейчас безумия шлагбаумы стоят:
что бы меч ни вывел на комке земли,
гор вершины от равнин не отпускай,
если родина была — ты с ней навечно слит;
кроме чувств твоих, никто вам не указ!

Подлинная страна

Воспари, душа, и отыщи мой край!
Мне привиделись иные времена:
пошлин и меча не знавшая страна
неделимая, как ты, душа, сама.
Помечтаем же о родине давай,
для которой ни оружие, ни броня
не нужны: она не мёртвый ком, но дух.
Из-за горлицы-мечты грызут меня
лисы жадности и шмат посласце ждут.

Никогда, мечта моя, не будь лисой!
Пусть мой хутор защищает высота!
Пусть пернатая душа, сроднившись с синевою,
возвращается всегда до своего гнезда.

Европа

Пронесись, душа, над родиною вдаль!
Как летал когда-то сам! Мелькали башни;
за Монбланом — рощиц апельсинный дар;

множество народов радостных и мрачных:
так я бОльшую отчизну отыскал.

И по Риму я с почтением блуждал,
будто сын вернулся в город предков;
Авиньён, как Тольна, в том же свете
утопая, смех свой излучал.
И единая душа плела живую сеть —
от народа до народа, общий шёпот,
чтоб одной страной стала впредь
рвущая себя моя Европа.

Глобус

Лети, душа, и родину еще расширь!
Земля — тоскливый шарик — капелька тепла,
что Робинсонам космоса приют дала, —
одна в суровой бесконечности кружит.
Лети ж сквозь родины межзвездной рубежи!

Пока все эти Робинзоны, обезумев,
друг друга тупо убивают, позабыв
свой остров, от побережья отвратив
взгляд, над утесом ты скользни бесшумно
и в звезд электро-даль всмотрись бессонно:
возможно, вынесет она нам неизвестный луч,
струящий песню и надежду из-за туч,
как белый парус к постаревшим Робинсонам.

Эпилог

Всё-таки, душа, люби мой малый край!
Ведь не для тебя весь тот мороз вселенной!
Вот наш остров — Глобус неизменный
с гнездышком святой Европы. Знай,
никогда не сможешь бросить ты мой край;
по каким бы дальним трассам ни бродила,
лишь одну страну всегда в себе несёшь,
аромат ее и звуки песен тихих;
прячешь их в себе, как грешник — ада дрожь;
но, как проклятый, пока совсем не сгинул,
может уповать на светоносный рай,
так же будут ждать тебя твой тихий край,
город, домик дедовский, родимый.

Анна Киш (1939)

Венгерская поэтесса, драматург и писатель, участница революции 1956 года, за что была исключена из университета и осуждена на тюремный срок, потом выслана из Будапешта. Позднее удостоена звания Nemzet Művésze, лауреат многих престижных премий, в том числе Аттилы Йожефа (1975, 1992), «Лавровый венок» (2008), Лайоша Кошута (2019), член Союза писателей Венгрии (с 1975), Художественного фонда и литературного отделения Венгерской академии художеств (2007).

НЕ БЫЛО ЛЕТА

черно-белый фильм
демонстрировала луна
ноги ночи бренчали
на сером рояле

дугою пересекла
мост Дуная

дикие гуси отлетали
в моих руках вместо
младенца зимнее пальто
была бедная осень
поцелуем на лбу

отбившиеся
четыре листка

лаяли собаки
не было лета
плавало в тумане

РАДОСТЬ МАЛОГО (Из цикла «Как воедино сплетенные времена»)

лишь короб, костяная игла, стрела.
лук, пирога да глины грязь.
кость коньков с костью крючка.
из ребер кита — лыжи, из рыбьего пузыря —
цацка, свисток из кости,
эхо горы
в выси купольной грота, и
дым... радость малого.
Полнящая сердце того, кто
у водо-лесо-ходящих братьев:

кита, медведя, ворона, совы,
волка, змеи — у братьев
учится брать от благ земли,
вылечить себя. Кита-,
медведя-, ворона-, совы-,
змеи-, волка- душа
берет его имя, образ из сна
огромно-кошмарный, сути
секрет содержащий, кто
услышит призыв его песни
среди беды.

И увидит, как живы
в своем мире ходящие водой-
лесом кит, медведь; и ворон,
сова, змея и волк
без братьев своих; и своей души
огромно-кошмарную форму
из сновидения.

***

Вал колышимых трав
столь высок,
вздых подлунный
красоты,
вздых подлунный,
касание крыл,
в высь на небо!

Янош Томаши-Орос (1953)

Венгерский поэт, журналист, критик, бывший редактор *Karú és az Unió*, сотрудник *Új Magyarország*, участник антологий современной поэзии.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

беспорядок рождает
собственный хаос — порядок.
не считай глупостью эту
сентенцию, ведь уже способен

увидеть: нет большего порядка
и нет большего хаоса, чем
свобода; и еще то, с чем в сравнении
тирания — есть лишь беспорядок.

*где есть тирания — там
есть тирания.** ты уже знаешь:
в свободе постоянно чередуются
принципы и лица; тот, кому
еще вчера ты доверял, уже ищет
покупателей на твои секреты, и не
днем с огнем: хватает маклеров.
разгул распродажи страны,

что замедляет пульс родины.
не сентиментальничай, больной,
не сейчас, не тут, не от этих будь.
будь глупым, пойми уже наконец
суровую правоту поэта: где лицевая,
где изнаночная — один чёрт,
была в *будет-был* заплата на заплате,
там и смётана одежонка свободы

там и свобода — тирания

ОТРЫВКИ О СВОБОДЕ

I.

осталась мечтой;
проступаешь кровью сквозь меня, как сквозь батист
быстрая смерть.

II.

прирождествляется.
тишина перемирия вводит в заблуждение
наши сады

* Ставшая крылатой цитата из известного стихотворения Дьюлы Ийеша «Одно предложение о деспотизме» (1950).

Иштван Турци (1957)

Венгерский поэт, писатель, переводчик, лауреат ряда литературных премий, в том числе Аттилы Йожефа (2006), «Лаврового венка» (2010), Prima Primissima (2014), литературный деятель, основатель и главный редактор поэтического журнала «Парнас». Один из вице-президентов и генеральный секретарь Венгерского ПЕН-клуба (с 2012), президент Департамента поэзии Венгерского Союза писателей (с 2007), вице-президент Венгерского Союза поэзии, участник Всемирного конгресса поэтов (с 2006), действительный член Европейской академии поэзии (с 2009).

КРИЗИСНЫЕ СТИХИ

*«Теснота – право единения»
Миклош Эрдей*

Реально то, что опять вечереет.
Запроектированность, нетто латентного времени.
Отупляющая тишь – от деревьев сада.
Обязан об этом донести птицам.
Какая-то шлягерная мешанина просачивается
от соседа. Потому что музыка обязательна.
Потом перебранка. По ком звонит колокол,
тот и шумнее. «Всего лишь перестать»,
давно сам успокаиваю измотанные нервы,
побыстрее растворяясь в будь что будет,
где почти все становится возможным,
и видится готовность моего разума.
С сегодняшним разумом почти никаких забот. Я имею
право на существование, приняв во владение свои мечты.
В этот момент я являюсь великим рыбаком сумерек,
подсекающим последние отсветы чешуйчатого небосвода.
В этот момент чувствую дрожь воздуха,
наслаждаюсь варварским изумлением зрителей
и не боюсь того, что уловом
в конце концов будет не с кем поделиться.
Воображаю, но скорее нет.
Кризис. Он тянется уже месяцами.
Выглядываю: настоящее расточительство –
все эти звезды за занавеской.
В телевизоре – национальные дни нытья,
на физиономии – несводимый тормозной след. Дружки мои,
профессиональные беспокойники, если и звякнут когда,
то с их губ оттаивает лишь литература.
Сминается перистальтика существования.
Всё-таки наш мир в сердцевине замечателен.
Ну вот и подвернулся бонус к десяти заповедям,
который гласит так: «Не парься!»

ОТКРОЕТСЯ ЧАСОВНЯ В СЕРДЦЕ (цикл)

(Откроется часовня в сердце)

Если однажды в сердце откроется часовня,
 появится обитель, где гаснут жажда и голод,
 где каждый день кто-то дверь открывает, поднимается.
 Не нужны ему гвоздь, уксус, не просит он их в селитряных разводах слёз
 и благодарит, не коленопреклонением, только *передышкой*,
 потому что печаль густа, как фимиам:
 фрески его созданы из невидимых птиц на плотной стене тишины.
 Новые слова ищет, отогреваясь в них,
 уже не один. Если однажды откроется часовня
 в сердце, останется и то, что покинуто.

(Что за сооружение такое катарсис)

Мой сын спросил однажды, что за сооружение такое
 этот катарсис, и где он, на какой горе.
 Попросил, чтоб я показал его изображение,
 легче ведь представить то, что
 зримо, что именно там, а не где-то,
 может быть, и места-то нет, но об этом лучше не думать.
 Необходимо какое-то место, неблизко, недалеко,
 которое без тени, не раскачивается и светится,
 которое существует и хранит себя.
 Откуда хороший обзор — внутрь

(Макет-воспоминание)

«С прошлым не могу примириться, а будущее,
 (только отмахнёшься) какое там, будущее». Что Вперед, что назад —
 Как будто тут же скукоживаешься. Как будто тут же.
 Это уже не ты, только макет-воспоминание.
 Твои слова препарированы, припилены.
 Умрешь еще живым, ноль-целое-труп,
 но не исключена и дробь. На всякий случай: осторожно.
 неподвижно. Молчи!

Нет места, нет времени
заплесневевшие глаза Бога
смотрят в слепое окно

Иштван Вёрёш (1964)

Венгерский поэт, прозаик, критик, литературовед, эссеист, заведующий кафедрой западнославянских языков Католического университета им. Пазмани, член Венгерского ПЕН-клуба, Художественного фонда и Общества писателей, участник многих антологий современной поэзии.

МОРОЖЕНКА, ЗЕБРА, ТАНЕЦ ЖИЗНИ

Явно немного уже осталось времени,
когда мне нужно будет сказать
сыну, что смертный. Или знает?
Еще помнит, что три года назад
его не было; так же как помнит,
когда летом на побережье
вскарабкался на осыпающийся край дороги,
чтобы наконец-то самостоятельно добыть то,
что ему нужно. Не умел говорить,
но сейчас рассказывает: Маленьким был,
пошел к мороженке. Большим и
маленьким одновременно был, пошел
родиться. Пошел по пути
всё из *ничто*; вопрос, а почему же,
скорее всего, не *существую*, ударил в сердце;
пошел, как отправляется каждый из нас.
Вокруг воняющей издали плоти «*существует*» скапливаемся,
как гиены с горящими глазами. Только один
лев еще караулит зебру с вспоротым
чревом. Есть уже не может,
дремлет, но в конце концов из-за нашего злобного визга
отступает. И тогда мы переваливаем через зебру.
Сую свою морду в окровавленную
утробу. Начинается.

Рита Андреа Вечей (1968)

Венгерская поэтесса, прозаик, популярный блогер, участница многих антологий современной поэзии.

ОДНАЖДЫ УТРОМ НАЧИНАЮ БЕГ

Будет светить солнце, знаю, и ветер будет.

Мы уже чистые, освященные,
потому что мы верим всему, что для себя выдумываем,
чтобы было легче.
Из застенчивости проведём забор
вокруг нашего позора, может, не увидят,
но увидят.
Не повернемся спиной к тем, кто на нас смотрит.

Вначале — ликование, что столкнулась,
оценка случайностей,
необходимость, неминуемость и т. п.
Не понимаем ничего.
После, с глазу на глаз, — еще меньше того.
Нужно растрепать, разодрать это
замешательство.

Оно незаметно спадает на берегу реки.
Которая — прибывает.
Терраса, где мы стоим, становится плотом,
потом снова террасой, когда я прошу,
привяжи меня к себе на белую ленточку, как свои ключи,
чтобы не обронить.

Будет светить солнце, и возможно, будет ветер,
когда ты завяжешь шнурок на своём мешке.
Тогда — мрак,
ведь ты уносишь свет на лице,
запах растений — в волосах.
Грубую шерсть натягиваю на себя
против чужих прикосновений
и начинаю бег, чтобы отыскать тебя
около Черногории,
в горах.

***

Драгоценное сокровище,
Есть в нашей жизни такие периоды, когда
людям тяжело.
Бывает, что очень-очень тяжело.
В такое время человека как бы подцепляет сачок
и отправляет по свету. В другую
страну. А из другой страны
еще в какую-нибудь третью, и так далее.

Это моя любимая картина, говорящая
тебе обо мне, неподвижной.

Когда на тебе тяжесть, не факт,
что самое лучшее — встать на дорогу.
Можно остаться. Не умереть.
Дождаться. Вытерпеть.
Найти покой. Синюю
россыпь маргариток покоя.

Обнимаю: Рита

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОДНОЙ НЕЗНАКОМОЙ ЖЕНЩИНЫ

Была еще девушкой, не старше пятнадцати,
сфотографировали в белой акриловой кофточке
большие пуговицы, воротничок,
смотрит в глаза, как нужно,
округло очерченный подбородок, правильный кукольный ротик,
и если ты захотел бы, то раскрыл,
какова истинная кротость,
но хватит изображать, как она смотрит.

Пятьдесят лет спустя,
на последнем фото, взгляд не изменился,
только появились цвета,
желтый искусственный шёлк, бордовый плюшевый гарнитур,
повсюду сусальная позолота,
как в церкви,
и на тротуаре, идущем к ней октябрьским утром,
из окна ослепляющее небо.

День рождения одной незнакомой женщины.
Такой незнакомой, что никогда не видела,
но знаю, какой тонкой была ее кожа,
чуть прикоснись к ней — становилась синей,

и проступали сосудики, обнимала деревья,
берёза, рябина, мечтала о том,
что будет учить, пела и ждала,
становясь вечной, как роза,
в дыме ладана я видела, как она смеётся.

Как ласкает, как машет рукой в дверях,
я видела, одновременно рядом делали земные поклоны,
на стене — сверкающие Татьяны, цари
и много-много качающихся православных
крестов,
вином пропитанный хлеб,
с одной длинной золотой ложечки каждому,
видела, как она сняла легкий синий халат
и как зарождается в ней один мальчик.

День рождения одной незнакомой женщины.
Медный стакан, сияние солнца, сегодня праздник,
некоторое время стою на лестничной площадке,

облезлый сад, на шлаке танцуют дети,
через пару домов куплю пироги,
с грибами, с капустой, её любимые,
рисовый прошу для себя, еще тёплый,
женщина кладёт в полиэтиленовый пакет,
когда взбираюсь на гору, он запотеваает.

На своё колено кладу салфетку,
немного шампанского, с днём рождения,
тонкое дрожжевое тесто, рис, яйца, зелёный лучок,
сладкий творог, и она хотела бы тут, на этой лавочке,
вокруг только желтые, бордовые, сусально-золотые листья
и скалы, где я слышу ее пение,
баю-баю-баю-бай,
спи, малышка, засыпай.

Нина Горланова

СНЫ

2 янв. 16.

Сон: война, мы, студенты, в лесу собираем грибы-ягоды, тут же рядом — на поле — убираем картошку, тут же блиндаж, где два студента переводят роман (об этой войне?). Все мы стремимся работать как можно быстрее. Хотя все утомлены. Очень.

3 янв. 16.

Не спала — болела поджелудочная. Утром немного подремала. Сон: мы хотим совершить обмен квартиры. Наши паспорта уже у риэлтора. Но ее все время нет на месте. В конце концов мы забираем паспорта из ее стола и уходим в другое агентство...

4 янв. 16.

Долго не засыпала, но в конце концов все же заснула. Видела во сне, что играю с внуками в игру «12 записок» в лесу. На записке одной елка изображена в виде черных треугольников, сгруппированных в виде веток...

(Сося вчера звонила — они с Мишей заранее положили записки, так как живут возле леса... позвали всех детей друзей и родных... такие молодцы, только старшие дети сказали, что Дед Мороз скромные подарки в конце подарил... избалованы компьютерными играми.)
(Слава: «Напиши картину про 12 записок».)

7 янв. 16.

Сон: я смотрю в кривом зеркале, где отражается наш телевизор, какую-то передачу.

Видно плохо, но почему-то у меня нет другого угла зрения — только через зеркало...

Проснулась, рассказываю сон Славе. Тут — в реале — звонит Фая Юрлова. Мы начали разговор, я ей говорю: посылали записку в Стену Плача, чтоб переехать... и переехали через три года... теперь снова послали записку в Стену Плача... и тут ВОРВАЛСЯ в трубку мужской голос: «Все — поговорили!» И отключают нас.

Фая снова позвонила:
— Да что ж такое делается!

8 янв. 16.

Сон: я — художник мультфильмов. Мне нужно раскрасить огромную (метра полтора) пластмассовую акулу для мультфильма. Я задумалась и не заметила, как раскрасила серебряной, алой и зеленой красками. Очнулась — это не акула же! А режиссер говорит: под водой не будет так ярко, сойдет... (видимо, с акулой-кризисом я так борюсь, украшая его).

А Славе снилось, что он водит старую дребезжащую машину, которая даже не закрывается (дверца)... (тут тоже неуверенность в завтрашнем дне).

9 января 16.

Сон: я во время гражданской бегу из плена, внутри какого-то огромного здания, где идет ремонт там и тут... пробегаю по темным переходам, надеюсь успешно завершить побег... внутри, в сердце, нет страха — мне уже все равно... такая усталость

11 января 16.

Не спала. Под утро задремала и видела во сне, что мы в кафе, начали салат есть, а он — из муляжей овощей... (отголоски отрывка из сериала, где няня Вика пыталась скушать креветку муляжную).

13 янв. 16.

Сон: ко мне сватаются молодые люди — как в фильме «Кубанские казаки», в шапках, какая была на Любимове в фильме... во сне они якобы из Румынии... моя бабушка раздвигает у каждого шапку по порванному месту — там поролон...

14 янв. 16.

Спина болела невыносимо, почти не спала. Слава дважды массажировал с астином, маслом святым касалась крестообразно... к утру немного легче стало, подремала. Во сне я навещаю в горах в санатории четырех родных мужчин (дяди?). Они все в халатах ярких цветов: в синем, красном, желтом и зеленом. Причем это материал с выпуклыми горошками как бы... Я думаю во сне: зачем они так ярко оделись? И не нахожу ответа...

15 янв. 16.

Сегодня спала! Устала сильно у деток вчера (в онко). Сон: я участвую в расследовании шпионского скандала. (Слава тоже видел тревожный сон: война, он ищет детей, чтоб вместе ехать в эвакуацию... проснулся, так и не найдя их...)

17 янв. 16.

Сон под утро (ночью не спала). Меня одна молодая дама по ошибке принимает за ту, которая увела ее мужа. Возможно, она сошла с ума и хочет меня убить, превращается в мужчину, но и я — в мужчину, она уменьшается в размере, но и я... от напряжения мы уже читаем мысли друг друга... и я читаю, что преследователь устал... меняются времена года (зима-лето), размеры и пол... города и веси (вдруг я бегу по деревянному тротуару, такие были в Сарсу), но преследование длится... в виде юноши уже догоняет меня преследователь, надел балаклаву и полез

в нагрудный карман за пистолетом... я в это время стучу к некоей Гале (в жизни не знаю ее), она открывает, впускает... и мы закрылись! Я проснулась: стучат в дверь нашего коридора...

Проснулась: «Гая» из сна напомнила однокурсницу, которая однажды приезжала... я уже выпустила первую книгу. Она топала ногой у нас на Чкалова:

— А учительницей быть ты бы не смогла! (Зачем для этого топать ногой? Но я смолчала или даже кивнула, чтоб она успокоилась... как многих задело мое писательство... Шорина говорила, что Т. и Л. просто ненавистью брызгали при ней — ведь это они должны были стать писательницами...)

19 янв. 16.

Сон ужасный. Мы с Катей Соколовской пишем в соавторстве. И нас вызывают к Сталину. Там много авторов. Мы набросали на двух страницах план сценария: некая талантливая художница мечтает еще закончить мед. Но ей объясняют, что силы нужно бросить на живопись — это нужнее для советской власти. И она соглашается. Становится известной художницей соцреализма... конфликт хорошего с лучшим. Сталин одним глазом заглядывает в план — говорит: нужен еще роман о писательнице и о скульпторше.

— Мухину знаете? Вот примерно про такой талант нужно...

Я киваю, выхожу — Катя курит у окна. Я рассказываю ей все, и мы обреченно идем писать. У нас якобы у всех — дома в селе. И я вижу: соседи все с участка собрали и уехали... не хотят писать ничего... ни яблочка на деревьях...

(Артист, ранее игравший Сталина, вчера мелькнул в другом фильме на ТВ. А Млечин рассказал о том, что в сталинское время в правительстве и в ЦК не было ни одного человека с высшим образованием, тем более — ни одного экономиста. Поэтому индустриализацию проводили такими методами — приказами сверху...)

20 янв. 16.

Под утро я заснула и видела во сне, что в магазине «Шоколад» уборщица родила девочку, и ей выделили уголок, там кровать и все такое. И все покупатели помогают. И вот девочке уже 10 лет, и мы со Славой ищем ей курточку в подарок... (Не знаю, почему такой сон... я в «Шоколаде» вчера была — поразила пустота... четыре покупателя на весь огромный магазин.)

21 янв. 16.

Сегодня я спала! Сон глупый: я еду в Екат защищать диссертацию. Мне нужно купить подарки оппонентам (так положено во сне). У «Шоколада» пробка. Чтоб через нее перешагнуть, я превращаюсь в огромную ламу. Метров 20 в высоту. И метров 10 между передними и задними лапами... и я легко перешагиваю через дорогу...

22 янв. 16.

Встала в 4 часа утра... сон был про фейсбук: якобы зеленый прямоугольник (стоящий) означает просьбу взять в друзья, а желтый — просьбу отметить страницу того или иного содержания. И вот я взяла юношу в друзья, а он как начал желтым сигналить без конца... я его заблокировала.

23 ян. 16.

Сон: две черные рыбы ходят по тротуару, выходят на траву и морщатся — у них от асфальта болят хвостики. Рыбы ростом с меня (вчера перед сном написала много рыб, в том числе две черные)...

26 января 16.

Сон: я сижу между дядей Ваней и Астровым. На скамье мы все — на Комсомольском

проспекте, в аллее (возле бывшего нашего дома на Чкалова). Астров ругает дядю Ваню за то, что он убил на охоте двух тетеревов. «Лес так редок, все вырубил, зверям и птицам негде спрятаться — подло за ними охотиться в таких условиях» (я во сне не Чехов, а именно я).

27 янв. 16.

Мы странно спим: я не могу заснуть до 4 (утра-ночи), а Слава не спит после 4...

Сон: очень трудный период в жизни России. Все без витаминов! Агния вернулась в Пермь. Я решила все же на последние деньги купить на рынке клубники. Приехала — клубника только у одной бабушки — в тазу. Но уже почерневшая местами (сезон закончился). Я покупаю, но не остается денег на трамвай (мы якобы все еще на Чкалова живем). Я думаю, что пешком дойду... но далеко! И отчаяние такое в сердце — во сне...

А Славе снилась гражданская война...

29 янв. 16.

Сон: мы эмигрировали в некую южную страну, там все загорелые. И у них головы больше наших. Я хочу купить очки, но все очки велики...

31 янв. 16.

Заснула в 6 утра. Видела, что отдел «загрузки» в компе — это настоящая кладовка (где-то). Внуки там хранят рюкзаки, которые сами загрузили ранее... (Рюкзак вчера Антон вернул по моей просьбе — он когда-то его дарил отцу, потом мы дали под что-то... прошли три или четыре года... теперь Славе он нужен для бассейна — без бассейна у него болит спина.)

Второй сон: я в Питере должна провести свой вечер. А вечереет — темно. Я с трудом нахожу здание... У книголюбов сидят человек 30, один молодой человек уже с букетом роз

(для меня?). Просят расписаться в ведомости — планируют оплатить мне... я радуюсь, что смогу пообедать.

3 фев. 16.

2 февраля стало самым теплым в Перми за последние 100 лет (это из новостей).

Проснулись от капель — стук капель по жести (с крыши). Я не спала до 8 утра. Затем задремала. Видела два сна. В первом я биолог, наблюдаю жизнь птиц на берегу озера. Сама я тоже замаскирована под птицу. И вот они улетают. Я думаю: надо бы с ними, но я же человек — не смогу. Однако руки раскинула и — о, чудо! — полетела.

Второй сон. Мы на лекциях великого режиссера (какого-то западного). Уже несколько дней. Видимо, как сценаристы? И вот он у всех спросил мнение о последней лекции, я говорю:

— Много демонизма.

Он вежливо, но настойчиво предлагает мне покинуть зал. Сам вышел, чтоб не видеть меня. Я собираю вещи, все мне помогают. Мы со Славой за эти дни обросли там: две сумки с вязаньем (где клубки ниток), записные книжки, на разных столах два кошелька, два мобильника, в шкафу пальто и т.п. Этот сон — отголоски того, что ночью прочли в фейсбуке у ЛН пародию на 10 заповедей. Ужаснулись! Оскорбить Господа уже не дадим... Мы посоветовались и написали: «Это ты?» Обычно я пишу иначе: «Внутри ты ведь другой — добрее» или «От тебя не ожидала»... Но тут уж не было сил компромиссничать — дело о 10 заповедях!

3 фев. 16.

Сны. В первом фотограф снимал семью незнакомого мне художника. Дочь художника в шапочке, как у мастера (из МиМ) тут же пишет подушечками пальцев виноград и сирень. Все темно-сиреневого, почти синего цвета.

Второй сон: голова раскалывается. Внутричерепное, видимо... выпила фурсемид,

но забыла выпить аспаркам — калий вымылся... вдруг раздался крик внутри меня... и все — я исчезла... затем (не знаю, через какое время) из тьмы снова появилась я — мое сознание (глаза были закрыты)... я поняла мгновенно, что калия нет, и ионы калия не передают нервных импульсов... встала и нашла аспаркам... страшно немного... но Слава считает, что все это мне приснилось... но нет! А потом задремала на пять минут и приснилось, что мои герани набрали много-много цвета (в жизни одна набрала).

5 фев. 16.

Сон: идет война, летит огромный — с трехэтажный дом — самолет и бросает бомбы на город. Я в это время переходила железную дорогу (она в жизни на самом деле идет возле нашего дома на Липовой). И я легла прямо на рельсы — чтоб быстрее... В итоге я осталась жива, в обход города по опушке вышла на Нагорный, где живет Соня, но там меня стали преследовать два бандита, увидев сумку в руках... мне и от них удалось ускользнуть через разрушенный дом, где можно было затаиться на время... Слава тоже видел гражданскую войну...

Второй сон: голос спрашивает молодого человека, будет ли он брать бутоньерку к пиджаку. И тот берет хризантему оранжевого цвета (это я перед сном решала, как изменить оттенок одного цветка в букете новом).

9 фев. 16.

Решила сны игнорировать, но сегодня оба так хорошо запомнились... что запишу. В первом мы живем на Чкалова, приемная Наташа (лет 30–40 уже) в своей комнате. Дети наши по своим семьям, и мы берем жить к нам Власенко и его друга (у него в жизни не было такого). И вот напились они оба: Юра и его друг. Валяются в коридоре. Мы еще не в отчаянии. Заснули. В 1:30 ночи звонки. Это пришла Лиля — мать Наташи. Совершенно пьяна.

— Где моя дочь?

— Твоя дочь с шести лет тебя не видела! Приходи утром!

Я буквально правой рукой подталкиваю Лилю к двери. На площадке ее ждет очень нетрезвый друг.

Мы со Славой идем на улицу... размышлять о жизни. Как быть? Жизни не стало. Надо уехать в деревню. Я села на скамью, Слава ходит вокруг. Нам в голову не приходит отказать Власенко... и тут появился Власенко. Стоит с виноватым видом. И мы решаем вернуться... (Сон отражает нашу щедрость к друзьям, но и нашу покорность судьбе.)

Второй сон: я приехала в Питер, чтоб получить гонорар за подборку стихов. Хотела в Эрмитаж еще пойти и пр. Агния приехала по моему звонку... Встречаю Невзгладову (жену Кушнера), которая в жизни меня публиковала в «Авроре» и слала посылки с гречкой-тушенкой — у нее пирсинг (...) Она пригласила меня в гости. И вдруг появляется Слава: он вспомнил, что можно получить в «Звезде» гонорар за повесть «Учитель иврита». Он проездом с совещания по фантастике...

10 фев. 16.

Сон страшный: бандиты крадут девушек и топят их. Для дестабилизации обстановки...

11 фев. 16.

Во сне: расследую убийство девушки (в качестве журналистки? Правозащитницы?).

12 фев. 16.

Сон: студия — фотограф, похожий на Лотмана, переодевает людей в исторические костюмы и фотографирует. (Лотмана перед сном видели — про Пушина, всего шесть передач его за две недели видели, одна лучше другой! Спасибо!)

15 фев. 16.

Во сне видела наводнение — на Яндексe пишут, что центр Перми затопило из-за аварии...

16 фев. 16 г.

Сон: в гости к нам пришел Виталий П. — с ним трое его детей (две девочки и мальчик). Но он во сне не похож на себя (не брюнет, а блондин, не высокий, а среднего роста). Но я знаю во сне, что это он. Оставил на меня детей и вышел покурить. И нет его! Я волнуюсь, дети волнуются — почему-то посылаю Славу на крышу: мне кажется, что мошенники заманили туда Виталия и пр. Наконец я решаюсь ему звонить, но в это время он и вернулся (не знаю, к чему такой сон).

20 фев. 16.

Сны. В первом я назначена заведовать некой галереей, ее пытается взорвать одна женщина, мы с охраной все время по утрам находим бомбы тут и там... (Отголоски увиденной перед сном программы по Хистори — как сохраняли музей Эрмитаж от наступающих немцев.)

Второй сон: Кризис углубился, стою я в очереди за фруктами. Очередь огромна! Продавщица так устала, что время от времени прислоняется к стене и закрывает глаза. Причем фрукты нарезаны (бананы, груши и яблоки). В руки дают, видимо, по одному кусочку того и этого. А под прилавком я вижу нечто в тесте, золотисто-поджаренное. Я у соседней спросила, не знают ли они, что сие. Мне сказали:

— Это кусочки акулы в кляре, но она не продает.

В общем, так я и не купила ничего — проснулась...

21 фев. 16.

Сон: в компе я смотрю презентацию нового сборника СРП, потом там фуршет, у меня на экране можно создать окно возможностей — туда с вилкой вхожу и беру со стола колбасу и сыр...

24 фев. 16.

Сон: пришел Вася Бубнов с Пашей Волковым. Я показываю им новую картину. На черном фоне — огромный натюрморт — нарциссы, которые в три раза крупнее, чем в жизни. Вася дает мне три тысячи рублей для поездки к маме. Я хочу в ответ подарить ему эту картину, но не берет:

— Ленусик догадается, что я дал денег... а я ведь не все ей говорю...

Ложилась поспать на 15 минут — снилось слово «веритас» (по-английски написано)... истина.

Сон в поездке на 6 марта. Высоцкий приехал в Пермь, и я прошу его послушать песенки девочки лет 12 (из онко?).

В Калитве снилось, что я собираю книгу, избранное, листаю «Всю Пермь» и говорю: «В этой книге некоторые вещи устарели...»

11 марта 16.

Сны. В первом я с мамой в комнате. Мама в виде зеленого листика в форме сердца (липа?). Она светится. Себя я не вижу. Нас кто-то закрыл на ключ. Мы думаем, как выбраться...

Второй сон: у меня две груды каменного угля. Одну украли. Полиция мне говорит, что уголь сползает, если гряда выше черты... таковы особенности магнитного поля земли, мол... но я показываю остатки угля — они ниже черты... (Слава говорит, что уголь симболизирует тепло, мне недостает тепла...)

17 марта 16.

Во сне я везла двух «переходных» рыбок (похожих на ящериц) для лечения мамочки. Они ползали по столу в вагоне... красавицы. (Отголоски фильма «Моя внутренняя рыба», во время которого я сладко заснула — сладко, потому что герой-ученый там восторженно говорит о своем предмете, даже порой от восторга весь дрожит, такие люди и есть для меня самые прекрасные... почему же я до конца не досмотрела? Потому что за день очень утомилась и потому что считала из фильма главное — хорошего человека.)

18 марта 16.

Во сне приехали в гости Виниченко, в это время Антон моет пол (молодой, лет 20). А у меня так расцвели домашние деревья (японские)! Яблоня вся покрывается белыми купонами на моих глазах и т.д. (не знаю, почему такой сон)...

27 марта 16.

Сегодня спала! Во сне: мне подруга (в жизни такой нет) говорит про нашу общую подругу (которой в жизни я тоже не знаю):

— Ее сглазили.

— Нужно вот что — нужно носить медальон с портретом Лютера! В магазине «Подарки» я видела... ну, если там уже нет, я ей из Москвы привезу. В Москве всегда есть...

(Не знаю, почему о Лютере — может, от слова «лютый»? Я о нем никогда не думаю.)

28 марта 16.

Бессонными ночами, чтоб отвлечься от боли, я перевожу «Слово о полку Игореве» на современный язык — почти жаргонный: князь пошел к половцам, чтоб сбондить...

И вот сегодня увидела во сне Игоря Ивакина. Он сидит с соседями на скамье в чьем-то дворе, а я ищу помощников погрузить бюро (бюро заскочило из фильма). Я знаю во сне, что Игорь уже болен и его нельзя звать. А он окликнул меня... Я не стала говорить, что нужны помощники...

29 марта 16.

Звонил НН. Написал про Астафьева и Роберта (Белова). Например: якобы пили — сутки. И вот домой пришли. Астафьев сказал:

— Лучшая защита — нападение.

Жена его открыла дверь. Виктор Петрович закричал:

— Имел я эту цензуру! (Глагол был другой)

Имел я эту партию! Имел я этот коммунизм!

Маша прижалась к груди мужа и тихо сказала:

— Бедные вы мои.

А в свое время Роберт рассказывал это иначе — высказывания В. П. были скромнее (имел я этого редактора)... но теперь все укрупнили, все по-довлатовски... велико влияние Довлатова...

2 апреля 16.

Заснула в 4 утра. Два сна. В первом мы с Антоном на горном курорте. И там же лечатся Ельцин, Гайдар и еще кто-то (не помню). И вот один за другим погибают в лавинах Ельцин, Гайдар и др. Мы хотим скорее уехать...

Во втором сне я иду с Олей Роленгоф и Хакимчиком по дороге. Грязь ужасная, тротуар во льду мокром... мы боимся машин, то и дело жмемся к обочине (Слава: это дорога жизни)...

Слава же видел, что он — прасущество в перво-океане. Вытянутое, как веретено, и прозрачное. И он знает, что надо изменить гены, чтоб жизнь пошла без хищничества, чтоб никто никого не ел... собирает все силы, чтоб подействовать так на свои гены...

10 апр. 16.

Во сне видела Сталина (ужас и репрессии).
Во втором сне видела Жванецкого — ехали в плацкартном вагоне... я говорила, что он — номер один, а он не верил...

11 апр. 16

Во сне внучка Маша с подружкой приехали к нам. Я спросила:
— А мама где?
— На работе.
— А ты почему не в детсаду?
— Он на ремонте...

Это отголоски телефонных разговоров Славы с внучкой шести лет. Вчера туман за окном был лохмат и сказочен. Слава «послал» его кусочек внучке в посылке. Она в ответ послала ливень в посылке. После звонит:

— Пришла моя посылка с дождем?
— Пришла, но там гроза разразилась, гром гремит — мы боимся ее открывать... Зато я послал тебе кусочек солнца по почте...

Казалось бы: вот уже есть начало книги для детей: пришла посылка — там гром гремит... но нет, не пишется такая волшебная книга (мало во мне детского), увы...

15 апр. 16

Сон: я с маленькой дочкой иду из больницы, а это мимо дома Тихоновец-Виниченко. Они якобы живут на первом этаже. Там наша Соня лет 12 на подоконнике — рукой нам машет, Таня в розовом халате вышла:

— Зайди ненадолго.

Мы входим, а там Антон лет 13–14 играет с Ромой в шахматы. Мы беседуем все вместе... (Не знаю, почему такой сон: возможно, от возраста снится то, что было в юности.)

16 апр. 16.

Сон: фашисты заняли Пермь. Мы на Чкалова организовали больницу. И там я долж-

на получить укол для иммунитета, купила ампулу, набрала в шприц, входит врач и говорит:

— Это не то! Нужно было купить другое...

18 апр. 16.

Сон: я была в Москве (день рождения К.? Гостей немного, но все ученые — вместо тостов говорят о науке). Пришла на вокзал, а паспорта нет...

24 апр. 16 в 6:32

Сон: я у Тани в Москве. У нее в раме на окне стоит моя рыба на оргстекле. Вода голубая, а не зеленая (обычно у меня зеленая). И этот голубой отрезок воды на просвет так сияет! Я удивилась, что забыла эту картину...

26 апр. 16.

Сон странный: в Сарсу украсили поселок яблоками. Они зеленые, в два роста человека. Они настоящие. Чтоб от них не откусывали, на тротуарах расставлены ведра со смородиновым вареньем. И ложки. Моя спутница (в жизни не знаю) пробует варенье и хвалит. Тоже две ложки варенья съедаю и говорю:

— Вкусно.

Перед сном я думала: сделать в зеленом яблоке в картине «Христос в Эммаусе» гусеницу, которая высунулась из... и решила, что не стоит...

27 апр. 16.

Меня очень тревожит печень... от этого депрессия такой силы, что даже снится, что у меня депрессия, и я во сне якобы звоню Свете — чтоб снять депрессию общением...

28 апр. 16.

Сон странный: я приглашена на Буковровский банкет, но опоздала. И мест нет. Я пошла поискать начальство: хотя бы покормили меня на кухне... никого не нашла. Вернулась и решила сама найти стул — приставить к любому столу (как приставляла для журналистов на Буковровском банкете в 1996 г.). Нашла стул, села, а речи кругом на татарском языке. Оказалось: зал уже занят под банкет татарского съезда...

(Слава: мы чужие на этом празднике жизни... и даже языки у нас разные.)

Слава, как обычно, видел во сне войну с викингами.

3 мая 16.

Сон: в России вышел третий перевод Гомера (в Англии их вышло 24!), и я всюду ищу его. Якобы в Перми есть своя академия, там у меня знакомый академик, я к нему пришла и спрашиваю... он обещал дать почитать... (В жизни я вряд ли стала бы искать, хотя и восхищаюсь англичанами в этом плане... А нам говорили, что СССР — самая читающая страна в мире!)

4 мая 16.

Сон: я приглашена на электричке ехать на литературные чтения. Там А. ест блины, сидит за столом по-барски — всех широко зазывает, но я не могу от него принять ничего... Блинов целая стопка в центре стола, они промаслены домашним маслом — вставками белой сыворотки, выглядят аппетитно! Но я отхожу... Там же Лина, которую я пригласила...

8 мая 16.

Сон: я пишу петухов, одновременно это — лечение моего горла. Каждый петух все ярче, и горло все здоровее.

13 мая 16.

Сон: в сражении участвуют мои картины. Например, картину с изображенной мною свиньей носят за ручки — она помогает определять убитых и раненых. Про раненых она хрюкает, моргает глазами... и их спасают. (Все это отголоски вчерашней серии британского сериала «Войны и мира», где князь Андрей ранен, там же есть и свиньи — у Ростовых...)

16 мая 16.

Сон: у меня маленький ребенок, мне его отдали. Месяцев восемь-девять. Очаровательный мальчик! Я смотрю и думаю: да, он не родной, но я так сильно буду его любить, что он вырастет счастливым. Одновременно приехал Валера Мерлин и зовет меня в поход в лес. Я отказываюсь. Он говорит:

— Тогда поедem на ночь в общежитие — будем на кухне петь песни под гитару.

— Современные студенты не поют песни ночами... (отголоски того, что Валера заходил вчера ко мне в фейсбук).

17 мая 16.

Сон: А-вы уезжают из Перми, предложили нам забрать папки с нашими рукописями (мы давали читать). Еще нет ни мобильных, ни компов. Я перебираю папки и нахожу три наши... сожалею, что они уезжают...

19 мая 16.

Сон: мне нужно уехать на некое безопасное место (неясно почему). Мне дают машину и мужа. Но это не мой муж! У этого «нового» — глаза темно-синие, почти черные, волосы тоже иссиня-черные... Я думаю: зачем мне чужой муж?! Машину веду сама (странно, я в жизни не мечтаю об этом).

21 мая 16.

Сон: мы в гостях у (берем условные буквы) А. и Б. Вышли: ночь черна! И я говорю: пойдем по той стороне. Мы перешли дорогу. На той стороне забор из редких жердей. Вдруг хлопнула дверь. Вышли А. и Б. Идут с пистолетами (которые иногда дают блики-блестки). Мы за забор! Легли в распаханное поле. У меня нынешнее черное пальто, Слава тоже в чем-то темном. Земля черна. Нас долго искали, но так и не нашли.

24 мая 16.

Сон: мы с Верой на празднике в «Знамени» в библиотеке иностранной литературы. Мне нужно сразу ехать в Пермь, так как я забыла телефонную книжку (московскую) и ни с кем не договорилась переночевать.

25 мая 16.

Сон (цветной): мы смотрим по ТВ два фильма по Чехову. Все в белых платьях и среди природы... и в конце каждого герой бросает (предает) героиню... (отголоски фильма вчерашнего по Тургеневу — «Месяц в деревне»).

26 мая 16.

Во сне видела режиссера Сергея Соловьева: он шел по главной улице в Сарсу — от старой почты до поворота. Возле дома Трошевых он свернул. Якобы я знаю, что он там где-то должен прочесть лекцию. Мы со Славой смотрим на него из окна. Слава и моя мама (так!) собираются на лекцию его. А я почему-то нет. Во сне Сарс — значителен, туда приезжают знаменитости, меня это не удивляет. И мама любит Соловьева — из-за ТВ она многих полюбила.

Отголоски того, что Соловьева на днях видели в «Наблюдателе»...

30 мая 16.

Сон: в меня влюблен актер Александр Ширвиндт (это вчера перед сном видела по ТВ речь Марка Захарова о нем — давно не снилось ничего такого).

31 мая 16.

Слава вчера вечером сказал: Юзефовичу дали Строгановскую премию...

— А мне Строгановскую давали — так через день отменили... ну, значит, Господь так решил...

— Нина, Господь нам дал больше, чем просили! Мы даже не мечтали стать писателями, а стали. Какие еще после этого премии нужны! (Слава)

И вот снится мне ночью смешной сон: я — видимо — глава правительства и назначаю министров... это происходит в маленькой южной стране... во сне этом не было никого из жизни, все другие... но я их во сне знаю и живо обсуждаю с ними состав кабинета...

2 июня 16.

Сон: я с Еленой Андреевной (племянницей Булгакова) в Питере на похоронах (Лихачева?). Народу — весь город. И мы идем давно, очень устали. Е.А.:

— Найду машину.

И точно: с машиной уже оказалась, мы сели.

— Как вы это сумели?

— Ну, я все-таки имею влияние в академических кругах.

А в это время, как я заснула под ТВ, сказали про похороны Ходасевича... и вот сон про похороны.

3 июня 16.

Сон: я веду легковой автомобиль с правым рулем. Слева — Антон. Он жалуется на обувь свою — жмет... (Слава говорит, что

сон просто понять: я все еще хочу указывать путь сыну, везти его вперед...)

5 июня 16.

Вчера утром читали – в реальной жизни – Евангелие про то, что хозяин бы бодрствовал и не позволил вору подкопать... И вот снится, что нас наняли искать подкоп под замок, и мы его нашли – сообщили хозяйке... (буквально – сцена из Евангелия)...

6 июня 16.

Сон: каких-то девушек-чеченок я сватаю – много, шесть или семь – все высокие, смуглые, красавицы!.. Всем нашла женихов (Слава говорит, что хоть во сне, но я сватаю... привычка всей жизни).

7 июня 16.

Сон: в гостях у нас поляки (слависты? переводчики?). Они заскочили в сон от обсуждения «Бориса Годунова» вчера по ТВ...

9 июля 16.

Сон странный: идет жизнь какой-то семьи (мне незнакомой), и там есть девушка, которая из всех событий сочиняет танец... танец я вижу почему-то, хотя он еще в голове девушки... я думаю: так вот как танцы появляются – из жизни! Это национальный танец... русско-украинско-белорусско-польской страны.

10 июня 16.

Сон: Виталий и Оля под нашим окном прячут записки (Оля с косой черного цвета). Будет игра для пермских авторов – в 12 записок. А трава высокая между скамейками! Я думаю: хотя вижу, как они прячут записки, но найти будет непросто – трава!

11 июня 16.

Встала в 4 утра – давление было 155. Выпила экватор и спала еще до 8.

Сон: на арене пять клоунов в вишневых комбинезонах. Все не трезвы...

12 июня 16.

Сон: художник (якобы наш знакомец) подарил нам хорошую акварельную иллюстрацию к... Шиллеру. В серо-голубых тонах. И спросил:

– Что еще?

– А небольшой портрет Шиллера бы...

(Я не знаю, при чем тут Шиллер ...Слава про этот сон сказал в жизни: «А Гете обиделся!»)

15 июня 16.

Сон: я удаляю четыре файла с пением (ссылки), но оставила два файла, чтоб слушать (глупый сон).

16 июня 16.

Сон: я на совещании уральских авторов. Там Кальпиди вернул мне картину мою: Троцкий и с боков два телохранителя. Я не помню такой, но беру, думая, что Виталий лучше помнит... А Пермь и Москва – единое пространство (как во многих снах). Мы с племянницей Булгакова идем ко мне домой взять картины. А лестница сломана, я не могу попасть на третий этаж. Там Соня стоит и предлагает помочь:

– Мамочка, ты по бревну иди, а я за руку тебя подержу... (Тоже ранее снилось, что не могу попасть на этажи, это пока не привыкла к городу... а теперь снова связь времени-пространства разрушена... только Пермь и Москва все еще спаяны прочно...)

17 июня 16.

Сон: вроде детектива, где две девушки что-то расследуют... и вот одна приходит к другой, а та лежит на полу в прострации, и вокруг все разбросано (тряпки, щепки — как в последних строках «Приглашения на казнь» Набокова, только у Набокова все крутится, а у меня во сне нет вихрей). Словно что-то искали... (это в моей жизни все раскидано теперь — нет сил сосредоточиться).

18 июня 16.

Сон: мы на Чкалова, пришел Драгунский и просит займы тысячу рублей. У нас нет, но я иду к дяде Коле и прошу. Он дает в четырех конвертах разными мелкими купюрами. В одном пятерки, в другом несколько десятков и т.д. (Во сне тысяча — это еще старые деньги, еще большая стоимость у нее...)

19 июня 16.

Во сне: я спускаюсь из вагона поезда (в Лихой?), а на нижней ступеньке яблоками розовыми выложено по краям... я думаю: вот что значит юг — все украшают фруктами, а мы в Перми не знаем, как же выкроить на яблоко...

21 июня 16.

Сон: Тмарченко и Васильева в гостях, я суп наливаю им. А Антон звонит из аэропорта: мы должны улетать в Москву, я опаздываю... но оказалось, что рейс на час перенесли, я успеваю... (на Тмарченко похожего видела).

22 июня 16.

Во сне Довлатов хоронил друга в модернистском гробу — с какими-то металлическими рычагами, чтобы сам гроб мог ехать... а мафия в гробу устроила дверцу, и можно

было брать наркотики... и все прощающиеся знали... а Довлатов нет. Он во сне ближе к ангелу: лицо юное, он всем приносит воды или выпить, свой платок носовой кому-то предложил, родственников за плечи обнимает, чтоб выразить свое сочувствие... А мы знаем, что покойник сейчас встанет... И как нам поступить — сказать об этом? Но если нас будут считать не дружески настроенными? (Отголоски того, что фильм о Довлатове вчера мелькнул по ТВ — я только несколько кадров видела, ушла с этого канала, так как видели мы уже.)

Сон: я беременна от американского киноартиста средней руки. С ним веду долгий разговор, как он будет помогать материально. Он очень обстоятельно обещает присылать довольно средств (все это заскочило из вчерашнего фильма, где героиня беременна и обсуждает все).

25 июня 16.

Сны тяжелые. Первый даже не хочу записывать. А во втором мы на Чкалова, Слава зажигает на кухне все четыре газовые горелки, я же хожу и выключаю. Он снова дверь закрывает и зажигает! Я снова прихожу и выключаю. Он в третий раз! Я выключаю, но некоторые сами снова загораются...

— Слава, зачем ты так? Пожар будет!

— Я не знал...

— Ну прошу тебя — не зажигай!

Антон входит и говорит:

— Как это вы забыли про моего Сашу и не навещаете его! Он такой хороший. Ему уже два года.

И тут во сне я вспоминаю Сашу, но это скорее Саша Сонин... Собираю пряники со стола и звоню Ирине — к Саше хочу...

26 июня 16.

Сны глупые. Снова Сарс, Пермь и Москва — одно пространство. И Вера с Любой — один человек... Мы с нею идем в бытовой комбинат, где я сдала в чистку белье, кастрюлю (подго-

ревшую), и мы заказали там же — в кафе? — колбасу жареную, пюре. Но прождали три часа — ничего не принесли... и вещи тоже не выдали. Мы пошли в музей имени Пушкина (это же одновременно и столица). Там нет билетов уже. Меня пригласил один сотрудник (незнакомый) к администратору. Но и тот не имел билетов. А тут же у кассы Стругацкий дает автографы. Это я поняла по подписи «Стругац». Вдруг и ко мне подходит мужчина и просит автограф. Я расписалась у него на буклете... (Слава сказал: подсознание знает, что не будет материального... еды, белья... нет и духовного — книгу не можем купить — но будет немного известности.)

27 июня 16.

Сны: в первом три существа ростом с птиц с крыльями бабочек летят (не знаю куда, они знают). В центре — существо голубоватое женского пола — прибаливает. С краю существо мужского пола обещает вылечить. Между тем пока летят дальше, целеустремленно (возможно, в той жизни?).

Второй сон: дети хотят фруктов. Я пошла. В одном магазине купила только килограмма три лимонов, зеленых. В другом купила разных фруктов, и продавщица говорит:

— Вот елочки остались, а сегодня уже 8 января — никто не купит. Возьмите даром.

Я вспоминаю, что дома нет елки, и беру. Иду, очень нагруженная, а по дороге река течет (авария? снег тает?). Но я все-таки приближаюсь к дому...

Славе снилось, что мы на совещании по литературе. Оно в Перми в небоскребе. Каждый этаж — секция. Много секций! Там нам надели много старинных книг (XVII век, XVIII век). В них много гравюр наподобие Дюрера (мускулистые тела, ангелы)... Мы несем их домой и говорим, что после прочтения сможем их продать и купить лекарства... (прогноз хороший и для литературы, и для книг... в жизни Слава тоже оптимист в этом плане: рассказчики всегда будут, даже если исчезнет промышленность и пропадут буквы).

28 июня 16.

Тяжелый сон: я написала рассказ юмористический, еще никуда его не отправила, а мне уже звонят и угрожают... Если не сожгу его, то прототип сделает такое... Я во сне удивляюсь: кто же донес? Снова стукачи что ли ходят? (Рассказ от руки написан — его нет в компе.)

2 июля 16.

Не спала. Утром задремала. Сон: я в Калитве. Папа жив. Брат Коля пришел — разговаривает со мной, словно прежний... Папа дает мне 10 рублей бумажных, советских (в жизни ничего никогда). Затем сон перенес меня в дом, где мы живем со Славой. Вокруг поле распаханное, черное. Приходят неизвестные нам туристы и начинают в доме хозяйничать. А у меня болит сердце. Я прошу Славу отправить туристов домой. Он просит их уйти, но большинство остается и нагло размещается, ест, пьет. Слава сжал кулаки и пошел на одного с криком. А я громче закричала:

— Слава! Слава! Умоляю: не надо!

Сон: дают квартиры — клетушечки, метра три-четыре. (Видимо, на том свете.) Очередь. Слава стоит в очереди, а я отошла с кем-то поздороваться. Справа и слева подходят незнакомые мужчины и говорят, возможно, мне:

— Это и неплохо, можно жить.

— Да как вы не понимаете, что самооценка наша упадет от тесноты... Мы и не тех депутатов выберем...

6 июля 16.

Во сне я говорю Жене Ройзману:

— Убери из фейсбука фотографию, где ты в стайке девушек — Юля огорчится... (бред полный — я бы никогда не сказала Жене ничего... да, вчера он вывесил фотографию в группе девушек, но это все дружески).

7 июля 16.

Сон: я в больнице у деток – дежурная. Пропускаю в отделение родителей. Руки в акриловых красках еще... (собираюсь в онко к детям сегодня).

10 июля 16.

Видела во сне Бабеля (начиталась воспоминаний о нем).

17 июля 16.

Сон: я пишу портрет Шендеровича (в кафе почему-то). Голубые глаза делаю удачно, а фон не могу найти сразу и просыпаюсь.

18 июля 16.

Сон: женщина в поисках мужа (не я). Работает проводницей. Ей лет 30. Пускает ночевать бездомных мужчин и женщин. Моет

их, кормит. Мол, пока нет мужа, помогу им... Находит во время сна трех мужей – все пьют и уходят. Похожа сама на девушек Боттичелли, но счастья не находит – лишь всегда с нею счастье помощи людям. Она доживает старость с одним из бомжей: он бросил пить и помогает ей в быту. И в конце сна почему-то нет в поле зрения той женщины, а я бегу в школу по Сарсу (эта школа на горе – туда мы ходили с 5 по 8 класс).

20 июля 16.

Сон: я пришла в больницу навестить папу и Бавильского. Там у всех букеты цветов алых – каждый цветок состоит из трубочек для коктейля. Пучок связан недалеко от верха, вот и получился цветок. Но еще я знаю, что при этом трубочки живые, то есть и цветы – живые.

Далее во сне я шла из больницы по лесной тропе и собирала грибы – это были маслята. Они уже немного притоптаны и приплюснуты, но все равно хорошие... собиралась пожарить.

Евгений Витченко

В снегу по пояс

***

Что далее по списку? Сны.
 Стена больничной белизны.
 Кровать-полупорка. И мы
 В кофейной гуще
 Полуночи. Ну, погадай!
 И где он, твой цыганский рай?
 И смерть отложена на май.
 Охота пуще

Неволи. Рыхлые поля
 Напоминает простыня,
 Когда они в снегу, и вся
 Планета в белом.
 И выпить хочется. Налей

Воды растопленной с полей,
 Пусть на дворе не Водолей.
 И воздух мелом

Подретуширован слегка.
 Сорвётся птичка с языка.
 И, вроде, не блатной з/к,
 А любишь крепко
 И прямо выразиться. Мел
 Ещё сильнее побелел
 В руках. И на окно взлетел
 Орёл с монетки

(Пятирублёвый номинал).
 Он то садился, то шнырял.
 Из-под казённых одеял

Мы всё смотрели
 На чёрную решётку. Ад
 Внутри тебя, мне говорят.
 Что птица, налетает март
 И шлёт метели,

Хочу сказать, по мостовой,
 Но путь невымощенный мой...
 И укрываюсь с головой.
 И этот образ
 Орлиный на моём окне,
 Он продолжается во сне.
 И не дай Бог проснуться мне
 В снегу по поясу.

***

И вот вокзал. Пространство на двоих.
 И время на двоих одно и то же.
 И сердце это, бьющее под дых,
 И пульс под двести, и мороз по коже.
 И вот он, твой билет на самолёт,
 Тот самый, что с серебряным отливом.
 Уже не удивляюсь, что «Полёт»
 Прикуруиваю чирком торопливым.
 Куда летим? Давай куда-нибудь
 (Но не в Бахчисарай!) поближе к морю.
 Туда, где можно губы облизнуть
 От соли. Или выйти к плоскогорью.
 Забраться по исхоженной тропе
 До самых звёзд. Хотя какие звёзды?
 Конечно, вру, ведь в нашем Сен-Тропе
 Мы засветло ложимся. Или порознь.
 Короче, спим. Нам спальня малы
 Места под солнцем. Или это спичкой
 Нам освещают райский вид яйлы
 С застывшей в небе перелётной птичкой?..

***

Мы так стремительно стареем
 И преждевременно живём,
 Давай хоть спичкой обогреем
 Наш снегом занесённый дом.
 И крышу выправим с трубою —

Рождественский наш дымоход.
 Через который нам с тобою
 Зима дары в носках несёт:
 Сосульки, леденцы с мороза,
 Фруктовый иней. Фига с два
 Распустится твоя мимоза
 С обледенелого стола.
 Какое это счастье, Герда,
 В ханты-мансийском жить краю
 И верить в перемену ветра.
 И слушать баюшки-баю
 На гамаке под самой крышей,
 Где в детских варежках сугроб.
 И где нельзя, чтобы потише,
 А только лишь сильнее грёб
 Январский ветер. Переменный.
 То в щели дует, то в трубу...
 Мы под циклоном королевы,
 Ниспосылающей пургу.

***

Как и жизнь, вполнакала
 Свет в окошке горит...
 «Только этого мало», —
 Кто-то мне говорит.

Облака вдоль канала
 Встали, как на убой...
 «Только этого мало», —
 Голос рядом с тобой.

Как в «Подсолнухах», масло
 Или жёлтый акрил...
 «Только этого мало», —
 Кто-то проговорил.

Сколько бы ни мелькала
 Тень по шторе твоя...
 Только этого мало,
 Напрямик говоря.

Вот и завтра настало,
 Ущипни, что не сплю...
 «Только этого мало», —
 Сам себе говорю.

***

Знак многоточия дорожный...
Здесь на мгновение замри
И оглянись, какой безбожный
И монохромный свет зари.

Чуть подтекающие краски,
Авангардистские мазки.
Похоже, что нетрезвый мастер
Смешал цвет охры и тоски.

О, сколько охристых оттенков
В себя вбирает синий холст!
И солнце, этот бог ацтеков,
Встаёт, как будто солнце солнц.

Куда бежать? Ведь отовсюду
Его палящие лучи.
Но защищайся! Бей посуду.
Стреляй из лука. И мечи

Свой мелкий бисер. Может статься,
Ты отобьёшься. Может быть,
Ударят в барабан для танца.
Танцуй. Укореняйся в быт.

Побудь рабом, хотя не пленник.
Или жрецом. И вот твой нож.
Раз ты попал на этот берег
К аборигенам, будь похож

В одежде и во всём на местных.
Бежит по венам алкоголь,
И смерть — последняя невеста —
Уже разучивает роль.

И понемногу, понемногу
Привыкнув так к небытию,
Молись жестокому их богу
И жди испанскую ладью...

***

Сколь прилипчивы тени
на вязком снегу.
А навстречу кто машет — на том берегу,

Как бы пробуя крылья ко взлёту,
Не вознёсшие ни на йоту?

Это чистая правда:
то был человек.
Своей собственной тени и скрипа телег
Он как будто всерьёз сторонился
На краю деревенского стикса.

И всю жизнь по маршруту
замёрзшей реки
Он ходил так, пока не нашли мужики
Мешковатое тело в овраге.
И ещё оставалось полфляги.

Ну, а что же в итоге,
о чём разговор?
Человек, выходящий на русский простор,
Не охотник, а, в сущности, жертва,
Даже если пространство инертно.

***

...И в самом деле, мчишься вниз
На детских саночках с обрыва...
И на мгновенье, но завис
Над миром. Над картиной мира.
Что успеваю уловить?
Что фокус зрения мой смазан.
Что (хирургическую!) нить,
Как пуповину, режут сразу.
Затем накладывают швы
На рассечённый лоб по краю
Неровному. Что миражи
Реальной яви, полагаю.
Как ангелы, в халатах шьют
Смертельно белых. Что бесплотен
Там, за спиною, парашют.
И, значит, я уже в полёте.
Обрывки облака. Туман.
Снежок, почти что погребальный.
Что чувствую теперь? Что пьян.
Толчок подземный пятибалльный.
Что просыпаюсь. Выхожу,
Приговорённый, из наркоза,
По стрелкам вниз. По чертежу
Эвакуации. Но поздно.

Случай Селукова

Павел Селуков начал писать короткие рассказы три года назад и публиковал их в фейсбуке. Сначала его полюбили пользователи социальных сетей, а затем критики и писатели — в числе них и Леонид Юзефович. В 2019 году у Селукова выходит две книги рассказов. Первая «Халулаец» (издательство «Фолио») прошла почти незамеченной, а вторая «Добыть Тарковского» («Издательство Елены Шубиной») засветилась едва ли не во всех крупных литературных премиях страны и вошла в шорт-лист «Большой книги».

«Вещь» публикует большой критический блок, посвященный пермскому писателю. В первой части Павел Селуков рассказывает о себе. Это авторизованная запись разговора, который состоялся в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете 23 января 2019 года, с магистрантами программы «Научные и образовательные стратегии работы с текстом». Благодарим за предоставление интервью научного руководителя программы, профессора Галину Михайловну Ребель.

Вторая часть посвящена осмыслению творчества молодого писателя. Критики, литературоведы и писатели из Москвы и Санкт-Петербурга — члены Большого жюри «Национального бестселлера» — высказались о книге Селукова «Добыть Тарковского», которая была номинирована на российскую национальную литературную премию. С любезного разрешения «Национального бестселлера» (<http://www.natsbest.ru/>) публикуем фрагменты этих рецензий.

Редакция

Об образовании

Мне повезло в пятом классе очень сильно, когда меня в «Е» класс распределили как новенького. Это такой «отстойный» класс, класс-«отстойник», куда со всей параллели... ссылают. У нас математики не было год, английского, физики. То есть у всех есть, а у нас нет. С тех пор я вообще не рассматривал образование как какой-то вариант для себя... учиться, какое-то высшее учебное заведение закончить. Я понимал, что это просто невозможно уже. Когда ты там пятый, шестой, седьмой класс, по большому счету, вообще не учишься, просто отбываешь.

Нам вообще повезло только в смысле литературы, «Е» классу, с учительницей. Она была еще по совместительству психологом, такая мировая дама. То есть она разрешала Пушкина читать в стиле рэп моему приятелю. Она вообще от всех отличалась. Она такая была европейская, что ли, женщина. Какая-то непредвзятость, ровное отношение ко всем и так далее. Её прямо очень сильно любили. Ходили на её уроки, это было удивительно. Мы могли вообще просто прогулять все уроки всем классом и прийти на последний урок литературы.

Я помню, как она меня хвалила за пересказ «Тараса Бульбы». То есть всегда ведь любишь то, за что тебя хвалят, что у тебя что-то получается. Там, где у тебя ничего не получается, ты чувствуешь себя дебилом, ты вообще в этом направлении не движешься. Где тебя немножко как-то, ты думаешь — ой, так неожиданно и приятно...

О книгах и чтении

Я в пятнадцать лет... Ну, надо понимать, как я выглядел в пятнадцать лет: у меня на голове даже еще меньше было волос, чем сейчас. Я брился под бритву, боксировал, после девятого класса ушёл на кладбище работать, на лето, на три месяца, могилы копал. И в десятом классе влюбился в девчонку, она вообще жутко умная была. На первой парте, вот это вот всё — «четыре-пять», «пять-четыре». Мы с ней как-то не могли найти общий язык. Я помню, купил билеты в театр даже, погорячился... И мне подружка ее сказала: тебе надо книги, наверное, почитать, друган. Чтобы найти с ней какой-то общий язык. Я решил, ну что, действительно, здравая идея, почитаю книги, почему бы и нет.

Первая была «Я вор в законе на зоне». Но я достаточно быстро... как это сказать, это какие-то интуитивные вещи — ты понимаешь, что тебя обманывают, что это неискренняя литература, что какая-то фигня, короче, читаешь — и какая-то фигня. Я стал ковыряться, и тут мне Ремарк помог. То есть он писатель, понятно, что средний и однообразный, но всё равно хороший и стоит на полке практически у всех людей, ну, в нашей стране. Даже если люди не особо читают, Ремарк где-то и у них завалился, «дежурит». И для меня Ремарк стал таким мостиком, что ли, от не литературы — к Хемингуэю и так далее. То есть я начал читать Ремарка, прочитал «На Западном фронте без перемен», а это вообще как бы для мальчиков. Я имею в виду, что он такой вот, как «Война и мир», только без «мира», и поэтому нормально «заходит». Я прочитал «На Западном фронте без перемен» и почувствовал разницу между «Я вор в законе на зоне» и этой книгой. Я не уверен, что все люди способны почувствовать, но у меня как-то получилось.

И потом уже всё очень быстро пошло. Ещё проблема в том, что не было интернета. И не было в окружении человека, к которому можно подойти и спросить, что можно почитать. И приходилось, я не знаю, там... я помню, ходил в библиотеку в тридцатую, открывал какую-то фигню с каталогом, смотрел на эти фамилии и думал: «О, блин, кто из них нормальный-то вообще?»

Нет, я знал, что там Толстой, Достоевский, но они «достали» ещё в школе. В девятом классе, в десятом, в пятнадцать лет какой-то Достоевский — не пойми что, так скучно. Там убийство — две страницы, а потом сопли по поводу того, что он её завалил, — прикалываетесь что ли? Ты либо убивай, либо не убивай, что ты начинаешь? Плюс нам же ещё про них ничего не рассказывали, ну, в том смысле, что граф Толстой Севастополь защищал, воевал. Они вот такие бородатые висят там, на стене, скучные какие-то мужики старые. И вот эта тетенька в кофточке, затюканная, бедненькая — учитель, да? Ту из школы выжили, которая была хорошая. А эта — сидишь, смотришь, думаешь: «Чему ты можешь меня научить, господи ты боже мой, ты на «Гелендвагене» вообще едешь или на чём, или на автобусе? Не говори мне ничего, не говори со мной больше ни о чём».

Я как-то фанатично начал читать, когда меня зацепило. Я в какой-то момент дошёл до того, что мог прочитать книжку за день. Сесть и в этот же день её закончить. Даже если это была какая-то серьёзная книжка, «Идиот» Достоевского, например. Она, конечно, не очень серьёзная книжка, но тем не менее. Я здесь имею в виду язык. Например, я не могу очень быстро читать Платонова, Эко, Умберто который. То есть я его вообще бы лучше не читал никогда. По ощущениям. И всё.

О жизни на улице

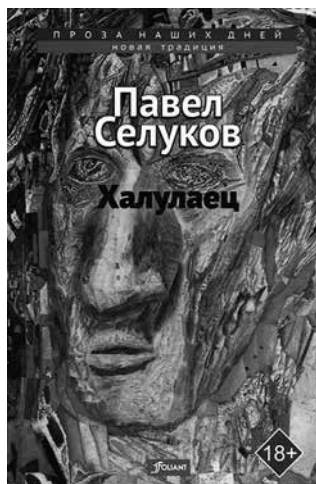
У меня папа — непростой человек. Мы с ним подрались, и я решил, что, в общем, хватит. Надо как-то самостоятельно, туда-сюда. Я жил на улице, когда мне было восемнадцать лет. Темперамент, видимо. В этом нет ничего удивительного, на самом деле. Где-то три месяца я пропутешествовал по всяким подъездам.

Но я потом комнату снял в общаге на Комсике. Забавно достаточно было там жить. Такая двухэтажная общага, все всех знают. Цыганки с золотыми зубами. Такой колорит сумасшедший. И да, я жил на улице. Но книги читал три года, наверное, плотно, с пятнадцати лет. И к букинистам ходил знакомым. Выменивал — ну, чтоб без денег, там: принес две, получил одну и так далее. И вот там мне попался журнал «Знамя», мне его в довесок дали. И я его листал, там нашел стихи Бродского, отрывок Пелевина и вообще офигел. То есть до этого я не читал современную литературу, читал всякую классическую: Достоевский, Толстой. А тут современная и шикарная. На меня это большое впечатление произвело, и когда я из дома уходил, я этот журнал с собой взял.

А потом я на стоянку устроился работать зачем-то. Там же, на Пролетарке. А там вообще делать нечего. Там такая будка, киоск и кресло. Его на помойке нашли, притащили. И ты сидишь сутки, телевизора нет, ничего нет. И ты сутки, как в карцере таком своеобразном. Берешь с собой книги. И вот то, что ты с собой взял, то и читаешь, у тебя нет другого варианта развлечься. Ты не можешь уйти со стоянки и поменять книжки на другие, если вдруг эти не пошли. У тебя вот это обязательство. Лежат три книги, и ты их читаешь. Почитаешь эту три часа, устанешь от нее, отложишь, возьмешь другую, почитаешь три часа, отложишь. Я два года в этом карцере с книжками просидел. Думал — господи, когда это, на фиг, всё закончится уже?

О том, как начал писать

Я пишу-то всего лишь два с половиной года. У меня были, конечно, попытки что-то изобразить в тетрадочке. Но людям это показывать не стоит. Мне кажется, это со всеми происходит, кто много читает. Ну, в определенном возрасте. То есть ты много читаешь, и в какой-то момент тебе в голову приходит идея, почему бы тебе не пописать, собственно? И ты там чего-то как-то,

стишок не стишок, рассказ не рассказ, какую-то ерунду. В то же время оттого, что ты очень много читаешь, ты понимаешь, что это ерунда. То есть ты когда это придумываешь, тебе кажется, что это вообще классно. Потом проходит пара дней, ты это перечитываешь и думаешь, господи ты боже мой, что с тобой не так, парень? У меня не было какого-то желания стать писателем или ещё что-то.

А после двадцати жизнь так круто завертелась, что вообще не до жиру, быть бы живу. И к тридцати годам я только успокоился. Не знаю, гормончики, может, стали меньше бегать, в этом дело.

И в тридцать меня Игорь Аверкиев позвал в [Пермскую] гражданскую палату. Вообще из-за какой-то ерунды. Он там написал какую-то маленькую штучку «Где она, великая русская православная реформация?». А я вот на нее огромную портянку написал в комментариях. Потом он позвонил, сделай статью, мы опубликуем у себя на сайте. Я тогда водку пил с Будильником, сидел на кухне. Я сделал, заметку опубликовали.

Потом Аверкиев говорит: «В Ныробе что-то не то происходит, съезди на три дня, посмотри, выясни. Проведи журналистское расследование». Я говорю: «Так я вообще ничего такого не делал никогда». Он говорит: «Ну, почитай книжки про это, как это делается, и езжай».

Если бы не Игорь Валерьевич, вообще бы ничего на самом деле не было, никаких рассказов, никакой книги, потому что, ну вот тот круг, в котором я жил... Аверкиев меня вырвал из этих координат, в которых я существовал. Это интересно получается: то есть координаты, в которых я существовал, — это, в общем-то, топливо для литературы, но сама литература начинается, когда ты из них выходишь. Это всегда какой-то взгляд сбоку, какая-то дистанция. И вот он эту дистанцию создал, ну, как в «Простоквашино», да: подобрали тебя на помойке, отмыли, отчистили, да, а ты нам тут «фигвамы» рисуешь. Вот, типа того. Рисую «фигвамы» теперь.

И вот я начал работать в палате, то есть у меня там была такая прикольная обязанность: я должен был мониторить все новости Пермского края... И ты это все читаешь, часа по четыре в день. То есть задача была найти что-то такое, какую-то такую новость, проблему, которую можно было бы в Перми поднять, осветить, и через это, через вот пермское присутствие, решить ее, как-то повлиять.

И для меня — такая ответственность, какая-то «социалочка» вот эта вот пошла. И это отвлекало как-то, разгружало, мне это нравилось. Мне уже хотелось заниматься какой-то публицистикой, колумнистикой, еще чем-то. И у меня такое состояние было... то есть я вот этим занимаюсь, занимаюсь, занимаюсь... и понимаю, что я вечером приду домой и смогу писать

вообще, что захочу, наконец-то... И как вот пружина... Она целый день сжимается, сжимается, сжимается, а вечером распрямилась, прямо вообще «ништяк»... Как хорошо, как хорошо.

А потом мне чего-то надоела как-то вся публицистика, колумнистика, я начал вообще совершенно фривольными вещами заниматься, ну, собственно, вот эти все рассказы пошли. Как-то они вылезли, ну... не знаю, я подозреваю, что последние 15 лет пружина сжималась, теперь она распрямляется. Вот. Опыт какой-то копился, копился, в какой-то момент он стал критическим, видимо. И пришлось как-то его художественно преломлять, выписывать, выбрасывать из себя, чтобы не таскать... лишнее.

Я у Стивена Кинга прочитал книжку «Как стать писателем», ну не столько прочитал, пролистал, вот. И мне там попала фраза, что, ну, дружочек, если хочешь писать, то пиши по 8 часов в день, вот как рабочая смена. Вот как бы вдохновение — вот это вот оставь за бортом. Так ты ничего не напишешь никогда, если ты будешь ориентироваться на вдохновение. Каждый день по 8 часов — рабочая неделя пятидневная. Будет не получаться, когда-нибудь будет получаться, если есть талант. Если нет, ну, расстроишься, пойдешь куда-нибудь работать, вот и все. Я решил попробовать, ну, думаю, Кинг может, а я что, не могу что ли...

Я стал пробовать писать по 8 часов в день. У меня не получалось, конечно, сразу писать по 8 часов в день, я писал часа по 3 и думал, как, блин, он еще 5-то пишет, где силы-то берёт? Но постепенно, потихоньку, я вышел на эти 8 часов. То есть я понимаю, что это довольно тупо звучит, тупая цель, писать 8 часов, но... И вот тогда, наверно, и началось что-то более-менее внятное.

О том, как пишется рассказ

У меня сейчас день поделен, условно говоря, на две части: четыре часа я пишу роман, четыре часа рассказ. Пишу сразу начисто. Я продумываю его. Мне очень важно, чтобы он звучал еще. Чуть ли не пою, как Бродский, свои стихи. Ну я же пишу в телефоне все, даже роман. Потому что я не могу сидеть восемь часов, а лежать могу. И, конечно, я в процессе самого написания что-то поправляю. Да, я написал какой-то кусок, я его прочитываю и, если мне не нравится, как он звучит, я пытаюсь переформулировать. Вот эта фраза слишком длинная, надо короче и так далее. Я понимаю, что это, с одной стороны, глупость какая-то, но мне почему-то это важно, чтобы мне нравилось, как это звучит на слух. Я в этом смысле такой «мальчик-аутист», который лежит в комнате сам с собой и чего-то сам себе читает. Забавное такое состояние...

Как правило, когда он уже дописан, там уже править нечего. Я правлю, а потом переправляю назад, ну, то есть я понимаю уже, что наступила та стадия, когда ты текст портишь уже, а не улучшаешь, то есть что вылезло, то вылезло, надо как бы оставить, да.

Единственная проблема — это концовки, то есть на концовках я, бывает, что зависаю. Это же главная проблема, собственно, из всего там постмодернизма. Дальше чего там, в конце-то делается. Вот над этим я могу достаточно долго думать, то есть бывают рассказы, которые я написал, и мне не нравится ни одна концовка. Я начал, например, повесть про депутата московского, которого сослали в пермскую общагу, чтоб он жил на 15 тысяч со своей женой в месяц. И вот, как эти два мира сталкиваются... При этом много чего об этом сказано ...снято. И я до какого-то момента дописал, все было прикольно, а дальше понял, что я не понимаю, как неизбежно, в смысле сюжета, поступать. И в силу темперамента я пытаюсь любую возникшую проблему изучить в ближайшие же часы, взять штурмом, условно говоря. Но если первый, второй, третий штурм проваливается, то я откладываю... Надо, значит, чтобы отлежалось.

Я считаю, что так текст получается более личным, если писать от первого лица. Просто я иногда надеваю шкурку героя на себя. Вот. И как-то в это попадаю, и, соответственно метафоры начинают приходить, какие должны приходить ему. Такая ролевая забава.

Какие-то рассказы я пишу и от третьего. Ну, то есть это просто инструментарий. Если я чувствую, что лучше писать от третьего лица, я пишу от третьего. Если чувствую, что лучше писать от первого, я пишу от первого. Абсолютно каких-то правдивых вещей я вообще не пишу. Задача — достичь художественной правды, а не пересказать быль.

О фейсбуке

Меня Аверкиев заставил зарегистрироваться [в фейсбуке]. Я писал рассказы, и они были не хуже по качеству, ничем не хуже рассказов сегодняшних, и там реально два, три лайка, четыре. А потом Юзефович меня перепостил — 1 мая 2018 года — и, так сказать, сертифицировал, в том смысле, что, да, это писатель, можно его читать, ребята. И меня стали читать. И я думаю, как же так, ведь я писал не хуже с 2016 года, ничего не поменялось, но... Нужна сертификация.

О жизни

Я вообще так хорошо не жил никогда, как живу сейчас. У меня запросы достаточно скромные в этом смысле, и то, что я вообще до 32 лет дотянул, — это чудо, на самом деле! Я должен каждый день радоваться, даже если есть нечего... Но на самом деле заработать, если человек занимается только литературой, почти невозможно. Если ты год писал книгу, предположим 400 страниц, и пусть даже она не так плоха, как покажется критикам, ты за это получаешь аванс 50 тыс. рублей. И это все! Остальное — если она разойдется, доптираж, экранизация и т.д.

Ты можешь написать вторую книгу, и получишь аванс 70 тысяч рублей, ну съездить на Пхукет, добавив еще столько же своих... Но отчаиваться сильно не стоит, есть читки, выступления, премии — миллион, три миллиона, но это из области фантастики. Но в целом люди, связанные с литературой, зарабатывают за счет сценариев и пьес. Если твою пьесу взял театр — минимальные деньги — это 150 тысяч рублей, насколько я знаю.

О СЕЛУКОВЕ

Анна Жучкова, литературный критик

<...>

Тексты Павла Селукова, как доказательство повторения онтогенезом филогенеза, позволяют полюбоваться жанром анекдота в его первичном, средневековом состоянии. Пошли мальчик и девочка трахаться на озеро, а за ними мужики увязались. И хотели уже девочку изнасиловать (ибо мальчик так себе защитник), но появился другой мужик и их прогнал. Поехал мажор на мотоцикле кататься, а на дороге девушка голосует — брат в лесу ногу поранил. Мажор брата до больницы подвез, потом с девушкой слюбился, но без члена. «Не зря Микеланджело ваял Давида с небольшим аккуратным членом. Он полагал, что большой член не только уродлив визуально, но и, как символ приапизма, крайне вульгарен в идейном смысле. Секс на первом свидании из той же оперы». Да... А потом мажор решил девушку к себе увезти. Посадил ее на лошадь, то бишь на мотоцикл, — и погнал. А там смотрит — девушки-то сзади и нет. Не захотела полонянкой быть. Спрыгнула на ходу. Он вернулся, нашел труп и на обочине

прикопал. Кажется, это все, что я помню из книги. Стираются, понимаешь, анекдоты из памяти, прыг-шмыг — и нету. Вроде, только прочитала, а уж и не помню ничего кроме общей убогости текста.

Тут сравнивали Селукова с Чеховым. Или он сам себя сравнивал? А, да! В интервью журналистка два раза спрашивала: на кого, мол, равняетесь? И он дважды честно отвечал: на Чехова. (Интересно, зачем в начале и в конце интервью задавать один и тот же вопрос?) Так вот от Чехова, даже раннего, рассказы Селукова отличаются следующим: Чехонте подмечает психологические нюансы человеческого поведения. Показывает то, мимо чего в обычной жизни мы проходим не осмысливая. У Селукова же никакой психологии нет. Обычный разговор за пивасом, нулевой градус сознания: слышь, чувак, прикинь, а этот вчера вон чо...

<...>

Но есть в книге и пуант — заглавный рассказ «Добыть Тарковского». До него я думала, что вкралась опечатка и книга должна называться «Добить Тарковского». Однако рассказ все прояснил: герой занялся самообразованием. После этого рассказа словесные экзерсисы без начала и конца ради красного словца сменяются историями с парой-тройкой эпизодов. Например: жители Перми от долгой зимы каждый год учиняют злодеяния, а мэр, чтобы это прекратить, решает принести жертву. Герои думают, кого в жертву-то? Бомжа, или велосипедиста, или, может, девственницу, хотя с ними сложнее. И год за годом мочат жертв. Однако не помогает.

Напоследок хочу повторить — хороший Селуков парень, добрый. Прочитаешь книжку от корки до корки, закроешь и понимаешь — добрый человек написал. Я не шучу. Этим, кстати, он от предыдущего ученика Л. Юзефовича, Захара Прилепина, сильно отличается. Что не может не радовать.

Герман Садулаев, писатель

<...>

Читая тексты Селукова, я почувствовал что-то знакомое, не в строении прозы даже, а в тонкой мелодии и в невидимом настроении. Вспомнил, что так же был потрясён, впервые читая рукопись «Печатной машины» Марата Басырова. Я стоял в очереди к выходу на посадку где-то в аэропорту Алжира и решил просмотреть отправленный товарищем файл. Всё равно стоять долго, скучно, можно по диагонали пробежать этого нового Гоголя. И застрял. Читал жадно, ел строки глазами. Думал: неужели так можно? Неужели такое сейчас есть взаправду? Вот так, по-настоящему? И никому не известный парень где-то там на кухне вот это всё взял и написал, даже не побывав в Липках ни разу?

Издательство «Ил-мисис» Евгения Алёхина выпустило в 2017 году собрание сочинений Марата Басырова. Полное собрание сочинений в одном томе. Потому что Марат прожил недолго, ушёл от нас в поля счастливой охоты. В книге есть рассказ «Тарковский». Маленький и самый страшный рассказ Басырова. И он абсолютно о том же самом, о чём рассказ «Добыть Тарковского» Селукова.

Несколько рассказов из сборника Павла Селукова, представленного на «Нацбест», я уже читал в журналах и перепостах в социальной сети. Это помешало эффекту взорвавшейся бомбы, который могла бы иметь книжка, если бы автор дотерпел. Мне кажется, не стоило печатать куски цельного компендиума тут и там. Но это лично моё мнение. Понимаю, как хочется предстать, обнажиться перед читателем сразу. Тем более современные электронные средства предоставляют возможность.

Анна Жучкова

Герман Садулаев

Елена Одиноква

Ко второй половине сборника появилось опасение, что автор передержит, заездит, как грампластинку, свой удачный, но довольно плоский образ «пацана с окраины, которого перепахало Большое Искусство». Но, слава богу, в нужном месте появился рассказ «За миллиарды лет до Борисоглебской тушёнки», и все персонажи, а также декорации приобрели метафизическую глубину. Из сырого погреба потянуло Юрием Мамлеевым, в самом хорошем смысле. Последний рассказ, «Почти влюбился», саркастически дезавуирует лирического героя сборника. И это тоже хорошо. Вообще, эту книгу лучше читать целиком, в неслучайном порядке рассказов. И новый Гоголь, наверное, всё же опять явился.

Елена Одиноква, писатель

<...>

Не совсем понятно отвращение автора к обывательской жизни. <...> Рано слать книги на конкурсы, большой человек, ты сперва познай внутренний закон, трансцендентное, вот это все. Чтобы смеяться и ниспровергать священных коров, нужно предложить взамен нечто сильное, сложное и емкое, а не просто «неинтеллигентное». Нужно самому быть Маяковским. Недостаточно просто встать в позу и сказать: «Ха-ха». Не поймите меня неправильно, критик в юности тоже пару раз играл в фифу и смотрел «Бивиса и Батт-хеда». Но этот концептуальный мультсериал был каким-то более цельным и оригинальным, а у Селукова то детские воспоминания, то драмы, захиревшие в зародыше, то пролетарские приключения повзрослевшего героя, то многозначительные намеки, то демонстрация культурного багажа, внезапная, как плевок четкого пацана на асфальт. Короче, сплошная постирония. Побродив около табличек «Ирония», «Постирония» и «Метаирония» и обзрев кучи на полу, одинаковые, как в «Квадрате» Эстлунда, мы с вами отправимся к главному экспонату – рассказу «Добыть Тарковского».

«Когда я был тупым, то есть еще более тупым, чем сейчас, то есть – тринадцать лет назад, мне вдруг понадобилось стать умным». Знакомая история. Уточняя: умным герой захотел стать, чтобы понравиться бабе. Малолетний дол***б, решив, что Тарковский – это некий пропуск в мир интеллектуальной элиты, объездил весь город в поисках заветного кино. Как последнюю надежду, заловил препода «Истории цивилизаций» и получил-таки «Рублева». Узнав заодно, что Тарковских было два, это просто о****ь. И... Ну и все, на самом интересном месте. Это был программный рассказ или анекдот?

«Принес. Вверху Андрей Тарковский, внизу «Андрей Рублёв». На диске. Элли, думаю, Элли! Пошел смотреть. Потом еще смотрел. И еще. И еще. И еще. А вчера посмотрел последний фильм – «Жертвоприношение». Пока смотрел, Элли замуж вышла и детей нарожала. На**али, как Страшилу».

Листая эту книгу, с тоской вспоминаешь «Великих и мелких» Белкина и думаешь, когда же отечественные авторы перестанут мусолить протертые штаны супрематизма. Не хочу сказать, что эта книга никуда не годится. Написано неплохо (а главное, коротко) и легко читается, а это, пожалуй, основное качество бестселлера. Но опыт поколения здесь рассеян мелко и беспорядочно, как биологические жидкости алконавтов у стен родного завода.

Михаил Хлебников, литературовед

<...>

Я не могу сказать, что книга Селукова плохая. В ней можно найти удачные истории, в некоторых рассказах есть ритм, поймана своя, незаемная интонация; где-то глаз выхватывает интересную метафору. Проблема только в том, что таких рассказов сегодня немало, а Селукова многие воспринимают как долгожданное явление. Причины этого отношения мне понятны, и я их даже разделяю. В их основе усталость от «сделанности», вымученности современной прозы. Есть явный запрос на «настоящее». Нынешний номинант соответствует этому ожиданию – прежде всего внешне, биографически. Из Перми, без высшего образования, работал вышибалой, пишет рассказы, основанные на знании жизни, о которой растленные комфортом, азиатской кухней, велодорожками жители мегаполисов могут только догадываться. Кстати, об этом говорится в аннотации. Ну и для конкретизации образа: «увлекается кино и пельменями». Это вам не «переводит Рильке» или «изучал живопись прерафаэлитов», как в анкете у большинства. Тут – житейский эксклюзив, переходящий в «уникальную писательскую судьбу».

Что касается минусов сборника. В нем слишком много проходных, ненужных рассказов, которые не спасает даже милосердный для читателя объем.

<...>

В упомянутой аннотации нам обещали: «Герои книги – маргиналы и трудные подростки, они же романтики и философы. И среди них на равных Достоевский, Воннегут, Хемингуэй, Довлатов, Бродский». Никого из перечисленных авторов я здесь не вижу. Если и узнал кого-то, то Стасика Потоцкого из довлатовского «Заповедника». Тот, будучи весьма средним советским писателем, пробавлялся сочинением рассказов с символическими финалами:

– Главное – быть человеком, Шурка, – сказал Лукьяныч и зашагал прочь.

Шурка долго, долго глядел ему вслед...

Увы, «долго, долго» случается слишком часто, чтобы не замечать подобной роскоши. И да, при желании Воннегута с Достоевским я перечитаю сам.

По мере чтения начинаешь понимать, как устроены рассказы Селукова. Скомбинирую пассаж: «И тут Надька, тварь такая, отвернулась от перемазанного рвотой Витька, демонстрируя ледяное равнодушие, о котором писал Альбер Камю». Читатель, тот самый благополучный житель «города желтого дьявола», после этого должен бережно отложить книгу, встать, подойти к окну и, глядя на огни проезжающих внизу машин, подумать о том, как много он потерял, забыл, не успел.

<...>

На мой взгляд, правильно устроенный сборник рассказов должен иметь внутреннюю композицию, структуры, которые отсутствуют у Селукова полностью. Формально «Добыть Тарковского...» делится на две части. Первая – «Потому что мы подростки» – рассказывает о детстве обитателей Пролетарки до того, как они научились полноценно бухать, трахаться, иногда вмазываться. Вторая – «Между ужасом и кошмаром на острове Бенедикта» – когда Витамины, Бориски и прочие не только полностью вкусили все прелести настоящей жизни, но и успели пострадать из-за этого. Рассказы можно тасовать, вырезать из книги. Ничего не изменится в силу того, что приемы весьма ограничены и никакой дополнительной присадкой автор порадовать не может. Может быть, увлечение пельменями мешает.

Здоровый абсурдизм, который должен сочетаться с экзистенцией, слишком многословен, рассудителен и, несмотря на мат и прочие приметы реальности, не вызывает доверия. Текст «Найти женщину». Электрик Коля, страдающий от одиночества и общего падения тонуса, не может решить заявленную в заголовке проблему. Наконец возле булочной он сталкивается с одноклассницей Леной. Она сначала шутит, что замужем, потом соглашается «сходить в ресторан». А затем кульминация:

Вдруг Лена замолчала и сказала:

– Как был взрывным, так и остался. Я не замужем, дурачок. Пошли уже куда-нибудь.

– Чё? Как... Почему это ты не замужем?

– У меня ноги нет.

– Чё?

–левой. Протез.

Лена постучала костяшками по ноге.

– Он очень дорогой. Из Японии. Пошли уже.

– Ноги нет? Нет ноги?

– Потрогай, если не веришь.

Коля потрогал. Действительно – нет ноги. Без ноги. То есть, условно говоря, без ноги. С протезом, буквально говоря. Да на хрен она ему нужна без ноги?! Или нужна? В ноге ли дело? У одних две ноги, а как будто одна, а у Лены одна, а как будто две. А секс как? Если секс, то оно как? Вдруг отпадет? Или не отпадет? Интрига.

Проблема не в отсутствии ноги, а в отсутствии рассказа. Ну а «интрига» в том, как это может вообще понравиться.

Естественно, что взгляд мой субъективен, но «большой прозой» «протез Селукова» я не считаю. Интерес же к нему – здоровый симптом. Надеюсь, что переход количества в качество не заставит себя ждать. Ряд других номинированных авторов позволяет на это рассчитывать.

Александр Снегирев, писатель

<...>

Талант автора очевиден, зоркость, лаконичность, всё при нём. Осталось только от мужских химер избавиться, поверить в себя и перестать доказывать, что ты крут. А то как будто пришёл к другу поговорить о главном, а он весь разговор перед зеркалом эффектные позы принимает. Мы верим, браток, ты крут. Теперь можно выкопать самого себя из могилы неуверенности в себе и тщеславия, потому что, только обнажившись до предела, можно помочь собеседнику/читателю почувствовать, что перед ним не шоумен, а настоящий человек. Пожалуйста, расскажи, какой ты слабый, не лей скупые мужские слёзы, а продемонстрируй подлинную уязвимость. Расскажи правду. Да, мы знаем, что, согласно сериалу «Новый Папа», правда является пороком, причём неискоренимым, но: во-первых, в слабости больше

Михаил Хлебников

Александр Снегирев

Ольга Погодина-Кузмина

драматических красок, а во-вторых, вспомним Камю — только свободный человек может позволить себе правду. А писатель обязан быть свободным.

Ольга Погодина-Кузмина, писатель

<...>

Истории Селуков закручивает лихо. Иногда сюжеты уж слишком выдуманные — авиакатастрофа, когда парень с девушкой попадают вдвоем на необитаемый остров, или случай на рыбалке, когда «нежный мальчик» внезапно оказывается маньяком-потрошителем. Часто финалы провисают в воздухе, или никак не монтируются с началом рассказа. Но в каждой истории есть вера в лучшее и, пусть призрачная, надежда на будущее. И — что еще важнее — в каждом герое просвечивает, брезжит частица мировой души.

Будем надеяться, что молодой писатель Павел Селуков пробьет себе путь к признанию — если не кулаком и кастетом, как его герои, то искренностью, прямоотой, неожиданностью метафор, прорастающих из богатства языка и самобытного взгляда на этот мир.

Владимир Козлов, писатель

<...>

В принципе, и подростковая проза, и тексты о маргиналах могли бы меня заинтересовать. Сам вырос и до сих пор бываю на Рабочем поселке Могилева, который, в сущности, не так уж и отличается от Пролетарки. Но в этой книге не зацепило практически ничего.

Картонные, «сериальные» герои. Банальные, шаблонные, вторичные ситуации.

<...>

Отдельно — об использовании ненормативной лексики. В рассказах ее достаточно много. С одной стороны, диалоги людей из маргинальной среды без мата представить себе очень сложно, а с другой, в современной российской прозе, в принципе, все возможно — на фоне общей государственной политики в культуре. При этом ненормативная лексика в рассказах

Владимир Козлов

Ольга Чумичева

Олег Демидов

Селукова работает неровно. Где-то она действительно помогает создать достоверные речевые характеристики героев, а где-то используется слишком уж дозированно, и в результате получается фальшиво и искусственно.

Ольга Чумичева, переводчик

<...>

Больше всего книга Селукова напоминает сборник текстов для стенд-ап шоу. Одни тексты почти дотягиваются до лучших образцов разговорного жанра (Вуди Аллен тоже мелькает в повествовании, но тут скорее Джон Карлин уместен), другие не выше уровнем простого комедии-баттла. Но как только в голову приходит эта аналогия, всё становится на свои места. Слышишь голос рассказчика, представляешь юношу, который стоит на клубной сцене и «вспоминает случаи из жизни», призванные позабавить аудиторию.

Насколько тексты для стенд-апа являются частью литературы? В не меньшей мере, чем пьесы, киносценарии, либретто балета и оперы. Их удобнее слушать, чем читать глазами, хотя... я в детстве любила читать либретто, да и сценарии иногда интересны именно для чтения. Так что почему нет? Вполне литература. Но не рассказы и не повесть, устный жанр. Как будто автор делится мгновениями жизни, только все они в воспоминаниях, в ретроспекции, с насмешкой и отстранением, как бы вытесняемые из собственной жизни рассказчика.

<...>

Олег Демидов, критик

<...>

Селуков пишет как будто простым языком. За словом в карман не лезет. Нужна грубая и абсценная лексика — пожалуйста. Если так говорят подростки, как иначе писать?

Удивляет, что на этом языке можно говорить о каких-то важных вещах. О жизни и смерти. О любви и ненависти. О борьбе бобра с ослом.

Ну вот: сорвался на иронию. И всё потому, что речь героев Селукова заразительна. Даже не речь, а настроение, которое создаётся благодаря ёмким, резким и удачно используемым словечкам.

Иной реакции, наверное, и не может быть. Говорят, любой человек может написать книгу. Одну книгу. О своём детстве. Это вызывает эмпатию у окружающих. Но это и заставляет задать самый важный вопрос: а способен ли автор на что-то ещё?

В случае Селукова – способен.

Сборник делится на две неравные части: меньшая называется «Потому что мы подростки» и как раз затрагивает детско-юношеские темы, а вторая часть, большая, называется «Между ужасом и кошмаром на острове Бенедикта» и строится уже чуть иначе.

Вот, например, оригинальный рассказ «Квартира Виктора». Несмотря на то, что главный герой всё тот же подросток (за которым волей-неволей хочется разглядеть автора), писатель предлагает уже нечто большее, нежели занимательный сюжет и язык. И это – конструирование художественного мира.

Главный герой чувствует в собственной квартире каждое помещение по-своему: туалет настраивает его на философский меланхоличный лад, кухня позволяет быть холериком, гостиная – конфузиться, комната, которую делил с сестрой, погружает в пофигизм.

К этой конструкции Селуков добавляет ещё ряд микросюжетов и остранение, с помощью которого взрослый человек вспоминает себя в подростковом возрасте.

То есть в этом рассказе уже видна рука мастера.

Много ли таких текстов в книге? Хватает. Не все такие же ровные, не все, может быть, столь же оригинальны, но определённо все заслуживают внимания.

<...>

Здесь смеёшься и плачешь (автор мастерски выбивает, как правильно подметила Галина Юзефович, именно эти две эмоции) и над главным героем, и над его другом-маляром. То есть ситуация амбивалентная. И в этом прелесть прозы Селукова.

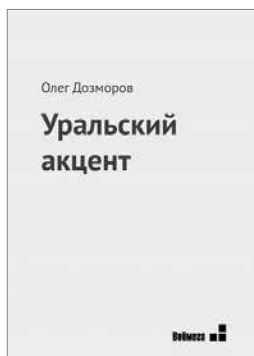
Если не ошибаюсь, именно амбивалентность персонажей, ситуаций и читательского восприятия имеет в виду Леонид Юзефович, когда пишет в мотивационном письме, что это «...тот писатель, которого не хватало нашей литературе, чтобы напрямую, без сложной системы зеркал, отразить современность и при этом вернуться к своим истокам – к раннему Достоевскому, например».

Вообще получается, что тонкая и точечная писательская работа заставляет говорить об этих рассказах чуть иначе, чем заявлено в подзаголовке: они интеллигентные (по, как говорил Бродский, величию замысла) неинтеллигентные (по своему содержанию и языку).

<...>

Марта Шарлай

Об «Уральском акценте» Олега Дозморова

За недолгое нахождение на обочине литературного процесса я не много написала о поэтических книгах, и всё написанное касалось уральских поэтов, почти всегда екатеринбургских. В этом не было никакого моего умысла, думаю, что и промысла свыше тоже. Обычное дело — общая география. Другое дело, что когда-то Олега Дозморова и Бориса Рыжего я узнала с их голоса, а это уже многое значит. Стихи их расстилают такой литературный и шире — культурный — ландшафт, что и не желаешь знать о чём-то (о ком-то) — узнаешь. И ещё — та высшая музыка, которую они, в отличие от многих нынешних, хранят. Память неугасимая; литературное ДНК, не испорченное мутациями. Нет, я не хочу сказать, что это утрачено в молодой нынешней (уральской — стоит сузить) поэзии. Но сегодня, если мне хочется помнить, что поэзия, наследующая той, большой поэзии, которой время никогда не пройдёт, жива, я читаю стихи Олега Дозморова.

Прелесть этих стихов в том, что они столь же (условно) архаичны, сколь современны. В них времени нет, кроме грамматического и поэтического. Это Пастернак и Блок, это немножко Мандельштам, это и Фет, и Тютчев отчасти звучат со страниц поэтических книг Дозморова — и всё-таки это его, его голос, его герой говорит, пишет, живёт, мучается тоской, одиночеством, необъяснимым (и объяснимым тоже) гнётом, лучшим своим стихом, который всегда впереди.

Каждая книга Олега Дозморова для меня — большая радость. И каждую я читаю сразу, от начала до конца. Так другие бросаются к любимым героям в приключенческих романах с продолжением. Лирический герой Олега Дозморова вне времени — и поверх времён. Потому что весь — от поэзии.

И ещё — для меня важно совпадение поэта и человека: моего отношения к обоим. В ранней юности считаешь, что большому поэту многое прощительно. С годами понимаешь: ничто не отделяет поэта от человека, и тем более поэту непрощительно *не быть гордым* (не: горделивым) человеком.

Слово *человек* в «Уральском акценте» звучит часто, на разные лады, и поневоле понимаешь, как важна для поэта дихотомия: заложенная как в самом слове, так и в означаемом:

— животное, бытовое — бытийное, экзистенциальное: «Человек сжѣг в комнате кислород» (с. 9), «Когда бы я был маленький человек», «В соседском окне другой, большой человек...» (с. 17), «Наверное, / о человеке в свете грусти» (с. 28), «Плохо мне — я тоже человек» (с. 57), «отделить человека от зверя» (с. 64), «Человек задумал барбекю...», «Как жалко человека» (с. 91), «О, какие проходит руды / голос частного человека» (с. 95), «Человек и впрямь берѣт пилу...» (с. 131), «Человек — урод» (с. 134), «умер человек» (с. 145), «Человек зашѣл в аптеку» (с. 148);

— связанность (узничество) — свобода: «Что, человек-сам-себе-тюрьма» (с. 7), «Человек рассеянный, говори без страха» (с. 14), «Мечта человека: ничто не стучит в висок» (с. 15), «и человека победить / в себе, угрохать смело» (с. 69);

— уникальность — двойничество: «Человек / это был» (с. 112), ...И почему он, дьявол, / похож так на меня? Он человек?» (с. 157).

Есть в «Уральском акценте» стихи, в которых слово «человек» не произнесено, но которые, без сомнения, посвящены венцу творения. Таково, например, стихотворение «Краб оркнейский, орешек, дружок-пирожок...», где речь идёт о морском обитателе, попавшем на стол человеку. И лирический герой, как ему свойственно, рефлексивно отмечает: «*Я подумал, что вот, стал ты фарш, а был лев, / хлебом краба заел*». Лиричность бытовой ситуации подчёркивается минимальным набором лексических средств: «дружок-пирожок», «набежала волна, как слеза», «северная душа», «замазали в чрев» — с очевидно ироничной окраской. Безымянный краб противопоставлен здесь поименованному (Джанис или Джейн) и безымянному (лирическому герою) человеку и самому себе (был лев — стал фарш). Домысливая, можно продолжить эту линию: лев — царь зверей, и краб был своего рода царём — в своей природной нише, так человек стоит над всем животным царством, но однажды, «попавшись в мешок», он тоже станет не ценнее фарша, пойдёт на корм.

С этим тесно связано следующее в книге стихотворение: «Получая премию “Безразличие”...», где речь идёт, с одной стороны, о поэте (стоящем, конечно, выше обывателя), а с другой — о том же человеке-животном («прикупая хлебца, окорочок / и сметанку...»), к которому лирический герой обращается довольно беспощадно: «*Помни, серое пучеглазое...*». Так здесь сталкиваются человек и поэт, безымянный (он — лирический герой) и поименованный (Архилох), обывательское и экзистенциальное.

Та же дихотомия имеется в виду в стихотворении «В парке. На мотив Елагина», где прозревается возможная судьба некоего «мальчика на скамейке рядом с мамой», который одинаково может стать и «замечательным поэтом... как я бы, может, смог», и убийцей, и равно «совсем никем»: «*И свет небес его не одурманит, / и дольний блеск не соблазнит ничем*».

Другое стихотворение, где лирический герой размышляет о человеке, навеяно сирийскими событиями: «ВКС России нанесли...». Здесь о «маленькой тени», скрытой облаком от взрыва: «*Человек / это был*» — и повтор к самому себе: «*Это был, Олег, / человек*». И дальше: «*Он бежал оттуда что есть сил. / (Я бежал оттуда что есть сил.)*». И если в другом, ироничном (о Постановове), стихотворении лирический герой чурается двойничества, изо всех сил

отделяется от — навязанного ему внешним сходством — двойника («...И почему он, дьявол, / похож так на меня? Он человек? / А может, биоробот...»), то здесь, напротив, выделяя уникальность человека (в данном случае стремящегося к горнему: «прославлял Аллаха своего»), лирический герой, называя и своё имя, тем самым отделяя себя от другого, тем не менее ставит себя на место бегущего войны, и добровольное двойничество здесь подчёркивается почти полным повтором стиха с заменой лишь местоимения. И — итог: «*Как мы все пропитыны войной*».

Одно из удивительнейших стихотворений, вошедших в этот сборник, имеет длинное название: «На смерть бегемота Алмаза в Свердловском зоопарке в 2012 году». Удивительно оно и вроде бы совсем нелирическим поводом, из которого родилось лирическое произведение, и образом бегемота как таковым, что неминуемо вызывает в памяти сборник предыдущий «Смотреть на бегемота», а главное, стихотворение, давшее название книге (точнее, его пол-строки) — «Ну что за день двадцатое апреля?», где, кстати:

И человек

*торчит, как пень, один на остановке,
другой бредёт,
как тень его, в развязанном кроссовке,
и снег идёт.*

Опять лирический герой втянут в ситуацию двойничества. И неважно, что там — элегия, а здесь — «песенка с рифмами неточными». Но здесь и там — стояние Сизифа у подножия горы.

*Жизнь как у гиппопотама,
одиночества и травма
каждого здесь ждёт.
Человек — урод.*

И что такое «здесь»? Здесь — в жизни, но и здесь — на Урале. Поскольку локус для Олега Дозморова важен, в «Уральском акценте» это подчёркнуто абсолютно недвусмысленно. И, может быть, оттого что подчёркнуто, с одной стороны, с другой — всё время снижается, иногда сводится к минимуму, пафос ностальгии, любви к отечеству. Это было ещё в той книге, в стихотворении, открывающем часть «Стихи, написанные в Уэльсе», где английская ирония горчит русской тоской:

*У стенки печь для барбекю:
её в субботу разжигают
и радоваться заставляют
как бы Отечества дымку.*

Уэльское барбекю в новом сборнике обернётся чисто русским («Человек задумал барбекю...»), и лирический сюжет здесь окрашен совсем иначе интонационно:

*Человек и впрямь берёт пилу,
молоток, топор и два гвоздя
и до ночи у себя в углу
мастерит хрен знает что, грозя*

*богу, мирозданию, судьбе,
матерится, глупо рот открыв,
вызывая у меня к себе
неприличной нежности прилив.*

Начинаясь лёгкой иронией, перечислением вещного ряда, обращением к низменно-му, обывательскому, он достигает высших категорий (бог, мироздание, наконец — нежность) и хрупкого и одновременно исключительно поэтического чувства, которое иронии не терпит. Более того, читатель здесь вынужден столкнуться с совсем не греческим катарсисом, обычно подготовленным развитием сюжета. Нет, сюжет вещный отменяется, а в качестве *deus ex machina* выступает сам лирический герой, прозревающий себя самого в отвратительный момент неотвратимой вечности.

*Все мы знаем, что к чему
в этой жизни драгоценной,
нежной и обыкновенной,
ускользающей во тьму.*

— Скажет лирический герой в стихотворении «Человек зашёл в аптеку...», подчёркивая двойственность самой человеческой жизни, для которой безысходность и одиночество слишком частые спутники. И опять вопросы жизни-бытия освещены иронией, улыбкой:

*Человек зашёл в аптеку.
Не затем что хочет жить,
просто чтоб поговорить.
Одиноко человеку.*

Жизнь в данном случае ставится выше экзистенции. Одиночество, которое поэтически часто осознаётся как питающая среда, выступает антонимом разговоров (очевидно, пустых). Трудно избежать здесь ассоциации со стихотворением С. Гандлевского, лирический герой которого «стоя под аптечной коброй» понимает, что «жизнь прошла», как трудно не припомнить Рыжего, с его «Мой герой ускользает во тьму...», вызванного последней строкой «аптечного» стихотворения Олега Дозморова. Хотя во втором случае это только росчерк — в память о друге-поэте, такой акцент, от которого не избавиться. Действительно важный акцент для Олега Дозморова, будь он понят метафорически или абсолютно прямо.

Как переплетается в стихах Дозморова уральский закат и Атлантики свет, родыгинский вальс и пьяная ругань и свист английских футбольных фанатов, так же переплетаются низменное и высокое, возвышенное и обывательское. Отрицание, отрешивание, сведение в насмешку поднимает из глубин (не памяти, но чувства) немодное: *тоску по родине*. Выложенное на блюдец с голубой каёмочкой читателю как всамделишное на самом деле отвергается по сути:

*Славлю я пиццы кусок после влажной домашней уборки,
в барчике «Роща» веранду с кустами ободранных роз.*

Единственное слово — «ободранных» — всё выдаёт: и собственный неуют, и тоску, и мысли о другом: крае, себе — обо всём — другом.

И как чернокожего выдаёт цвет кожи, азиата — разрез глаз, так героя «Уральского акцента» — интонация, которую «заело», которой он стыдится («краснею, как сука»), с одной стороны, а с другой — герой открыто признаётся: «лелею, прагматик, / чёртово чоканье вечно, везде».

В другом пронзительнейшем стихотворении, элегии «Для того чтобы мальчик, в Уральских горах пропадающий...», снова повторяются слова «уральский акцент», — как опознавательный знак в пустоте, они вынесены на белоснежную обложку. Именно здесь лирический герой (автогерой) наконец отбрасывает иронию, выходит из игры, выступает без артистических покровов. Здесь он объявляет, в чём смысл его собственного поэтического бытия, и кто его главный критик — он сам, тот, кто «был этим мальчиком [кто мог бы сказать «Во даёт, сукин сын!»]». Но пропадающий в Уральских горах мальчик больше не существует — тот, именно тот, уже не сможет прочесть ничего из написанного сегодня тем, кто от этого мальчика некогда отделился (опять мотив двойничества). И финал: *«Извините, я не консультирую, мальчики. / Наперёд не скажу ни о ком»* — это опять и про Бориса Рыжего, пропавшего в Уральских горах в период расцвета своего таланта и его признания, и про Романа Тягунова, тоже ринувшегося с набранной высоты, и про себя самого, одна часть которого словно бы осталась пропадать в этих самых горах, а другая устремилась к другому ландшафту. Это про всех, кто так или иначе Уральскими горами — Каменным Поясом — повязан.

Здесь трудно просто жить, а быть поэтом ещё труднее. Здесь обязательна дружба, поскольку в одиночку не выбраться. Круговая порука поэтов, о которой говорила Марина Цветаева, важна везде, но здесь, в отдалении от литературных центров — Москвы и Питера, с их многочисленными литературными кружками и группами, — она тем более важна. Здесь важно быть признанным своими, потому что они знают больше, чем те, кто в других краях живут: именно ту атмосферу, в которой рождается здешний поэт, со всеми её необъяснимыми нюансами, с особенным историческим и литературным прошлым, с её поэтическим настоящим.

Вот откуда взялась, казалось бы, абсурдная по сути своей «Уральская поэтическая школа», которой объединены совершенно разные поэты, с разными поэтическими наследственностями, методами, приёмами, эстетическими, а порой социологическими и даже политическими установками, актуализированными в творчестве. Речь, по сути, о том, что уральскость как принадлежность (принятая или, быть может, преодолеваемая) является необходимой характеристикой поэтов, живущих на этой особенной во многих отношениях территории. Уральский акцент, настойчиво удерживаемый (*лелеемый*), — как пароль и как мета.

В «уральских» стихах, в стихах, обращённых к уральской юности, к здешним друзьям, лирический герой Олега Дозморова не может быть — не способен — быть ироничным, здесь он предельно лиричен, элегичен. Предельно откровенен. В «Письме Наташе Санниковой в ответ на стихотворное послание ей» — одном из самых прекрасных в сборнике стихотворений, которое записано прозаической строкой, дабы сохранить форму письма, содержится страшное по своей сути признание, ответ на вопрос о том, лучше ли живётся поэту там, за границей, чем здесь, на родине:

Везде живут и умирают люди в полнейшем одиночестве, увы (любовь и ту придумали умы ехидные). Повсюду дышишь странно. Повсюду кукиш смотрит из кармана. Везде болезни, пошлость и тщета. А климат не решает ни черта.

Но чуть выше несколько в другом тоне:

Моральную победу одержали, кто от родных осин не уезжали, и потому я чувствую вину и, предаваясь терпкому вину печали, грусти, блядской ностальгии, я наблюдаю в небе хирургии процесс по вечерам в другом окне.

Что это за моральная победа, которую не одержал лирический герой и которая рождает в нём вину?.. Ведь остаться тут — вовсе не подвиг, слава богу, не идёт речь ни о войне,

ни о глубокой депрессии страны, когда выбор оставаться или уезжать имел бы большую остроту. Но и уехать — не подвиг, как и не подлость. А кажется, что моральная победа тут лишь в том, что не познавший странного дыхания повсюду имеет всё же надежду на избавление: однажды найти дверь, за которой дышится легче, радостнее. С другой стороны, всё же оказывается, можно наблюдать, как «закат льёт кровь», в любом окне. И те, кто остались, — остались там, где они «вместе». (А более того те, кто уже никогда никуда...) Он же нарушил эту целостность. И потому — вина. Хотя по сути это вина без всякого объяснения. Строчка Б. Рыжего «Перед кем вина? / Перед тем, что жив» здесь вполне отзывается.

Но как должен чувствовать тот, для кого «*The Hope — задрипанный наб / и Glory — зелёный горошек*»?..

Здесь в пору обратиться к лексике «Уральского акцента», которая в более ранних книгах не была столь экспрессивной, часто балансирующей на краю нормы. Другая особенность «Уральского акцента» — в почти постоянном столкновении быта и бытия, дольного (самого его низа) и горнего, или метафизического, причём часто сам лирический сюжет построен так, что между этими противоположными сферами граница не только не видна — её будто нет. Один из замечательных примеров этого — стихотворение «Мармелад в круглосуточном магазине», которое начинается очень бытово и даже низово:

*Мармелад в круглосуточном магазине —
вот и брешь у студента в потребкорзине.
Но какая разница, дурачок,
если утренний стоячок...*

Тут же оказывается, что «стоячок» — не вполне о том, о чём в первую очередь мог подумать читатель (а может, и вовсе даже не о том), но:

*если ручкою синей абракадабра
на страничке в клеточку расцвела,
поэтические приоткрылись жабры,
волочатся по улице два крыла?*

И вот финал, где физиология и лирика вновь сливаются, где горизонталь и вертикаль утрачивают свою определённую:

*Муза русская в зеркале в изголовье
обрывает ромашку: дала — не дала — дала.
Сердце бедное злой типографской кровью
наполняет строф пещеристые тела.*

Речь больше не идёт о разделении, лирический герой больше не отделён от своего бытования, как не отстранён от существования над самим собой. У него и денежная брешь, и утренний стоячок в самом прямом смысле, и поэтические жабры, и даже два крыла волочатся — всё по-настоящему, в самом деле, а не условно. И кто иной, если не поэт, имеет привилению «говорить и называть / словами вещи». В лексиконе поэта нет слов дурных и хороших, запрещённых и позволительных. Его лексикон не ранжирует слова по значимости, ибо каждое ценно, прекрасно и обязательно в каждом конкретном стихе.

*Я одинок в своей пустыне,
мне русский мат ласкает слух.*

*Родная речь! Я твой поныне,
как кобелёк по следу сук.*

Мифологическое сознание, которое в нас, уже крайне цивилизованных и окультуренных, живо до сих пор (и вряд ли избудет), к словам относится очень серьёзно, веря в их животворящую и преображающую силу. Отсюда заговоры, молитвы, приметы. Собственно, и стихи — отсюда же. И вот почему вещное и метафизическое так переплетаются в «Уральском акценте» — лирический герой сам верит, что сможет сделать так, чтобы «стали истинными вдруг / слова вещами». Но тут же, спохватясь, оговаривается:

*Хотя зачем серьёзно так?
Всё шутка это.
И мне взаймы дал Пастернак,
заняв у Фета.*

Здесь бытовое «взаймы» полностью освобождается от своего денежного наполнения, от обывательского понимания долга, который непременно возвращается в том же размере. Вещное преодолевается словом и становится чистым эфиром. Шутка внезапно утрачивает насмешку, улыбка становится застенчивой и благодарной. Лирический герой отчасти преодолевает своё одиночество, сознавая своё место в том ряду, где невозможно стоять одному, где если и воин в поле, то не один.

Таким образом, лирический герой Олега Дозморова снова говорит о своей родословной, уже определяя её не географически, но метафизически. Он, вышедший с окраин (Уральских разрушенных гор), конечно же, осознаёт себя исключительно русским поэтом, наследником Поэзии от золотой пушкинской (и лермонтовской) поры до свинцового XX века, осенённого гениями Мандельштама и Ходасевича:

*Выхожу на дорогу с окраин.
Путь кремнистый блистает — невмочь.
Кто писал изумительный «Камень»,
сочинял «Европейскую ночь»?*

*Кто меня обманул и покинул?
Бросил с пульей в овраге глухом?
Кто внутри всё сломал, передвинул
сочинённым случайно стихом?*

Примечательно здесь то, что лирический герой говорит не о целительной силе поэзии, а о её разрушающей, опрокидывающей, хотя в конце концов преображающей силе: невозможно стать поэтом, если душа не надорвана, если она не была глубоко потрясена, ибо так совершенствуется её слух (чуткость).

Закончить это эссе мне хотелось бы стихотворением-манифестом — важным акцентом не только в сборнике, но, пожалуй, вообще в поэтическом существовании Олега Дозморова:

*Молчи уж. Где она, Россия?
Да уж не там, где калачи,
народ, менты и палачи
и где Георгий мочит змия.*

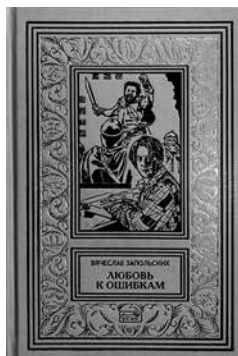

*Не где берёзы и рябина
и всяческие лопухи
обсеменяются у тына.
Она — где я пишу стихи.*

Олег Дозморov. Уральский акцент. — М.: Воймега, 2019

Ихневмоны и Пантевгены

Вячеслав Запольских. *Любовь к ошибкам*. — М: Престиж Бук, 2019

Скажу сразу: я проделала этот квест по собственному выбору, но никому другому я, будучи добросовестным автором, не могу рекомендовать его повторить: чтение этого 700-страничного романа заняло у меня полгода, и я не сказала бы, что это были полгода упоительного наслаждения. Нет, не то чтобы я потратила их впустую: во-первых, я много нового узнала о средневековой Византии, а во-вторых, то и дело возникали моменты, когда казалось, что вот-вот — и произойдёт долгожданный переход количества в качество, вот-вот эта тяжеловесная, плохо структурированная словесная масса извергнет из себя сияющий смысл!.. Были такие моменты. Но они проходили, а ничего не сияло.

Роман «Любовь к ошибкам» Вячеслав Запольских писал с 2011 по 2015 год, но и сегодня кажется, что это лишь набросок, нуждающийся в доработке. Возможно, если бы издательство «Престиж Бук», выпустившее книгу пермского писателя в своей знаменитой «Ретро-библиотеке приключений и научной фантастики», проявило редакторскую решительность и упорство, можно было бы существенно улучшить текст, но издательство торопилось, и у этой поспешности есть уважительная причина.

«Престиж Бук» открыл в Пермском крае настоящий клад — здесь на протяжении последних 30 лет создавались, оказывается, весьма качественные произведения в жанрах научной фантастики и фэнтези, которые, по мнению руководства издательства, достойны продвижения на российском уровне. В издательском портфеле скопились объёмные тексты Владимира Соколовского, Михаила Шаламова, Евгения Филенко и Вячеслава Запольских. Первым вышел двухтомник Соколовского, в котором был опубликован его замечательный роман «Уникум Потеряева».

Следом планировался «Галактической консул» Филенко, затем книга Шаламова... Однако писатели попросили издательство отложить их долгожданные публикации и как можно скорее выпустить роман Запольских: его автор тяжело болел.

Запольских успел увидеть и одобрить редактуру и вёрстку книги, а вот тираж не увидел: умер за неделю до его выхода из печати. Таким образом «Любовь к ошибкам», едва увидев свет, уже перешла в ранг почти что классики и обрела статус трагического произведения, вызывающего пиетет. Для Вячеслава Запольских этот роман был делом жизни, ради которого он пожертвовал всем: будучи талантливым, работоспособным и в своё время очень востребованным журналистом, он в последние годы работал охранником на автостоянке и всю свою творческую энергию, все интеллектуальные ресурсы тратил на написание романа. В мобильных мессенджерах он использовал ник «кампидуктор»: так в средневековой Византии назывался человек, в обязанности которого входило венчание императора на царство. Почему

именно этот воинский титул он использовал как собственный идентификатор, неизвестно, но ясно было, что он с головой в Византии.

Именно там и тогда происходит основное действие «Любви к ошибкам». Точнее, половина основного действия: вторая половина происходит в Перми в эпоху перестройки. Хронологические рамки легко определить и там, и там: в Византии это рубеж VI-VII веков, от последних лет царствования Юстина II (570-е годы) до захвата трона узурпатором Фокой (602 год); в Перми – лето 1991 года и мятеж ГКЧП. Фишка повествования в том, что хронологические слои смешиваются и перетекают друг в друга: бывает, что начало абзаца – ещё в Перми, а конец – уже в Византии, да что там абзац! Бывает, что два времени совмещаются в одном предложении: вот, к примеру, упоминаются сандалии – обувь римского воина, и тут же эти сандалии оказываются на ногах девочки, дочки главного героя пермского «слоя» книги.

Совмещением этих двух времён хронологические фокусы в «Любви к ошибкам» не исчерпываются: там может в любой момент вылезть какой-то ещё временной слой, например, события 1918 года или времён эвакуации столичных театров в Молотов... Порой кажется, что писатель торопился в одном романе затронуть все «обязательные» пермские сюжеты, вроде сюжета о таинственной казни Михаила Романова и его ор-

динарца Николая Жонсона: главный герой Геннадий Порей и его лучший друг Димка Безматерных обнаруживают захоронение в подвале дореволюционного мотовилихинского дома, и тут же действие переносится в этот дом в 1918 году, где сильно пьющие чекисты готовятся пристрелить пленников, неназванных, но узнаваемых.

Волюнтаризм по отношению к историческому времени подчёркивается тем, что в романе есть три героя вообще бессмертных. Эти трое – фигуры из реальной истории: датский посол при Петре I Юст Юль, монах и просветитель XVIII века Адам Зерникав и авантюрист екатерининского времени Сакромозо. Фантастическая тройка в Перми 1991 года охотится за некоей рукописью, которая почему-то чрезвычайно важна; как оказывается, важная рукопись – это как раз то, что является византийским «слоем» в повествовании Запольских, в реальности же пермского «слоя» это незаконченный роман деда Геннадия, профессора Пороя.

Вот «слои» и сошлись: оказывается, это роман в романе.

Словесная ткань «слоёв» очень разная. Пермская реальность выписана с любовью, знанием и пониманием. Любой пермяк эмоционально откликнется на этот текст – в нём столько родного! Такой узнаваемый Дом учёных на Компросе, такой незабываемый Владимир Самойлович – самоотверженный кинемеханик легендарного Клуба

госторговли (в романе этого персонажа зовут Андрейка Колеватов); сылвенская дачка, полурастаявшие «чайковские» пельмени, которые удалось купить по случаю и которые бегом надо доставить домой, чтобы не слиплись в унылую массу. Милые люди, забавные стишки (Запольских цитирует «нескладушки» Нины Горлановой).

Византийский «слой» автор изо всех сил старался сделать столь же обаятельным и живым. Чувствуется, что пермский писатель тщательно изучил знаменитую книгу Сергея Иванова «Прогулки по Стамбулу в поисках Константинополя»: топография «второго Рима» выписана тщательно, в неё столь же тщательно добавлена фактура, все эти звуки, запахи, вкусы... «На мраморную белизну Августеона бросала багровые отцветы меднодверная Халка. Неколебимый Милий руководил мировой географией. Людской рекой струилась Меса. Ветер хлопал выцветшими навесами над лавками Макрос Эмбола»... И так – всю дорогу.

Но византийская реальность всё равно остаётся книжной и надуманной. Проблема в том средстве, которое писатель сделал основным для достижения своей цели: в языке книги.

Ещё в бытность свою корреспондентом «Нового компаньона» Запольских пользовался нарочито сложным языком, настолько сложным, что один из постоянных читателей газеты в шуточном поздравлении к очередному

юбилею издания писал: «Я счастлив, когда понимаю то, что написал Павел Копейщиков!» Павел Копейщиков — это постоянный газетный псевдоним Запольских, которой настоящей фамилией газетные материалы не подписывал, берёг для литературы.

В современной беллетристике писатели часто нарочито усложняют язык, особенно в начале своих книг. Вспомним то же «Сердце Пармы» Алексея Иванова: попробуй проредись сквозь первые полторы страницы со всеми этими «хонтуями», «пурихумами» и «Вагийомами!» Этот приём — фильтр для читателей: отсеивает ленивых и нелюбопытных. В западной беллетристике это явление тоже не редкость.

Однако «Любовь к ошибкам» — иное дело: для Запольских усложнение языка стало самоцелью. Писателям помастеровитее заковыристая лексика не мешает сделать повествование складным и ясным, здесь же ни складности, ни внятности нет. Кажется, что специфический язык стал для писателя важнее, чем сюжет и смысл. Как бы вдумчиво и настойчиво читатель ни пытался освоить это повество-

вание, он неизбежно будет путаться в нагромождении терминов и диковинных имён. Кто такой Пантевген и чем он отличается от Ихневмона? И куда вдруг исчез этот Пантевген, почему на его месте оказался Косьма? Что вообще происходит? И где?

Вукелларии, стратиоты, эскувиты... Бесконечное описание битв и походов. И ни слова в простоте! Там, где греческих слов не хватает, писатель запросто заимствует из других языков: летучую мышь называет «фледермаусом», а особняк — «мансионом». Лишь бы посложнее, понепонятнее, а цельность языковой ткани не важна. Да что там язык! Правдоподобие самой средневековой византийской реальности, к которому Запольских, казалось бы, так стремится, напрочь разрушается, когда герои сравнивают противников с индюками. Какие индюки? Америку-то ещё не открыли!

Подобных ошибок, небрежностей и нелепостей в тексте масса. Грамотный редактор бы точно не помешал. Впрочем, роман ведь называется «Любовь к ошибкам», может, это оправдание всем много-

численным неточностям, которые есть в тексте? Потому что иного объяснения заголовку так просто в романе не найти. Есть какие-то намёки на то, что рукопись профессора Пороя оказывает влияние на реальность, в том числе на реальность историческую: рукопись не закончена, и от того, как её допишет внук профессора Геннадий, зависит судьба средневековой Византии и магистра Германа, главного героя византийского «слоя» повествования. Ошибётся автор рукописи — ошибётся и история. Впрочем, это только намёки, точнее, наши догадки: текст «Любови к ошибкам» ничего не скажет о том, что случилось с этой рукописью, чем завершилась история Германа, и история Геннадия Пороя тоже. Чтение закончится ничем. Остаётся только гуглить, что там случилось во время восстания Фоки, и ничего хорошего гугл не принесёт. В реальной реальности всё кончилось печально.

Обо всём этом хорошо было бы поспорить со Славой Запольских. Только не с кем спорить уже, вот беда.

Юлия Баталина

Координаты Иванова

Никита Иванов. Василий. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2020

Если рассказать историю достаточно уверенно и убедительно, в ее реальности мало кто усомнится, и тем

более никто не задумается о реальности ее рассказчика. Впрочем, пока не об этом.

Писать рецензии на своих ровесников — занятие достаточно странное по ощущениям, ты как будто находишься

в сравнительном обороте, хотя должен быть в позиции не то дополнения, не то пояснения. Тем более что тексты уже тридцатилетнего Никиты Иванова, написанные плюс-минус десяток лет назад, непростительно хороши для его возраста.

Возможно, на руку сыграло то, что сборник «Василий» (как и все сборники поэтической серии «InВерсия») крайне невелик по объему и включает всего десять, вероятно, лучших, стихотворений двадцатилетнего Иванова. Эта книга является своеобразной антологией и подведением итогов, ибо, насколько мне известно, больше этот автор литературой активно не занимается и новых текстов не пишет.

Тексты Иванова — это снимок времени, своеобразная окаменелость, которая запечатлела раковину уже древнего моллюска-Екатеринбурга 2000-х годов, встречающего нас (почему-то рестораном) «Ростиксом» и модой на экстази в первом же стихотворении-новелле.

Не скажу, что помню это время плохо, просто с дру-

гого ракурса, однако культурно-бытовые маячки, разбросанные по страницам, каждый раз невольно заставляют мозг не то лихорадочно вспоминать, не то подделывать воспоминания о временах былой славы ЖЖ, каналов Discovery и Animal Planet, о переименованных уже по несколько раз ГИБДД и ОБНОН и прочих обывательских прелестях (потому что «времена прелестей»).

Собственно, обыватели и являются главными героями текстов Иванова: от студента до клерка, даже, казалось бы, громкий Джим Моррисон на самом деле «не хуже других, <...> не то, чтобы звезда первой величины, / но он доволен, и ему хватает на жизнь и хватает работы». Среди этих персонажей нет героев или романтиков, они предназначены для среднестатистических условий существования в среднестатистической стране, ее среднестатистическом субъекте.

*Она работает продавцом
в киоске «Цветы».
В ее прошлом образование,
муж, мечты.
В настоящем — телевизор
и ложь.*

Субъекте, к которому тексты Иванова привязаны достаточно жестко. Насколько нелепой бы ни была характеристика «русский» для автора, придется признать, что этот отягощен еще и уточнением в виде «уральский». Это заметно по тому, как единственный американизированный текст

сборника (при всей любви к американским текстам) «Звезды, полосы» качественно выпадает из ряда других — Иванов не может писать о Джиме и Джеке, он должен писать о Костике, о русском. А русское, оно всегда создается по принципу чукотской песни, даже если видно исключительно место, где неясно, «че делать», и слушать нечего, кроме «Сомнамбулы» (не «Чайф» же, в конце концов).

Конечно, фокус внимания может смещаться, например, на Бостон, или Рязанскую область, или Петербург, но ненадолго, потому что «потерявшего сознание молодого мента на футбольном поле <...> затоптали представители культурной столицы», а под Рязанью «пустая совсем голова <...> холодно, б***ь. <...> бело» — персонажам там неуютно, они выходят из необходимой им зоны комфорта, они становятся героями, вытаскивая замерзшие трупы из домов. В то время как их место в пробке на Гражданской, на горе Волчихе, в Пионерском районе, где может «дать люлей гопота» — короче, в границах святых для еще одного аспекта ивановских текстов цифр: 56 и 60 — широта и долгота Екатеринбургa.

*вечером у магазина «природа»
встретились два друга
один — мой школьный товарищ
другой — я по дороге
из института
мой товарищ дима предложил
здесь вечером выпить
после кажется
вторых бутылок пива*

56 и 60 — именно с этими цифрами в уральской столице начинаются наркотики и проходят лейтмотивом через сборник «Василий». Я уже упоминал, что в 2000-е была мода на экстази, но, помимо них, в «молодежную троицу» входят еще алкоголь и марихуана, которыми балуются и не очень персонажи Иванова, и неспроста. Дело в том, что наркотики — штука метафизическая, тут и игра со смертью: «Брат Кости <...> конечно же, умер от передоза», и муки похмелья, приводящие мозг в уникальное состояние полуреальности: «не делайте ему больно», и округлые «мысли об экваторе», позволяющие не совсем сойти с ума на «тигриной» почве.

Метафизичность — вообще важная составляющая поэтики Иванова, однако она целенаправленно прикрыта хламом и мусором быта, которые должны ее спрятать от не совсем внимательных глаз, — есть в этом принципе что-то

общее с творческим методом Бродского. Эту «прикрывающую конструкцию» особенно хорошо видно в паре первых двух стихотворений «Мой сосед Костик» и «Сказка о рыбаке и рыбке»: абсолютно бытовое и жесткое первое, напоминающее даже что-то из грязного реализма, вроде Уэлша, стихотворение прикрывает второе, фаталистское, полное отчаяния и потерянности, где кульминации, сюжетная и смысловая, находятся в разных местах текста, и после новелльного пуанта с рыбаком появляется экзистенциальная рыбка: «Рыбка лежит, умирает <...> двигает молча ротом, говорит постой, <...> нам не принадлежащая, вся не наша. <...> И мы теряем рыбку, и окурок старый рядом с рыбкой лежит гниет».

Иванов создал маленькую статичную вселенную, населил ее персонажами и стал рассказывать истории, которые в ней находил, в том числе и свою. Это привело к

тому, что в нашей реальности теперь существует два Иванова, и оба они, тридцати- и двадцатилетний, находятся на страницах этого сборника и переглядываются между собой и читателем через окошко-стихотворение. «Это мое первое стихотворение о литературной жизни», в котором автор обыгрывает свою литературную судьбу, неразрывно связанную с Василием Чепелевым, в честь которого и названа книга (вероятно, таким образом Иванов благодарит и отдает должное своему «отцу-создателю»), является первым камнем в строении ивановской вселенной, главным маяком эпохи 2000-х годов этого сборника, поэтическим маяком, маяком уральским.

Оно как бы кольцует судьбу персонажа Никиты Иванова через этот сборник, приводя ее в исходную точку, чью-то постель. На том и закончим.

Даниил Рытов

Евгений Витченко родился в 1983 году в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Нева» и «Нижний Новгород». Живёт в Тюмени.

Нина Горланова родилась в 1947 году в деревне Верх-Юг Чернушинского района Пермской области. Окончила филологический факультет Пермского университета (1970). Печатается как прозаик с 1980 года. Многочисленные публикации в толстых журналах. Автор книг прозы: «Радуга каждый день» (1987), «Родные люди» (1990), «Вся Пермь» (1997), «Любовь в резиновых перчатках» (1999), «Дом со всеми неудобствами» (2000), «Подсолнухи на балконе» (2002), «Светлая проза» (2005), «Чужая душа» (2005), «Линия обрыва любви» (2008), «Пермские рассказы» (2010), «Тургенев, сын Ахматовой» (2011), «Учитель иврита» и другие повести» (2012). Произведения переводились на английский, испанский, немецкий, польский, французский языки. Первая премия Международного конкурса женского прозы (1992), специальная премия американских университетов (1992), премии журналов «Урал» (1981), «Октябрь» (1992), «Новый мир» (1995), Пермской области (1996). Живёт в Перми.

Андрей Дербенев родился в 1976 году в Перми. Окончил Пермский университет. Журналист. Рассказы ранее не публиковались. Живет в Перми.

Константин Духонин родился в 1974 году в Перми. Учился на кафедре электротехнического факультета Политехнического института. Затем на филологическом факультете ПГУ. В рамках курсовой работы на основе математических методов и лингвистического анализа разработал детектор лжи. Работал журналистом, блогером и политтехнологом. В создании текстов использует возможности многоуровневых нейронных сетей. Ранее в литературных журналах не публиковался. Живет в Перми.

Николай Кононов родился в 1958 году в Саратове. Окончил физический факультет Саратовского университета, а затем, в Ленинграде, аспирантуру по специальности «Философские вопросы естествознания». Основатель и главный редактор петербургского издательства «ИНАПресс». Автор десяти поэтических и семи прозаических книг. Лауреат премий имени Аполлона Григорьева (2002, за роман «Похороны кузнечика»), Андрея Белого (2009, за книгу стихов «Пилот») и премии имени Юрия Казакова (2011, за рассказ «Аметисты»).

Ян Кунтур родился в Перми в 1970 году. Окончил филологический факультет Пермского университета. Литератор, краевед, журналист, путешественник. Публиковался в сетевых изданиях «Мегалит», «Цирк «Олимп», «Литература», «Полутона», а также в журнале «Вещь». Автор книг «Пленники города» (Пермь, 2012), «Книга на краю жизни» (Будапешт, 2013). Живет в Будапеште.

Наталья Михалева родилась в 2000 году в Перми. Публиковалась в интернет-порталах «Полутона» и «Артикуляция» и «Новой карте русской литературы». Участница фестиваля InВерсия (2020). Живёт в Перми.

Марта Шарлай родилась в 1980 году в городе Галле (Германия). Заочно окончила филологический факультет УрГУ им. А. М. Горького, кафедра русской литературы XX века (2005). Работала корректором и редактором в издательстве «У-Фактория». Автор критических статей о современной поэзии, опубликованных в журнале «Урал», «Вещь» и «Чаша круговая». Опубликовала три романа: «История Сванте Свантесона, рассказанная Кристель Зонг» (2014), «Лени Фэнгер из Небельфельда» (2015), «Адам вспоминает» (2015). Живёт в Екатеринбурге.

**Проект осуществлен при поддержке
Министерства культуры Пермского края**

Вещь: Литературный журнал. – Пермь: Издательство «Сенатор», 2020. – 120 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Марина Артемова

Иллюстрации:
Марат Бабарыкин

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

18+

© «Вещь», 2020
© Авторы, 2020
© Издательство «Сенатор», 2020

